

Серия «Серебро Слов»

Жизнь прожить – не поле перейти

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Сборник

ISBN 978-5-907154-93-3

9 785907 154933

Серия «Серебро Слов»

*Жизнь прожить –
не поле
перейти*

Сборник произведений

Коломна
Серебро Слов
2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов

Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Игорь Евгеньевич Витюк

Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Денис Викторович Минаев

Генеральный директор издательства «Серебро Слов»,
секретарь Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Наталья Вениаминовна Евстигнеева

член Российского союза писателей, г. Коломна.
Составитель сборника

Ж71 Жизнь прожить – не поле перейти. Сборник произведений. / [Авт.; Сост., авт. вступ. ст. Н.В. Евстигнеева]. – Коломна: Серебро Слов, 2020. – 198 с.

ISBN 978-5-907154-93-3

© Авторы, 2020

© Евстигнеева Н.В., составление, 2020

© Минаева А.А., обложка, 2020

© Серебро Слов, 2020

ЗДРАВСТВУЙТЕ, УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Жизнь каждого человека достойна отдельного романа. Нет неинтересных судеб. Знакомясь с новыми людьми, я не перестаю удивляться, насколько глубок и непередаваемо прекрасен мир каждого человека. Особенно мне интересны судьбы пожилых людей, за плечами которых почти пройденное поле, поле жизни. Казалось бы, внешне человек не представляет ничего интересного в старости, но начинаешь с ним говорить, погружаешься в его прошлое и понимаешь, сколько мудрости и драгоценных камней – воспоминаний в хрупком и беспомощном теле... Мы часто забываем о пожилых людях, а напрасно. Их мудрости и чистоте душевной стоило бы поучиться. Говорят, что жизнь прожить – не поле перейти. Замечательные слова. Ещё ни одному человеку не удалось безмятежно существовать, не сталкиваясь с проблемами. Возможно, в преодолении трудностей и состоит смысл жизни? Человек получает бесценный опыт, становится мудрее и сильнее. Каждая проверка на прочность оборачивается для него новой ступенькой вверх, если он одержал свою собственную победу в борьбе с жизненными стихиями. Если трудности человека ломают или делают слабее, то по лестнице познания ему предстоит спуститься на несколько ступеней, а подъём будет труднее с каждым новым испытанием. Но никогда не стоит отчаиваться и опускать руки.

Да, жизнь полна преград и трудностей, но она прекрасна, если в ней есть радость, надежда, доброта. Развивая свою личность, стремясь к росту духовному и чистоте души, человек научится радоваться каждому прожитому дню, ведь время так быстро течёт...

Жизнь прожить – не поле перейти...
Много нужно нового изведать.
Пережить, прочувствовать, найти.
А потом, постигнув смысл, поведать.

Может быть, не сможешь всё успеть.
И такое часто ведь бывает.
Караулит неустанно смерть.
Молодые тоже умирают...

Как уж повезёт... На то судьба.
Жизнь прожить – и просто, и не просто.
Две подруги – радость и беда
Зададут вам множество вопросов.

В радости ты глух и даже слеп,
От неё ты голову теряешь,
Забывая про насущный хлеб,
Ничего вокруг не замечаешь...

А беда вас делает мудрей.
Да, она научит и проучит.
Будете ценить в сто раз сильнее
Из-за туч скользнувший солнца лучик.

...Всё не просто...
Жизнь порой ломает.
Человек становится сильнее
Иль слабеет и совсем сникает,
Не пытается бороться с ней.

А она не любит бесхребетных,
Руку тянет помощи, а те
Исчезают... навсегда, бесследно,
Позабыв о долге и мечте.

Жизнь не любит гордых и строптивых –
Им она выносит приговор –
Быть или не быть среди счастливых,
Славу испытать или позор...

А ещё не любит бессердечных.
Им на боль чужую наплевать.
Среди них немало обеспеченных,
Любящих блудить и воровать.

...Но для самых вычурных господ
Тоже есть немало испытаний.
Тот, кто их с достоинством пройдёт,
Может, человеком даже станет.

Смелых и отважных любит жизнь.
Им даёт не только дивиденды.
Их спасает. Им кричит: «Держись!» –
В самые тяжёлые моменты.

Но порой бессильна и она.
Помощь оказать уже не в силах...
Выпить горе горькое до дна –
Участь всех любивших и любимых.

Жизнь прожить – не поле перейти.
Трудно до безумия порою.
Просто и легко с пути сойти...
Но проблемы этого не стоят.

Нужно побеждать и победить.
А иначе – как же ты узнаешь,
Как же хорошо на свете жить!
Даже когда злишься и страдаешь...

Под палящим солнцем и дождём,
Если снег, мороз, метель завьюжит...
Главное, что мы ещё живём!
Главное – что ты кому-то нужен!

Так бывает... Дорог аж до слёз
Неожиданный звонок от друга.
Не нужны тогда миллионы роз,
Прелести заморского досуга.

Жизнь прожить без боли, без потерь –
Только в сказках, видимо, бывает...
Добрым этим сказочкам не верь.
Жизнь то вверх, то вниз порой бросает.

Скрутит как листок в бараний рог,
Выжмет соки все и в пекло бросит...
Хорошо, когда наука впрок.
Только бы собрать потом все кости.

После всех потерь и передраг
Нужно оставаться человеком.
Плохо, если друг страшней, чем враг,
И не рад совсем твоим успехам...

Зависть – это подленький злодей,
Что подставит ножку незаметно.
Как же много их среди людей –
Ярких и совсем-совсем бесцветных,

Кому зависть застила глаза,
В ярость приводила и к безумству.
Только жизнь способна наказать,
Чтобы как-то привести их в чувство...

Каждому даётся по судьбе
Семь больших узлов. А может, больше...
Не поможет никакой совет.
Каждый только сам разбить их сможет.

И тогда судьба, замедлив шаг,
Улыбнувшись, скажет: «Я-то знала!
Каждый человек немного маг,
В каждом сердце – доброе начало».

Жизнь прожить – не поле перейти,
Реку вброд скорей, когда течение
С ног сбивает, может унести.
Всё зависит только от везенья.

А ещё от многого того,
Из чего слагается характер.
Хорошо бы, чтоб у берегов
Ждал на всякий случай друга катер...

Новый сборник «Жизнь прожить – не поле перейти» – это увлекательное путешествие по судьбам людей. Надеюсь, вам оно покажется интересным. Приятного вам чтения!

Наталья Евстигнеева

г. Новокузнецк, Кемеровская область

ДОМОЙ

* * *

Пришла телеграмма, как снег на голову, который вчера после двухдневного снегопада обрушился с крыши сарая. И не подступиться: ни двери открыть, ни лопату достать. Поработать пришлось изрядно.

* * *

Вагон СВ был пуст. Особый вагон для особенных пассажиров. Два пассажира не считаются. Да и не два. Один провожающий, значит, смена начнётся спокойно. Или нет? Что эта женщина так кашляет?

Вагон уже давно покачивался, когда в купе вошла проводница. Молодая, курносая, ни дать ни взять студентка-медичка. Халатик, хоть и не белого, а зеленоватого цвета с большими накладными карманами и обычными, с четырьмя дырочками, пластмассовыми пуговицами, строго облегал пышноватую фигуру девушки, настойчиво ассоциируясь с чем-то медицинским.

Женщина лет сорока сидела у окна. Съёжившись, как на морозе, она куталась в пальто. Молча подала билет и снова закуталась.

«До конечной станции, – отметила про себя проводница, – это трое суток. А женщина-то больна...» Поднимаясь, спросила: «Вам принести чаю?» Спросила и подумала: «Тут малина и липовый цвет нужен». Женщина кивнула и снова нырнула лицом в воротник, стараясь задержать кашель, сухой, безостановочный.

Люда уже сбегала в соседний вагон за малиной, заварила липовый цвет, а подумав, ещё и грузинский чай, из такой маленькой зелёной пачки. Мало ли что? И так, с двумя стаканами на подносе, вошла в купе. Картина почти не переменилась. Пассажирка, сжавшись в комочек, уже вся подобралась на диване и куталась

всё в то же пальто. «Что же у неё случилось?» – подумала Люда, когда женщина взглянула на неё. С обычной теперь молчаливостью и наработанной основательностью проводница поставила стаканы, аккуратно отодвинув телеграмму, появившуюся на столе в её отсутствие, поправила заправленную ранее постель, достала сверху одеяло, потом, взглянув краем глаза на женщину, спустила вниз ещё одно. Уходя, Люда сказала: «Вот это – чёрный чай, а это – малина и липовый цвет».

Сказала и обмерла: таких глаз она ещё не видела. Внутри тихонько заныло, как будто снова руку порезала. В детстве вздумала в сарае у бабушки порядок навести. Схватила за стекло, да не удержала. Никак не могла понять, откуда столько крови набежало. У бабулечки – сердечный приступ, а у неё – шрам в пол-ладони. Люда машинально посмотрела на руку и сказала: «Прилягте, я вас накрою». Она хлопотала вокруг безропотно подчинявшейся пассажирки.

Утром проводница сдала свою смену и подошла к купе. Легонько постучала. Женщина уже не спала, посмотрела на Люду и улыбнулась тихой, словно потусторонней улыбкой. Лицо и улыбка так не сочетались друг с другом, были в таком разладе, что большей нелепости, кажется, и придумать было нельзя. Как будто лесная певунья-пташка присела на секунду на мёртвое дерево, чивикнула что-то и унеслась, кто её знает куда. Люда, смутно тревожась, приветливо улыбнулась в ответ, собрала пустые стаканы и... присела на диван.

– Как вас зовут? – одними губами спросила пассажирка.

– Людмила...

Ответила и растерялась. Женщина широко раскрыла глаза и прошептала, не замечая слёз, которые свободно покатались одна за одной по покрасневшимся за ночь щекам:

– Людочка... милая людям...

Она протянула проводнице телеграмму, которую держала в руке, похоже, всю ночь, – мятую, бесформенную: «Срочно выезжай. Люда безнадёжна».

– Это сестричка моя, Людочка...

Имя прозвучало. И то ли она обратилась к этой чуткой девочке, этому ангелу в пути, то ли сестру позвала. Казалось, в купе был ещё один собеседник – тишина. Молчали, каждый о своём. Люда вспомнила, что на всём свете она теперь одна-одинёшенька. Прошлым летом проводила её бабушка в поездку. «Домой возвращайся», – сказала, да на другой день и померла. Чужие руки в путь собрали, чужие и похоронили. До сих пор ей кажется, ушла бабулечка, походит-походит, да и вернётся домой. Женщина закашлялась, но уже легче и определённое.

– А я... Любовь. Любовь Николаевна. Домой? – спросила так просто, словно Люда была пассажиркой, а не она сама.

– Ну да... Поездка последняя. Сессия скоро.

– На врача учитесь?

– Ну да... (Странно, как угадала?) На фельдшера.

После смерти бабушки Люда почти перестала разговаривать. Не хотелось. А сейчас так и рвалась к этой странной женщине. Где-то глубоко в душе, отражаясь во взглядах, происходило общение, доверительное, умное, тёплое, и только иногда выныривало на поверхность обычными словами и вопросами.

Люда молча постелила новую постель на другом диване (так и не занятом никем, не без помощи Люды, конечно) и попросила Любовь Николаевну перелечь. Они поняли друг друга: после выпитого чая с малиной отступающая болезнь отжала, казалось, из неё все соки. Так в молчаливой заботе друг о друге и ехали два дня и три ночи. Домой.

Утром, за час до прибытия, Люда подошла к купе разбудить Любовь Николаевну. Дверь распахнулась тут же. Люда на секунду растерялась. Перед ней стояла молодая красивая женщина с чётким интеллигентным макияжем на бледном лице, обрамлённом пушистой рыжеватой шапочкой вьющихся волос, сколотых на макушке обычной детской заколкой. Модное чёрное платье-«лапша», обрисовавшее превосходно сложенную фигурку,

было украшено нитью чего-то оригинально-стеклянного, простого, но изящного.

Замешательство прошло, как только Люда увидела знакомую улыбку, пташку-певунью. Сейчас она была к месту, высвечивая невыразимое очарование пассажирки, существовавшее, казалось, само по себе и во всём, чего бы ни касалась Любовь Николаевна. Спокойствие и уверенность в движениях, голосе подчиняло.

– Готова-готова. Спасибо, Людочка. Присядьте, пожалуйста.

Любовь Николаевна вынула лист из блокнота. Люда, услышав уже знакомое покашливание, совсем пришла в себя, достала из кармана листочек со своим адресом и телефоном. Так, одновременно и уже не удивляясь, они обменялись адресами.

«Улицы соседние, – думала Люда, – если идти дворами, так минут десять ходьбы. И телефон есть». То было время, когда сотовых телефонов ещё не придумали, да и не во всяком доме аппарат был.

Вслух Люда сказала: «Вы звоните... в любое время», – и запнулась.

Она так ясно представляла себе, что ждёт её взрослую подругу, жалела её, сопереживая. А сегодняшнее преображение Любови Николаевны до глубины души изумило Люду. Она поняла, ощутила неожиданно для себя, что значит чувствовать глубочайшее почтение. «Она похожа на мою маму», – подумалось девочке, хотя маму свою не помнила вовсе: погибла она в пожаре, вместе с отцом и братом. Люда осталась жива потому только, что на лето к бабушке отвезли. Месяцев десять ей было.

– Спаси Господи, девочка, – тихо-тихо, но отчётливо, совсем как бабушка говорила, произнесла Любовь Николаевна.

Люда выскользнула из купе и, на ходу смахивая слёзы, уже стучала в другие двери. Вагон к концу пути был полон.

«Ну вот я и дома», – Любовь Николаевна не заметила, как, махнув на прощание рукой, привычно лавируя в толпе, прошла по подземному переходу к вокзалу, вошла в него, как

в гудящий улей, и остановилась, выйдя на высокое парадное крыльцо. Привокзальная площадь с отходящими от неё лучами – ухоженными улицами – была видна прекрасно. Она была похожа на ладонь с растопыренными пальцами, но которых было четыре. «Ну не пять пальцев-улиц, всё равно... Как там наш поэт проживает?» – мимоходом подумала Любовь Николаевна о своём однокласснике, влюблённом в неё безнадежно и постоянно. Это его сравнение площади с ладонью она всегда вспоминала, глядя с высокого крыльца вокзала. А уж поездить пришлось.

Она неторопливо шла на остановку автобуса, не замечая мороза, уже пробиравшего насквозь. Страшно было думать, что не пройдёт и часа, как жизнь навалится на неё со всей трагической неотвратимостью.

Три с половиной месяца назад, осенью, она уезжала из города навстречу своей – так думалось – судьбе... Хорошо помнит последний разговор с сестрой. Люда, всегда розовощёкая, хоть и не гром-баба, а очень даже стройная женщина, была бледна. Такая тихая серая мышка, совсем на себя не похожая. Всегда сдержанная в выражении своих чувств и желаний, она всё-таки сказала сестре, что жить стало скучно, усталость и лень какая-то так наваливаются, что сопротивляться не хочется. Любовь Николаевна только теперь поняла, что уехала от уже глубоко больной сестры, которая, как оказалось, и не подозревала об этом.

– Такси подано, девушка, – раздалось рядом и так неожиданно, что Любовь Николаевна вздрогнула. Так она вздрагивала, когда её среди ночи или под утро кто-нибудь будил. Неприятно. Очень. Особенно неприятно, если сон был светлый, где она летала... Люба вздрагивала, ощущала жуткую тесноту, душевную несвободу. Клетка и клетка. Открыть глаза, чтобы чуть-чуть хотя бы раздвинуть невидимые, постоянные рамки, – только и оставалось. С этим ощущением она обернулась и увидела своего «поэта». Хотя почему поэта? Дар его был в другом. Он всегда знал, что произойдёт и с кем. Такой добродушный увалень... В седьмом классе – Люба хорошо помнит – все тряслись перед

контрольной по физике, а Валерка, ёрничая, пропел: «Не боимся мы физичку, упорхнёт от нас, как птичка».

После этого, как в кино, забежала в кабинет учительница, собрала свои вещи и поспешно вышла. Контрольной, конечно, не было. А за ним прочно закрепилось прозвище – поэт.

– Валерка, ты опять меня караулил? – пошутила Люба, как всегда это было, когда она натыкалась, совершенно случайно, на Велория (его по метрикам звали именно так). Стеснялся он этого имени. Валерка да Валерка. Шутка была совсем обычная для Любы, но ответ Велория сбил с толку: «Ну конечно. Пришла сегодня во сне и распорядилась: встречай». И по серьёзным глазам своего давнего друга Люба поняла: не шутит. Серьёзно. Всё серьёзно.

Люба, Любушка-голубушка, куда ты смотришь? Где душа твоя обитает? Всё твердила: нет-нет-нет... А в глаза ему хоть раз заглянула? Ну, вот и заглянула!.. И утонула... Шести секунд хватило (говорят же, чтобы влюбиться, достаточно шести секунд). Люба почувствовала робость. Впервые за всю свою жизнь она оробела перед мальчишкой. Мальчишка! Ничего себе! Двухметровый амбал, и только глаза Валерины.

– Поехали, Валера... Люда у меня умирает, – и заплакала, открыто, не пряча лица. Этот человек знает её с детства, всякую, чего уж тут лицо сохранять.

Валерины лапищи уже усаживали, оглаживали... А она взахлёб рассказывала, что не заладилось. Третий муж у неё, гражданский. Уехал к родственникам в заштатный – правда, чистый и уютный – городишко под Москвой. Всё звал, звал... А когда она приехала, увидела своими глазами и дом, и усадьбу, и хозяйство, и свекровь свою, и его самого. Как подменили его. Грубый, властный. И на работу не отпускал. А она без детей своей жизни не представляет. Устроилась в школу, всего-то кружок вести. А скандалу! А тут ещё и телеграмма.

– Не отпущу, не умерла же. Может, они паникуют, а мне скоро машину выкупать, – кричал-кричал, а мать всё кивала, кивала. Ну, пришлось характер проявить. Не просто отпустил, а ещё с директором её договорился, а потом на такси двести километров до узловой станции вёз, чтобы на московский поезд посадить. Так целые сутки выгадывали. Да всё одно к одному: поезд проходящий, билетов попроще нет совсем, только в вагон СВ (это ж какой билет дорогуший!). Купил! Как миленький! Стоянка поезда – три минуты. Спасибо девочке-проводнице. Такая душевная. Молчунья, а я отогрелась...

Люба только сейчас поняла, что машина давно стоит у подъезда сестры, что голова её лежит на плече Велория, а его рука просто и спокойно обнимает её. И не удивилась этому Люба – Валерка руки распустил! Состояние было – дома! Дома она наконец-то!

– Лю! (Он всегда её так называл.) Я теперь далеко живу, в Точилинках. Дом у меня. Звони, каждый день. И не вздумай от-малчиваться, – он протянул ей визитку. Генеральный директор... пром... сибснаб... Ух, ничего себе, не выговоришь!

Люба ничему не удивлялась. До сих пор всё в её жизни как будто стояло на голове, а только сейчас, вдруг и кстати, встало на ноги. Она подчинилась, с удовольствием, с радостью, если радость была возможна сейчас, здесь, перед этой грустной дверью. Люба усмехнулась: «Позвоню, а к телефону жена подойдёт?» Велорий угрюмо, но глядя Любе прямо в глаза, ответил: «Разогнал я всех, жён этих».

Люба понимающе кивнула, вышла из машины, махнула рукой, по-детски, одной ладошкой, и вошла в подъезд. Велорий ещё какое-то время посидел, мысли в порядок привёл. Разворошила их Люба своим вопросом. Эх, сколько он пережил из-за этой рыженькой. Сразу после окончания школы она замуж вышла. Ему отказала, а за студента вышла. Забывал-забывал, пил, гулял. Да толку-то? Заноза и есть. Хотел возненавидеть. Это её-то? Пил. Много пил. Спился бы точно. Одна бабушка спасла. Посмотрела

на Любину фотографию, потом на Велория, помолчала. Подошла к иконам, долго шептала, крестилась, поклоны била. Потом сказала:

– Судьба она твоя. Единственная. Поздняя. Не разменивайся. Люби и жди. Твоя она, да только, пока предназначенного не испытает, тебя не разглядит.

Велорий ещё раз мысленным взором взглянул на Любу, ту, на вокзальной остановке. Что-то было такое в них сегодня, в этих изумрудинах. Глаза-то у Любы зелёные.

Машина наконец отъехала.

* * *

Свекровь открыла на короткий стук. Не удивилась, что Люба не позвонила, что, вообще, она, Люба, перед ней стоит, словно час назад виделись.

– Приехала. Наталья (тётка) телеграмму давала? Люда-то не велела. Ты ж только-только на работу устроилась...

Она говорила, спрашивала и, не дожидаясь ответа, снова говорила.

– Спит она. Девчонки в школе (племянницы десяти и одиннадцати лет), а Сергей на работе. Одна я с ней по целым дням.

– Давно лежит?

– Да неделю и лежит. Операцию ей делали, сразу, как ты уехала. На работе в обморок упала. Скорую вызвали. Увезли в больницу. Гемоглобин никакой. Причину искали. А чё искать? Там уж дерево... выросло, во какое! – она растопырила пальцы на руках и продолжила, как будто сама себе: – И зачем эти анализы сдавала? Каждые три месяца! Это ж как глядеть надо, чтобы эдакое не увидеть? (Сестра в детском садике работала, музыкальным работником.)

Люба потревожила ушедшую в себя старушку:

– Желудок?

– Угу... Разрезали и зашили. Да уж лучше бы не трогали. Она сразу после больницы вроде поправилась. Повеселела.

На работу рвалась. «Праздник осени» у неё там. Дык не пустил никто с такой хворобой-то. А ты, чё ж, ничего не знаешь? Она тебе письмо писала.

– Когда? Давно?

– Давно... Месяц, а то полтора?

Люба вдруг вспомнила. Ну да! Точно! Она ещё думала: что это муж такой загадочный, внимательный? На два дня только его и хватило. Так это могло быть письмо?! Ох, душа-душа, с червоточиной... А Люда ждала ответа от сестры, от любимой и единственной! После смерти мамы (уж пятнадцать лет как) незаметно случилось, что Люба стала ощущать себя старшей, а не младшей сестрой, как должно быть. Когда мама умерла – свернулась за неделю – Люда жила в другом городе, куда попала по распределению молодых специалистов, выпускников музыкального училища. Едва на похороны успела. Потрясённая, никак не могла вспомнить, на чём приехала домой. Всего за шесть часов. Никакое такси бы не управилось. Тогда Люба всю неделю из больницы не выходила, ухаживала за матерью. И оказалась сильнее. Стала опорой для сестры.

Свекровь подошла к двери спальни и махнула рукой. Люба мгновенно оказалась рядом с кроватью сестры. Та лежала лицом к стене и тихонько трогала коврик на ней. Когда-то Люба сшила его из меха. Весёлый, со зверюшками.

Люба присела на край кровати и наклонилась над сестрой. Больная чуть повернула голову навстречу, произнесла с сердцем, но тихо:

– Ну вот! – и опять отвернулась.

– Людочка, ты что, не рада? Ты обиделась, что я приехала?

– Ну нет же! – из глаза выкатилась слезинка; Люда погладила Любину руку, которую та подсунула ей под ладонь.

– Сдёрнули тебя... с работы... – одними губами, тяжело поворачиваясь к сестре, проговорила Люда.

Люба едва сдерживала слёзы. И так было всегда! Сначала сестра, дети, муж (выпивоха и гулёна), свекровь, её дача,

любимая работа, сослуживцы, а потом – она, если силы останутся. Не остались вот.

– Люб, – подала голос свекровь, – ты бы покормила её. Не ест ведь по целым суткам.

Люба повернулась к сестрёнке и с обычной шутливой, с детства привычной интонацией сказала:

– Ну ты даёшь, сестра! Где твоя самодисциплина?

Это отец всегда говорил, что человек сам себя воспитать должен. Нет ничего важнее самодисциплины. Прав был, конечно. Царство ему небесное. Станные мысли, однако, для сварщика с семью классами образования. Читал, конечно, много и всякого, и всегда помнил название книги и её автора. Не в пример Любе. У неё всё было наоборот. Информация прорастала в ней, пускала корни, а откуда пришла? Да важно ли это?

Сестра, пытаясь улыбнуться непослушными губами, подала голос:

– Ты с дороги... Поешь. Я после...

Видно было, что каждое слово даётся трудно, с болью. Люба посмотрела на пересохшие губы с запёкшейся кровяной кромочкой, на исхудавшее лицо с ввалившимися, но такими родными и красивыми глазами. Это у них фамильное. Глаза большие, зеленовато-карие, с густыми чёрными ресницами при рыжеватых волосах. Люба помнит, как в десятом классе новая классная отправила её с урока умываться: «Это ж надо, девушка, так глаза подвести! Мастерски просто!» Конечно, природу ещё никто не обошёл, а Любу потом так и звали: девушка.

Она посмотрела с нежностью на сестру:

– Я-то поем, а тебе ещё и умыться надо.

Люба взяла кусочек марли, лежавший тут же на стуле, который служил прикроватным столиком. Свекровь уже принесла чашку с тёплой водой. Люба тихонько протирала сестре лицо, глаза, губы, а та зажмурилась и затихла.

– И что это некоторые вздумали болеть? Разлеглись тут? Никакой самодисциплины. Безобразия, в общем. Самое настоящее... форменное... безобразия.

Люба ласково бурчала, стараясь не допускать в голосе жалостливых нот, чтобы не завывать вдруг, громко и отчаянно, от горя и любви к беспомощному родному существу.

Она закончила умывание и, увидев тарелку с кашей, услужливо принесённую свекровью, ахнула:

– Ура! Еда приехала! Налетай, сестрёнка!..

Та улыбалась одними глазами и сказала медленно, почти беззвучно:

– Не чуди, Любка.

Люба узнавала в этих словах сестру. Она всегда оберегала её от громких эмоций. Говорила, что Люба напоминает глухаря на току. Тот, когда любовную песню поёт, ничего не видит и не слышит. Бери голыми руками. Вот и ей, Любе, нужно остерегаться эмоций. Сначала пропрыгать, проскакать, прокричать в одиночку, а потом уж и решение выдавать. И была права сестричка. Сколько ошибок Люба сделала!.. Вот и Велория откинула... Как же её Люда ругала! Хорошо хоть, мама этого не знала.

– Люб, – свекровь от двери махнула ей, чтоб подошла. Люба вышла. – Ты по чуть-чуть давай. Она больше двух ложек не съедает.

Люба кивнула, шумно сглотнула подкативший к горлу ком и, возвращаясь к кровати больной, пропела:

– Антошка, Антошка, бери скорее ложку...

Действительно, Люда старалась есть больше из-за того, чтобы не расстраивать сестру, но после двух ложек с трудом проглоченной пищи обессилела, откинулась на подушку, тяжело задышала и скоро-скоро заснула. Люба смахивала и смахивала беззвучные слёзы, глядя на спящую сестру.

Свекровь села рядом. Кроватей в комнате было две. На одной Люда, а напротив – все, кто приходил. Вот и Люба со свекровью сидели рядом.

– Люб, чё делать будем? Завтра суббота. А медсестра уже сегодня не придёт. Предупредила. А она же, – свекровь кивнула на Люду, – без укола не протянет долго. Это ж ты ещё не видала, как боль её донимает.

Люба растерялась, но на секунду.

– Да справимся, тётъ Тонь. Найдём медсестру, – сказала Люба и подумала о девочке-проводнице. Судьба и тут соломку подстелила.

– А когда укол нужно сделать?

– Да прямо бы сейчас и на ночь, обязательно. А то опять спать не будет. Лишний раз и не постонет ведь.

Люба вышла в коридор, плотно затворив двери в комнату. Телефон стоял здесь, на тумбочке под зеркалом.

– Людочка, девочка, это Любовь Николаевна. Помните?

– Да, да, – с готовностью отозвались на том конце провода, – хорошо, что позвонили. Укол нужно сделать?

– Да, Людочка. (А откуда ты знаешь? – чуть было не спросила Люба, но не успела.)

– Я принесу всё, у меня есть. А лекарство?

Люба растерянно оглянулась, но свекровь уже стояла рядом с коробочкой в руке. Люба посчитала:

– Ещё четыре ампулы есть.

– Бегу, это рядом.

Людочка пришла быстро, не прошло и двадцати минут. В белом, совершенно медицинском халате под пальто и с косыночкой, которую надела тут же, едва раздевшись.

– Любовь Николаевна, мне бы руки помыть и шприц прокипятить.

Она кивнула на блестящую коробочку, которую достала сразу же и положила на тумбочку.

Это была совсем другая девочка. Уверенная, собранная, но по-прежнему немногословная.

– Тётъ Тонь, это тоже Люда, – представила Люба свою новую подругу молчавшей рядом свекрови.

– Медсестра? – Свекровь начала обычные свои расспросы. – А работаешь где?

И тут Людочка удивила Любу.

– Я практику от училища в вашей поликлинике проходила, в прошлом году, и параллельно, так уж сложилось, ещё и в горбольнице, в онкологии.

Людочка замолчала. Так много слов сразу она не говорила уже очень давно, в другой жизни только, когда бабулечка была жива.

– О-о-ой, – всплеснула руками свекровь, – да ты не Семёновны ли, покойницы, внучка? Царство ей небесное, – перекрестилась она и, в изумлении глядя на Люду, ждала ответа.

Люда кивнула.

Вот уж воистину – тесен мир! Кто бы мог подумать, что обе бабушки с молодости были знакомы, не близко, но, встречаясь иногда на улице, могли покалякать о том о сём. И историю её внучки-сиротки свекровь тоже знала.

Больную не будили, ждали, когда проснётся. Сидели тихонько напротив, чуть слышно переговариваясь. Скоро больная открыла глаза, посмотрела внимательно на присутствующих, обвела взглядом комнату, потом – откуда силы взялись? – вдруг резко села, испугав неожиданным движением всех, особенно свекровь. Люба, едва придя в себя от удивления, присела рядом, обняла сестру, чтобы та не упала. А свекровь зашептала:

– Прямо беда какая-то. Она не в первый раз вскакивает. Всё куда-то домой просится. Может, – свекровь понизила голос, – в уме повредилась? Она ж дома. Или ей кажется, что она в больнице? Прямо беда какая-то.

Медсестра, незаметно вышедшая из комнаты, вернулась с готовым для укола шприцем и ждала, когда больная снова ляжет, чтобы сделать укол. Совсем скоро Люба увела всех из комнаты, чтобы сестра поспала спокойно.

– Люб, уж прости старую, – запричитала свекровь, – вас теперь двое. Может, я домой схожу, проведу. Неделю я тут, и на улицу не выходила.

Люба и медсестра переглянулись. Девушка с готовностью, глядя на Любовь Николаевну, проговорила:

– Да-да, я не тороплюсь совсем. Могу и ночью помочь.

Она не сказала, что оставила ключи соседке, чтобы за Пушистиком, котёнком, приглядела, если что. Ну так, на всякий случай оставила. Вот он, случай, похоже, и есть.

Люба посмотрела на Людочку, потом на свекровь. Сердце её сжалось. Она ясно представила себе, как та металась всю неделю между больной и здоровыми, чтобы угодить, помочь. Почти не спала ночью, да и днём отдыхала урывками, то и дело поднимая голову: то на Люду посмотрит, то на часы – не пора ли обед разогреть, внучек встречать?

– Да идите уже до утра, тётъ Тонь.

– Может, я и девочек заберу? А то младшая не отходит от Люды. Смотреть жалко.

Люба кивнула, проводила свекровь и вошла в комнату, где уже сидела Людочка. Люба присела рядом и благодарно приобняла её. Девушка кивнула. Слова стали не нужны. Пока больная спала, подруги по очереди пообедали, Люба разобрала свой чемодан и даже успела принять душ.

Проснувшись, больная категорически отказалась есть. Всё повторяла еле слышно:

– Мне... домой, надо... домой.

Люба, терпеливо выслушав, уговаривала сестру:

– Людочка, ты дома, посмотри.

И она тоже думала, что Люда перепутала дом с больницей, где лежала. Мало ли что померещится? А сестра делала нетерпеливое движение рукой и с досадой отворачивалась: ну не понимают, мол. Это действовало на подруг угнетающе. Всё так, как говорила свекровь. Когда сестра, отдохнув, в очередной раз рывком села на кровати и даже попыталась спустить ноги в больших пуховых носках (ледяные ноги-то), Люба спокойно поддержала её, сев рядом. Больная тихонько стала трогать сестру рукой, дотрагиваясь до плеча, лица, потом ласково улыбнулась и произнесла:

– Любушка...

– А кто же ещё? Мы в комнате втроем: ты, я и медсестра, тоже Людочка.

Больная отрицательно покачала головой.

– Что? Нет? Здесь есть ещё кто-то? – Люба слегка оробела от собственного предположения. – Людочка, кто ещё здесь есть?

Люба говорила и не понимала, почему эти слова сами собой говорятся? Что за бред она несёт? Но сестра внимательно смотрела на кровать напротив, потом перевела взгляд на открытую дверь, подняла от колен руку и стала показывать:

– Там... папа, там – бабушка, дедушка, тётя Нина... а мама – там, – медленно показала она на дверь. Помолчала, сосредоточенно глядя в дверной проём, потом повернулась к совсем притихшей девушке. – Там... бабушка... стоит, Семёновна... Улыбается...

Больная так устала, что уронила голову на плечо Любы, тяжело задышала, но лечь не захотела. (А ведь они все умерли!) Любе стало жутко, но она твёрдо знала, что сестра не помешалась, она в порядке, но где-то уже не здесь, не в комнате, а на границе миров, недоступных земному восприятию. Ещё говорит, любит, а душой рвётся, рвётся домой. Домой? Значит, там – все? Они есть! Там – дом? Настоящий дом? Господи, а я-то, глупая, всё за фантазии свои принимала, когда во сне летаю, ангелов слушаю, хоть и не вижу их. Всё думаю, что это у меня воображение такое богатое. А это... совсем-совсем... правда?!

Люба взволнованно обняла, прижала к себе сестру ещё крепче и спросила:

– Людочка, сестричка, а что ты так рвёшься, так торопишься, – она запнулась, – домой? Там времени нет, ты не опоздаешь. Побудь с нами. Ну, попроси... кто там тебя ждёт?.. Пусть ещё подождут, – Люба говорила, говорила, откуда слова брались. Она чувствовала, что сестра её понимает, потому что затихла, попросила лечь, закрыла глаза...

Медсестра сидела на краешке кровати и беззвучно плакала.

После короткой передышки больная открыла глаза, посмотрела на сестру и отчётливо произнесла:

– Домой... зовут.

Закрыв глаза и вытянувшись, она заплакала. Не так, как девчонки плачут, а без всхлипов, долгим-долгим воющим звуком из глубины всего её, находящегося уже где-то далеко, существа. Постепенно затихла, дыхание стало западать, как будто она забывала вздохнуть, а судорожно вздохнув, снова надолго замирала.

Когда отлетел последний вздох, никто из подруг не заметил. Люба глядела неотрывно на сестру всё это время, но поняла как-то вдруг – всё! Кончилось!

– Она... уже... дома, – сказала Любовь Николаевна и, обняв подружку, заплакала. Плакала и Людочка, вспоминая бабулечку и выплакивая теперь уже удвоившееся горе.

* * *

Зазвонил телефон.

– Это Велорий звонит, – сказала Люба. Почему она так подумала? На этот вопрос у неё не было ответа. Велорий приехал через полчаса, как только услышал, что сестра ушла.

* * *

На годовщину, за три дня до Нового года, все собрались в доме Велория и Любы. Племянницы не вылезали от тёти Любы. Ещё бы! В доме две собаки, три кошки и один замечательный карапуз, Валерка, полутора месяцев от роду.

Свекровь и Люда, медсестра, приехали с Велорием. Далеко всё-таки. Людочка окончила училище и работает в поликлинике, той самой, куда её с радостью приняли. Рука у неё лёгкая. Видятся с Любой часто.

В Точилинках завершили восстановление храма при активном и многолетнем участии Велория.

Валерку крестили. Крёстной мамой стала Людочка.

*г. Коломна, Московская область
10 класс, творческое объединение «Пегасик»*

ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ КОЛОМНЫ, ИЛИ УВЛЕЧЁННЫЙ ПОИСКОМ...

*Жизнь духа – единственное,
что приносит удовлетворение человеку.*

А. Сент-Экзюпери

Старая яблоня под окнами деревянного – дедовского – дома распрямилась, сбросив с веток снежный мех. И теперь стояла, роняя холодные капли.

Анатолий Иванович прикоснулся к шершавому стволу и тихо произнёс: «Вот и снова весна...» Любимое время года: не только в природе, но и в человеке оживают жизненные силы. Эту яблоню Анатолий Иванович посадил вместе с отцом 9 мая 1945 года, в День Победы...

Домик на тихой улочке Казакова в древней подмосковной Коломне. Приют «трудов и вдохновенья» писателя-краеведа, журналиста, педагога и художника А.И. Кузовкина. Почётный гражданин города. Автор 80 книг и брошюр, рассказывающих о Коломне и коломенцах, 18 буклетов, посвящённых землякам. А ещё есть альбомы для раскрашивания. Свыше 800 тысяч экземпляров – таков общий тираж!

Москвич по рождению (1939 год), он очень рано по воле судьбы оказался в Коломне. Здесь учился, дружил, отсюда ушёл на службу в армию, окончил педагогический институт, встретил свою любовь... работал в газете.

Несколько поколений коломенских школьников выросло, читая эти искренние, добрые книги «о времени и о себе». Скромный человек, истинный патриот, он не любит пышных фраз. Таковы и герои его очерков и статей: ветераны войны, сельские труженики, врачи, учителя, рабочие. Благодаря А. И. Кузовкину из плена безвестности возвращены имена десятков земляков, по его

инициативе открыты в их честь мемориальные доски, названы улицы города. Воплотились в жизнь идеи писателя о создании Аллеи памяти коломенцев – Героев Советского Союза, музея Боевой славы, клуба краеведов.

Его книги словно прогулки с краеведом – живые, интересные рассказы. Говорят, что каждый писатель должен найти свою тему. У Анатолия Ивановича – это люди родного города, которых он любит. Да, в книгах писателя-публициста нет фантастических сюжетов, нет суперменов, но каждый факт биографии героя – это «сердце на ладони». Именно так получает читатель возможность проникнуть в загадки души и подвига. А живописные полотна и фотографии, выполненные Мастером, погружают в мир странствий по просторам Родины.

Есть у Анатолия Ивановича одна особенно дорогая для него награда – звание «Почётный ветеран 135-й Краковской Краснознамённой стрелковой дивизии». Так оценён его многолетний вклад в пропаганду подвигов воинов соединения, сформированного в первую военную зиму в Коломне (музей в МБОУ СОШ № 29) и прошедшего с боями до Германии.

Более 40 лет А.И. Кузовкин работал в редакции газеты «Коломенская правда» литературным сотрудником. Новая книга писателя, вышедшая недавно, не случайно названа «"Коломенская правда" – моя судьба». И по сей день продолжается сотрудничество: Анатолий Иванович – редактор историко-краеведческого приложения к газете, в течение почти 50 лет готовит и выпускает страничку «Край родной». В доме повсюду книги, бережно собраны рукописи – материалы для будущих книг...

Когда встречаешься с этим Человеком, не устаёшь удивляться его молодому азарту поисковика, стремлению открыть неизвестную страницу истории. Активная жизненная позиция – девиз: «Не вешать носа ни при каких обстоятельствах» – не позволяет останавливаться ни на мгновение...

Над Коломной плывёт колокольный звон. Звуки плавно затихают в ветвях старой яблони. Анатолий Иванович прикасается к стволу, словно прислушиваясь. Весна. Жизнь продолжается.

г. Коломна, Московская область

БИНОМ НЬЮТОНА

Бином Ньютона. А при чём бином?
Тогда мы ощущали поступь века,
Гордясь страной и званьем человека.
Виновен в том, конечно, не Ньютон –

Походы, сплавы, песни у костра.
Кумиром был не Лепс, а Окуджава.
Мы верили, уже близка пора –
И будет наш Союз в зените славы.

Мы верили, настанет лучший час.
Все люди будут жить в любви и мире.
И это было главное для нас.
Об этом пели песни, говорили.

Мы знали то, что дружба – навсегда,
Как навсегда – бессмертие героев.
Промчались быстротечные года.
Из всех друзей осталось только трое.

Живём уже совсем в другой стране.
Другие песни и другие нравы...
Да, многие погибли на войне
С мечтой о мире... Странно всё, не правда ль?

Бином Ньютона... А при чём бином?
Тогда его мы в школе проходили.
И собирали все металлолом,
Макулатуру... Но счастливей были.

Сейчас как будто мир сошёл с ума.
Все что-то строят, рвутся, суетятся.
Но с каждым днём пустеют закрома...
Не знаешь, то ли плакать, то ль смеяться.

Один другого топит, душит, бьёт...
Да что случилось? Вроде все мы люди...
Всё наизнанку, всё наоборот.
Осталось наблюдать – что дальше будет.

Мне кажется, тогда, уже давно,
Людей прекрасных было много больше.
Ходили классом в клуб или в кино,
Гуляли всей гурьбой в зелёной роще.

Нам было хорошо не от того,
Что все имели дачи и машины.
Нам просто было радостно, легко.
И жизнь казалась длинной, очень длинной.

Бином Ньютона... И немного лет
Прошло, казалось, с той поры счастливой.
Не знали горя мы, не знали бед.
А главное, что все мы были живы!

СПЕШИТЕ ЖИТЬ!

Спешите жить, ведь жизнь – всего мгновение.
И не заметишь – птицей пролетит...
А смерть приходит вдруг без приглашения,
Чтобы права на тело предъявить.

Я очень тороплюсь, ведь право жить
Даётся, к сожалению, не надолго.
А хочется дышать, любить, творить
И наряжать с детьми под праздник ёлку.

Всё хочется успеть. Но выбирать
Приходится, что в этот миг важнее,
Чтоб время бесполезно не терять.
Оно торопит и зовёт: «Скорее!»

Минуты превращаются в часы.
Часы в года, года – в десятилетия.
И неосуществлённые мечты
Опять не успевают разгореться...

У каждого есть планы и мечты,
И есть души прекрасные стремленья,
Которые среди «шумной суеты»
Теряют смысл и жажду воскрешения.

А если нет уже тех самых струн,
Которые должны звучать в нас вечно,
То вдруг споткнётся на бегу скакун,
Что человека мчит «зарю навстречу».

И кажется, что жизнь проходит зря.
И не спасут ни слава, ни богатства.
И где она, заветная заря?
Осталось только горько рассмеяться...

И я спешу. Ведь право просто жить
Дётся, к сожаленью, ненадолго.
А хочется мечты осуществить.
Пускай не все, хотя бы часть их только.

МЫ НЕ СМОГЛИ ИХ УБЕРЕЧЬ

А вы не думали, зачем
Уходят наши дети
В тот мир, где нет уже проблем,
Который чист и светел?

Мы не смогли их уберечь
От зла, корысти, тлена.
Им было проще умереть,
Чем пережить измены,

Коварство, подлость, ложь и грязь,
Что всё заполонили.
Но мы не можем и сейчас
Очистить мир от гнили.

Да, мы по-прежнему слабы
Переменить хоть что-то.
И вновь гробы, гробы, гробы
По всей земле без счёта...

ЕСЛИ МИР НЕ СТАЛ НЕМНОГО ЛУЧШЕ

Если мир не стал немного лучше,
Значит, зря вы прожили свой век,
Соревнуясь, кто богаче, круче,
Ставя во главу угла – успех,

Совесьть отодвинув на задворки,
Чуткость, человечность позабыв.
Хочется вернуться к поговорке –
Всё исправить можно, если жив.

По твоим следам идут другие,
Спотыкаясь, гневно матерясь,
Как Задорнов скажет: «Ну тупые!» –
По уши залезли в свою грязь.

Если мир не стал чуть-чуть добрее,
Значит, время ты потратил зря.
Кто теперь исправить всё успеет? –
Только чудо! – честно говоря.

Души вряд ли станут уже чище,
Если в них корнями проросли
Зло, корысть, других пороков тысячи,
Без которых раньше жить могли.

И смогли бы жить без них сегодня.
Только нужно очень захотеть.
Но не потому, что так угодно
Богу... По-другому – смерть!

И не только тела, оболочки,
А всего, что дорого нам всем.
Жаль, для многих – это только строчки.
Много есть других и важных тем:

Звёздные разводы и скандалы,
Достиженья кошечек и псов...
Нет, не сразу мы такими стали,
Но и не за тысячи веков.

За какие-то десятилетия
Изменился строй и жизни смысл.
Каждый должен помнить, что в ответе
И за то, что небо зря коптил.

Мир не стал, увы, добрей и лучше,
Пусть ты славно пел и танцевал,
Но добра не сеял зёрна в души,
Только богател и только брал...

Быть богатым – это не причина
Забывать о горестях других,
Тех, кто гнёт натруженные спины,
О больных и слабых, пожилых...

Если этот мир не стал добрее,
В этом есть, увы, твоя вина.
Всё исправить, может, не успеем,
Но ведь жизнь не для того дана,

Чтобы посвятить её утехам,
Праздности, бессмысленным делам.
Стало много пошлости и смеха,
А добро всё не вернётся к нам.

Если мир не стал чуть-чуть светлее,
Значит, мы не тот избрали путь,
Сатанистов радуя и геев.
Жаль, что время вспять не повернуть.

А его у нас всё меньше, меньше...
Множество ошибок и грехов.
Даже тот, кто в силе, кто успешен,
Вряд ли переделать мир готов.

Все уже привыкли к переменам
И к несправедливости, ко лжи.
Кровь уже не та течёт по венам,
И другие видим рубежи.

И совсем другие ставим цели –
Не любовь и счастье, а успех.
Задаю вопрос: «Но неужели
Этот вирус поразил нас всех?»

Никогда добрее мир не станет
Без добра, душевной теплоты.
Нас никто не тянет на аркане,
Уводя от солнечной мечты –

Той, что родом, кажется, из детства.
Той, что окрыляет, дарит свет.
Только б не устало биться сердце
Доброте и свету глаз в ответ.

МЫ В ЦЕРКОВЬ НЕ ХОДИЛИ, НЕ МОЛИЛИСЬ

Мы в церковь не ходили, не молились.
Но были и безгрешны, и чисты.
Мы честно, добросовестно трудились,
Хотя и закрома у нас пусты...

Мы жили небогато, даже скромно.
Друг другу помогали как могли.
Но не было голодных и бездомных –
Любого бы согрели и спасли.

Как будто мир в глазах перевернулся –
Светло вокруг от золота церквей.
Но как-то оскудели наши чувства –
И много стало нищих и бомжей.

Мы в церковь не ходили, не молились.
Но были и безгрешны, и чисты.
Как жаль, что неожиданно разбились
Прекрасные надежды и мечты.

г. Москва

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЛИТИКЕ НИКИТЕ ИСАЕВЕ (12.11.1978–16.11.2019)

Вместо предисловия

Трудно передать ту горечь и боль души, которые испытываешь, когда узнаёшь, что из жизни ушёл молодой, полный сил и планов человек... А если этот человек – твой ученик, на которого ты, как и многие в нашей стране, возлагала такие надежды... Это просто не укладывается в голове. Об этом невозможно думать и говорить. Но – возникает острая потребность вспоминать: далёкое, детское, юношеское... И – делиться этими крупницами. Вот они.

Начало

С 1990 по 2014 годы я работала учителем русского языка и литературы в средней школе № 325 Центрального округа города Москвы (затем Центр образования № 1480, ныне средняя школа № 354 имени Д. М. Карбышева). Это были годы расцвета школы, возглавляемой Заслуженным учителем России Еленой Ивановной Ивановой.

Здесь с 1993 по 1995 годы у меня и учился Никита Исаев. Вела у него литературу в старших классах. Свою школу он упоминал во всех биографиях. Выбор профильных классов юридической направленности был у Никиты осознанный: он мечтал стать юристом. И стал им – поступил в юридическую академию: в 1995 году там был самый высокий конкурс в России! Ребята рассказывали, что на вступительном экзамене по истории Никита так напрягся (в полном смысле этого слова!), так стремился показать свои знания, так просил задать ему ещё вопросы, что не выдержал: прямо на экзамене у него пошла из носа кровь.

Но – рубеж был взят: он увидел себя в списках зачисленных в МГЮА, а через несколько лет после окончания вуза защитил диссертацию кандидата юридических наук.

Никита ничего не делал вполсилы: всегда на пределе сил и возможностей – и, возможно, это одна из причин его безвременного ухода от нас: запылал – и сгорел, а тлеть – не мог!

Как-то, на одном из юбилеев школы, которые Никита никогда не пропускал, я сказала ему, что моя семья высоко ценит его выступления, мнения, позицию. Это была просьба моей мамы: передать Никите слова благодарности «как экономисту от экономиста». Никита улыбнулся, поблагодарил, а потом на минуту задумался и грустно сказал: «А ведь я, Ирина Борисовна, юрист...»

Школьное фото

На фотографии 1995 года – 11-й класс «Ю-3», в котором учился Никита. Вернее, часть класса: кто-то из ребят сфотографировал меня на уроке и некоторые попали в кадр. Среди них и Никита – он всегда за первой партой. И причина не только зрение. Он увлечён учёбой, он всегда сосредоточен и записывает каждое слово учителя. Ему интересно и сложно, увлекательно и перспективно: он всегда нацелен на будущее – и в школьные годы, и в пору расцвета (только жаль, он был у него такой стремительный и так внезапно оборвался).

Я переслала это фото Алине Жестовской – помощнице и близкому человеку Никиты: она была с ним в последние секунды жизни в том самом поезде Тамбов – Москва в ночь на 16 ноября 2019 года. «Я сразу узнала его – по глазам», – написала мне Алина.

Свой почерк

Запоминаю учеников не только по способностям, интересу к предмету, отношению к школе, но и – по почерку. У Никиты он круглый, убористый, чёткий – не надо расшифровывать буквы и слова, слепить глаза, уточнять: всё ясно и понятно.

О, эти школьные сочинения! Если тема интересная, то ученик начинает размышлять, анализировать, сравнивать, доказывать – и сразу видны его жизненная позиция, приоритеты, настрой. Помню, как встревожил Никиту роман Чернышевского «Что делать?». Рассматривали его как социальную утопию – и выходили на знаменитые антиутопии XX века «Мы» Замятина, «1984» Оруэлла. Рассуждали, спорили – не было безразличных! А потом – сочинение. И яростный текст Никиты: я не знала его таким – искренним, горячим, небезразличным. Казалось, он хотел донести до меня – и через меня до всего мира – то, как опасны социальные утопии, воплощённые в жизнь. Он видел опасность книги Чернышевского и приводил такие мощные аргументы из истории России XX века! Я была потрясена: ученик приоткрылся мне с совершенно иной стороны, да и одним из первых сформулировал то, что многие (и я в том числе!) лишь ощущали тогда, в 90-е. И когда, через два десятилетия, слушала его яркие выступления в телепроектах, знала: это всё оттуда, из юности, со школьных лет. Когда он активно накапливал знания и не боялся анализировать, обобщать, отстаивать свою точку зрения.

Осколки жизни

Примерно с 2000-х годов Никита начал вести светскую жизнь. Информация о нём просачивалась в прессу – и я была в курсе некоторых событий. Основал телепроект «Футбольная академия» и был его бессменным ведущим, открыл Молодёжную школу бизнеса, перешёл из коммерции на госслужбу, а с госслужбы – в политику. Мне трудно было судить о необходимости этих шагов, но я знала, что всегда могу ему написать или позвонить – и получить ответ на интересующий меня вопрос: будь то политика, экономика или событие из жизни самого Никиты. Иногда его ответы были подробными, а иногда краткими – одна-две фразы, которые мне всё проясняли. Например: «Много болтают», «Отвечу», «Разъясню». И тогда можно было включать телевизор – и слушать Никиту: он обязательно коснётся моего вопроса – он

уже воспринимал меня не как наивную учительницу литературы Ирину Борисовну, а как «глас народа»!

Мечтал... Перешёл... Основал... Отвечал... Был... Теперь всё о нём – в прошедшем времени. Так жестоко распорядилась судьба, так мало времени отвела ему – яркому, смелому, умному, активному, безразличному, многообещающему!

Несколько строк

Школа 325, в которой учился Никита Исаев, уникальная. Основанная семьёй меценатов фон Дервизов в 1881 году, она взрастила немало выдающихся людей России: поэта Марину Цветаеву, актрису Рину Зелёную, спортивного комментатора Николая Озерова. Обо всех них были строки в Летописи истории школы, которая вышла в 2006 году, к её 125-летию. Авторский коллектив принял решение включить в книгу и материал о выпускниках последних лет – юристах, экономистах, политиках. Выбор пал на Никиту, но – увы! – для него эта публикация стала не очень радостной. Дело в том, что в книге было сказано, что Никита начальник юридического отдела одной корпорации, а он к тому времени уже занимал довольно значительный пост в правительстве. Он прислал свой послужной список и свежее фото, но полиграфическое производство не может ждать – тираж был запущен, новые материалы пришли с опозданием и не были включены в книгу – Никита был расстроен.

До сих пор испытываю чувство вины перед ним!.. Многократно возвращалась к этому казусу – Никита старался не касаться этой темы. А в 2016 году, на 135-м юбилее школы, я, встретив Никиту, направила его на 3-й этаж, в Музей её истории: там, на стенде, посвящённом выпускникам 90-х годов XX века, нашлось место для тех самых материалов о Никите, которые не вошли в книгу. Скажу честно: он был очень доволен. Школа была ему дорога: здесь он определился с выбором будущей профессии, здесь учились его мама и даже бабушка. Он хотел, чтобы в школе о нём знали: всегда приходил на юбилеи, да и без повода забегал – жил

неподалёку. А в тот день, в декабре 2016 года, он спешил на Россию-1, но обещал вернуться. Наверное, запись вечера с Владимиром Соловьёвым затянулась допоздна – Никита не приехал.

К сожалению, та встреча была последней. Последующие три года я видела Никиту на телеэкране в различных политических ток-шоу и изредка общалась с ним в интернете: вопросов у меня было много, но я, зная ответственность Никиты, который пусть и кратко, но всегда мне отвечал, не хотела отнимать его время – видела, как он занят, как живёт – на разрыв.

Раритеты

Однажды, услышав интервью Никиты на радио «Комсомольская правда», я вспомнила одну историю. Мы начали создавать Музей истории школы, по крупицам собирали реликвии и воспоминания. А тут Никита спрашивает: нужны ли комсомольские значки? Несколько значков, которые он принёс, стали украшением экспозиции музея, посвящённой школе в 20–30-е годы. И вот спустя десятилетия я напомнила Никите про этот дар. Он живо откликнулся и вспомнил, как нашёл эти значки на крыше гаражей, которые они красили с отчимом («деньги так зарабатывали»), – и стал рассказывать о многочисленных проектах, которые он начал делать с «Комсомолкой».

Вместо заключения

Мои воспоминания о Никите Исаеве обрывочны и непоследовательны, наполнены горечью утраты и ощущением пустоты и нелепости произошедшего. Многообещающий политик... Удачливый бизнесмен... Заботливый отец, сын и брат... Преданный друг... Яркий полемист... Благодарный ученик... Сколько ещё ипостасей было у Никиты!

Было... Но его короткая насыщенная жизнь достойна не только воспоминаний учительницы-пенсионерки, но и материалов от профессиональных журналистов и, конечно, писателей, которые сегодня, как и всегда, в поисках героя времени.

Помню, как-то увидела фото Никиты со старшей дочерью Алисой на презентации художественного фильма «Герой»... «Герой пришёл к герою», – подумала я.

Всё-таки в нашей жизни нет случайностей!

ПОСВЯЩЕНИЕ (2017 ГОД)

Кого-то тянет в президенты,
Кого-то – просто помелькать,
А ты – напор и аргументы:
Умеешь спорить, побеждать.

И смелости в тебе до края,
И дерзости, и красоты:
Я поединки созерцаю –
И вижу: победитель ты!

Как трудно с косностью бороться!
Как сложно правду говорить!
Колодец – тут, а там – болотце –
И некого боготворить!

А я? Я – создала кумира,
Нарушив заповедь Его:
Твои соратники – полмира!
И все – из класса твоего!

Не понаслышке знаю это,
Не просто так тебе пишу,
Став из учителя – поэтом...
И верить всех в тебя прошу!

О КНИГЕ «ТРИ ИМЕНИ ОДНОГО ГЕРОЯ»

В 2016 году в издательстве Э.РА малым тиражом вышла книга коломенского автора Михаила Корабельникова «Три имени одного героя». Эта автобиографическая повесть в бумажном варианте полностью разошлась, но есть её электронная версия, которую можно приобрести через интернет.

В наш сборник включены несколько глав из этой книги с небольшими сокращениями.

«ВВОДНАЯ» ЧАСТЬ

Отчего человек берётся за сочинительство?

Ответ обывателя будет лаконичен: от нечего делать и чтобы прославиться. Ибо слово «писатель» звучит гордо – почти как «человек» в пьесе Горького «На дне». По своему весу в восприятии обывательского разума оно, конечно, уступает таким словам, как «герой», «космонавт» или, скажем, «учёный», но всё же занимает в иерархии слов некую почётную нишу, наравне с такими, как «музыкант», «художник», «артист» и т.п. Однако далеко не каждый сочинитель реально может быть писателем. Как и в любой другой творческой профессии, для этого необходимы некоторые специфические свойства интеллекта. Но и этого недостаточно: у человека должна быть потребность к самовыражению.

Любителей что-то сочинять – от графоманов до маститых писателей – в мире несть числа, и скоро их станет больше, чем читателей. В наше время лишь немногим из них удаётся стать популярными у читательской аудитории, тем более достичь вершин, да и то – после основательной раскрутки. До вершин мне как до Эвереста. Кроме того я ограничен временными рамками, указывающими на бренность моего земного существования. Но, не питая иллюзий относительно круга моей читательской аудитории, в одном читателе я, тем не менее, абсолютно

уверен – это я сам. Ради себя любимого я и собрался на старости лет в это рискованное путешествие по прожитой жизни.

Неизбежен вопрос: а для чего всё это? Жизнь моя ничем особенным не примечательна. Меня всегда несло по течению потока обыденных забот. Ничего не совершил и не прославился: родился, учился, женился, вырастил как мог двух сыновей, работал, вышел на пенсию и доживаю свой век на периферии бытия. Не участвовал, не привлекался, не сидел. И даже за границами нашей родины был лишь однажды. Что я могу сказать людям, чем заинтересовать их?

Но, с другой стороны, я, рождённый в довоенное время, был свидетелем многих драматических событий в стране и мире, включая даже смену эпох. И мне есть что рассказать. Хотя, надо признать, в своих воспоминаниях едва ли смогу кого-то удивить, тем более – вразумить. Поэтому решился я на это дело не вдруг, а после длительной борьбы с самим собой. Трезвый рассудок удерживал от этого рискованного шага, в то время как сидящий во мне бесёнок всё время провоцировал, толкал под локти: «Ну давай, начни, а там само покатится». Он же в бессонные ночи подсказывал мне сюжеты, давил на тщеславие, уговаривал, соблазнял... И дьявол одолел. Я решил: попробую начать, а там как получится. Не боги горшки обжигали!

Каждая наша личная судьба входит в копилку общей истории человечества – не писанной, а реальной. Но беда в том, что в подавляющем большинстве случаев история каждого индивидуума уходит вместе с ним в могилу, оставаясь неведомой для других. Человек прожил жизнь, и она, никем не замеченная, вылетела в трубу. Кому-то повезёт оставить потомков; особо выдающиеся оставляют следы своей земной деятельности в науке и технике, в искусстве, архитектуре, литературе и прочее, прочее. Но это – выдающиеся, а как быть простым смертным? Вот я и решил оставить свой след на бумаге, которая, как известно, всё стерпит.

Но, с другой стороны...

Меня упрекают в самомнении. Как это я, никому не известный, взялся обнародовать историю своей жизни во всех запо-

нившихся мне эпизодах, вывернуть, так сказать, бельё наизнанку. Да кому это интересно, кроме ближайших родственников? Это даже как-то неприлично. Таких, как я, миллионы. И если каждый последует моему примеру, что получится? Книжные полки всех магазинов будут завалены подобной макулатурой. Никому это не нужно, и нечего выпендриваться.

И в самом деле: почему миллионы не пишут свои воспоминания? Подозреваю, что многим по большому счёту и писать-то не о чем. Всё, о чём они могут рассказать, уложится на десяти или двадцати страницах машинописного текста. Так сложилась их жизнь, и так она им запомнилась. В конечном счёте, продолжительность нашей жизни измеряется не числом прожитых лет, но их насыщенностью событиями, эмоциями, переживаниями, поступками. Или – отсутствием поступков. У меня есть что вспомнить, и я постараюсь читателя не разочаровать. Это всё, что я могу сказать заранее.

ВОЙНА

Родиной моих родителей был мало кому известный городок Короп на Черниговщине. Тогда это была Украинская ССР. Благодаря советской власти оба получили высшее образование. Отец окончил Московский энергетический институт и был направлен на работу на Коломенский паровозостроительный завод (ныне это ОАО «Коломенский завод»). Мать окончила второй Московский медицинский. За два года до войны, в связи с переводом отца, наша семья из четырёх человек (включая меня и мою сестру Риту трёх и четырёх лет соответственно) переезжает в подмосковный Подольск.

Незадолго до начала войны матери снится сон. Будто бы она – ещё студентка мединститута – после очередной экзаменационной сессии возвращается домой в Короп. Но родного города не узнаёт. Всюду запустение, на улицах хлам и нет людей. Она спешит в родительский дом и не узнаёт его: калитка сорвана,

вместо окон чёрные дыры, с правой стороны от калитки, где росла яблоня-малиновка, вместо яблони зияет глубокая яма. Кругом жуть. С бьющимся сердцем она взбегает на крыльцо и через распахнутую дверь входит в горницу. Зовёт: «Мама, мама!» И откуда-то с печи доносится слабый голос её матери: «Женя!» И она просыпается.

Война разметала всех моих родственников по разным местам. Как и положено, первыми её жертвами стали мужчины. Раньше других погибли мужа моих старших тёток по матери: Сони и Бэллы. У тёти Бэллы остался сын Иосиф (Юзик) – на год старше меня. Соня так и осталась бездетной.

Но первым удар наступавших немецких войск испытал на себе дядя Миша, младший брат отца. Он воевал всего неделю, с первого дня войны. И остался жив. Капитаном в составе батальона он командовал группой тяжёлых танков КВ. Эти танки имели непробиваемую лобовую броню и отступали в арьергарде наших войск на Западном направлении: как он мне рассказывал, в среднем по 40 км в день. Такими темпами здесь шло немецкое наступление. Была поставлена задача: задерживать наступление противника по главным магистралям, чтобы уберечь наши отступавшие части от полного разгрома. Не знаю, насколько это им удалось, но в итоге через шесть дней непрерывных боёв остатки танкового батальона отступили к Минску, который был сдан на следующий день.

Дядя Миша рассказывал: когда они переехали мост через реку и оказались в восточной части города, командование вернуло их назад: на покинутой территории остались 3000 наших грузовиков, которые не удалось эвакуировать. Грузовики следовало сжечь, чтобы не достались противнику, что и было исполнено. Наверняка то была самая «эффектная» операция за всю неделю боёв дяди Миши. Но так сложилась обстановка. После этого его сняли с фронта и направили преподавателем в военное училище, где он оставался до конца войны. В ходе разгрома в начале войны Красная армия потеряла не только технику, но и людей, которые ею владели. Нужно было срочно готовить новые кадры.

Это и предопределило дальнейшую военную судьбу моего дяди Миши и спасло ему жизнь.

Единственный брат матери – мой дядя Саша – тоже воевал недолго. Во время нашего неудачного наступления весной 1943 года под Харьковом осколок мины раздробил ему ступню левой ноги, и он был вывезен в госпиталь. По существу, это обстоятельство также спасло ему жизнь, так как по ранению оказался в тылу, тогда как многие его товарищи попали в окружение и погибли. Когда я последний раз был в Коропе, то приставал к дяде Саше с вопросом: много ли он побил фашистов. Он ответил: не считал, так как в общей наступающей цепи стрелял из автомата и не видел цели. Это меня сильно разочаровало.

Мой отец перед войной работал в Подольске на крекинг-электровозостроительном заводе (КЭС). Во время немецкого наступления на Москву некоторое время находился в составе Московского ополчения, но не воевал. В сентябре – октябре 1941 года большинство подольских предприятий, в том числе КЭС, были эвакуированы. Отец как специалист завода имел бронь. Но после знаменитого Харьковского «котла» в мае 1942 года, положившего начало неудержимому немецкому наступлению на Южном фронте, отказался от продления брони и был призван. После непродолжительного обучения попал в действующую армию рядовым, несмотря на высшее образование. Тогда с этим не считались, немцев надо было остановить любой ценой. Однако несколько позже замещал выбывшего из строя политрука – должность, надо сказать, незавидная: она не давала никаких преимуществ перед бойцами, но возлагала на «счастливчика» большую ответственность за себя и других. Не говоря уже о том, что в случае немецкого пленения это была расстрельная должность. Впрочем, расстрельной была и сама его национальность.

Письма от отца мать получала довольно регулярно и по большей части – полные оптимизма. Он ободрял надеждой на неминуемую нашу победу, уверенностью, что всё будет хорошо, просил о нём не беспокоиться и главное – беречь детей. Правда,

в одном из сохранившихся писем отец просил прислать по возможности сухарей. Отсюда можно сделать вывод, что с питанием у них было не очень, впрочем, как и везде. И только последнее письмо отца, полученное где-то в середине февраля 1943 года, было тяжёлым, и мать проплакала над ним всю ночь. Он писал, что теперь они наконец наступают, проходя – иногда по поясу в снегу – до сорока километров в день. И единственное, что их держит на ногах, – это мысль о том, что они гонят уходящего врага. Он ещё писал: наверное, вы скоро о нас услышите.

Кем был на войне мой отец: пехотинцем, артиллеристом? Название его части звучало приблизительно так: «Особый отряд истребителей танков». Они наступали на Ростовском направлении. О том, как воевали истребители танков в то время и том месте, можно судить хотя бы по фильму «Горячий снег». 5 марта 1943 года матери пришло извещение: отец выбыл из части по ранению и... пропал без вести. Что было на самом деле, нам неизвестно, и никаких версий я не строю. Но несомненно, что он погиб, – в любом ином случае дал бы о себе знать. На довоенной фотографии, которую я запомнил, это был, как мне показалось, высокий мужчина с чёрными кудрявыми волосами и грустными серыми глазами. Он был сфотографирован в полувоенной форме рабфаковца. В одной из песен Окуджавы есть такие слова: «пять грустных солдат не вернулись из схватки военной». Вот и он тоже не вернулся.

Наша семья, то есть моя мать, я и сестра Рита, эвакуировалась из Подольска уже в сентябре 1941 года; при этом в пути следования на мать возложили обязанности начальника медицинской службы эшелона. В её функции входили контроль санитарного состояния поезда и забота о здоровье пассажиров – в большинстве своём рабочих и служащих КЭС, выявление заболевших и оказание помощи, предотвращение распространения эпидемий. Но так случилось, что одним из первых заболевших, причём заразной и опасной болезнью – дифтерией, оказался её собственный сын. Вследствие чего в Свердловске нам пришлось сойти с поезда, и меня положили в больницу, где немедленно

заразили ещё и корью. Если корь ослабляет детский организм, но сама по себе обычно не очень опасна, то дифтерия, её токсическая форма, способна убить наповал. Существовало лишь одно радикальное средство от дифтерии – специфическая сыворотка, которую применяли повсеместно. Но мать знала, что у меня тяжёлая аллергия на чужеродный белок и сыворотка мне категорически противопоказана. Об этом она известила персонал больницы.

Однако сыворотку мне ввели, что немедленно вызвало шок: падение сердечной деятельности и общий отёк организма. И это накладывалось на дифтерию и корь в придачу. Неминуемо я должен был отдать концы. В больнице в подобном состоянии находилось ещё одиннадцать детей – все умерли. Но Всевышний промедлил с моим оформлением в Рай. Скопилась большая очередь, и у Него в эти дни было слишком много забот. Этим воспользовалась моя мать, которая забрала меня из больницы, попросив какого-то красноармейца помочь ей отнести на квартиру: у неё не было сил тащить налившегося водой битюга, на которого, трёхлетнего, лезли валенки только взрослого человека. Короче, мать меня выходила, но это моё приключение не осталось без последствий.

В начале войны в Коропе оставались дед и бабушка Гуревичи и две их младшие дочери Маруся и Валя – дивчины 17 и 16 лет. Сначала все надеялись на то, что наши остановят немцев, потом – на организованную эвакуацию населения. Ни того, ни другого не произошло. Радио каждый день приносило тревожные вести, но действительность оказалась ещё страшнее. Они готовились к эвакуации. Нужно было бросить дом со всем добром и хозяйство, а это не так просто. Но когда пошёл слух о том, что немцы высадили десант в Сумах – а это уже восточнее Коропа, – началась паника. Вместе с другими беженцами под немецкими бомбами они прошли, голодные и оборванные, всю Восточную Украину, и только в Курске была организована эвакуация населения. Им ещё повезло, что после захвата Киева немцы притормозили своё наступление на Южном фронте, переключившись

на московское направление. В эвакуации семья обитала в районе Ташкента, а дед устроился работать сторожем в большом яблоневом саду. Это всё, что я знаю.

Но на Украине оставалась ещё одна моя тётка по материнской линии – Фаина. Она была замужем за украинцем Митей, и у них было уже четверо детей. Последний родился незадолго до войны. Родители очень не одобряли этот брак по национальным соображениям, хотя лично против Мити ничего не имели. Но любовь победила. Эта тётя Фаня была учительницей и пользовалась большим авторитетом у детей и их родителей. Митя работал как-то начальником по почтовому ведомству, и у него были все возможности вовремя эвакуировать свою семью. Но когда возник сей вопрос, этому воспротивилась многочисленная Митина родня: «Куда вы поедете, да ещё с малыми детьми? Приезжайте к нам в деревню, здесь все свои, никто ничего не узнает». Надо сказать, что Фаня, как и моя мать, была русоволоса, сероглаза, на еврейку совсем не похожа. И они остались.

Однако когда пришли немцы, тут же нашлись доброхоты и всё про тётку рассказали. Надо отдать должное местному старосте: он не единожды ходил в комендатуру и просил не трогать тётю Фаню и её детей. И немцы не трогали. Правда, вместе с другими, ещё не добытыми евреями, её гоняли на каторжные работы, вследствие чего грудничок вскоре умер.

А что же Митя, её законный супруг? Те же самые родственники, которые убеждали их остаться, стали уговаривать Митю бросить семью: «И что ты связался с этой жидовкой, чем она тебя околдовала? Бросай их, а мы здесь подберём тебе такую гарну дивчину, всё будет замечательно». И Митя их бросил. Я ему не судья. Я понимаю, что он это сделал не по злему умыслу: так сложились обстоятельства. Останься он с женой и детьми, его бы постигла общая участь. А человек слаб: для огромного большинства из нас инстинкт самосохранения подавляет все иные побуждения и душевные порывы. И надо обладать очень сильным характером, чтобы совесть могла одолеть естественные для живого организма инстинкты.

Где-то зимой 1943 года по тем местам прошла партизанская дивизия Ковпака, а потом пришли каратели. Они добились оставшихся евреев. Однако тётю Фаню и её троих детей (старшей девочке было 11 лет) не расстреляли: эсэсовцы закопали их в землю живыми. Надо сказать, что Митя не остался безучастен: он, конечно, переживал эту страшную гибель своей брошенной семьи и, как говорили, даже слегка тронулся рассудком: несколько дней подряд ходил на их могилу и приносил еду. Немцев прогнали, и в 1944 году из эвакуации вернулись наши родственники. Мите грозил штрафбат. Он приходил в дом деда, но дед отказался с ним общаться. Тогда он обратился к уже возмужавшей в эвакуации 20-летней Марусе, просил замолвить за него слово. Маруся ему сказала, что мужа её старших сестёр Сони и Бэлы погибли. Ошер, мой отец, тоже погиб. «А почему ты должен жить?» Митю забрали в штрафбат, и вскоре он был убит.

Эту историю, если помнит читатель, я начал со сна, приснившегося моей матери перед войной. Так вот, сон оказался вещим. Какую картину застала семья Гуревичей, вернувшись из эвакуации? Они увидели почерневшие от копоти проёмы окон дома, без стёкол, сорванную с петель калитку, а в том месте, где до войны росла яблоня-малиновка, зияла глубокая воронка от бомбы.

РЕЧИЦЫ

Речицы – большое село, растянувшееся вдоль шоссе, идущего от подмосковных Люберец до города Куровское, а в развилке – к Егорьевску. Село связано автобусным сообщением с районным центром Раменское. Из крупных объектов там были фарфоровый завод «Изолятор», название которого говорит само за себя: на нём изготавливали электроизоляторы. Там была средняя школа, действовавшая по выходным дням и религиозным праздникам церковь, рядом с ним кладбище. Были аптека, несколько магазинов, а с восточной стороны село замыкала территория больницы, на которой мы поселились

в большом одноэтажном деревянном доме, разделённом на несколько квартир. Это произошло в 1951 году.

Моя мать вела приём в поликлинике и в свою очередь дежурила в терапевтическом отделении больницы. Наша квартира состояла из трёх комнат: при входе «кухня», затем «зал» и «спальня». Окна квартиры выходили в огороженный штaketником маленький палисад, где мать посадила две яблони и завела цветник. В его углу мы смастерили собачью будку; завели собаку – дворняжку со следами благородного овчарочьего племени. Словом, всё как у людей. А во дворе за домом был большой сарай, разделённый на клетки. В своей клетки мы держали кур. На более серьёзную живность не хватало ни места в сарае, ни территории возле него. Впрочем, и другие обитатели нашего больничного посёлка довольствовались куриной живностью, а выделяться из общей массы никогда не следует.

В общем, Речицы не представляли собой ничего особенного, в отличие, например, от соседней Гжели, знаменитой своим фарфоровым производством, получившим мировую известность. Почти в каждом крупном хозяйственном магазине в нашей округе и далее можно найти поделки и посуду с характерным гжельским синим орнаментом.

Ближайшей железнодорожной станцией – в километре от села – была станция Игнатьево. В описываемое время железная дорога здесь была на паровой тяге, и расстояние 60 км до Москвы поезда преодолевали за полтора часа. За железной дорогой простирался лесной массив. Километрах в двух от села – по другую сторону шоссе – был другой массив. Ограниченный в общении, летом, когда подрос, я пристрастился ходить в лес один. И эта привычка сохранилась на всю оставшуюся жизнь. В лесу было безлюдно и таинственно, попадалась и живность. Однажды на опушке леса я спугнул семью тетеревов. Раза два или три встречался со змеями гадюками, с характерным шахматным узором на коже. Я находил палку, а змея тем временем сворачивалась в кольцо, готовясь к прыжку. Я робел, и мы расставались друзьями.

Главным объектом моего внимания в лесных прогулках, естественно, были грибы; ведро всяких и разных я каждый раз приносил домой, а мать их жарила или отваривала. Из-за отсутствия опыта я как-то принёс ложных кирпично-красных опят, посчитав их за настоящие опята. Мать грибы отварила, сдобрила специями. Начав их есть, мы ощутили горечь, после чего грибы выбросили на помойку. Так постепенно приобретался опыт.

Годам к четырнадцати я пристрастился к чтению книг и прочитал почти всё, что было у нас в нехитрой семейной библиотеке. Но не только художественная литература занимала меня, а ещё и медицинская. Я перечитал почти все хранившиеся у нас медицинские книги – и с величайшим интересом. Более всего меня занимала клиника внутренних болезней, особенно инфекционных. Несколько монографий на эту тему, датированных приблизительно 1935 годом, сохранились у матери ещё со студенческих лет. Скажете, всё устарело? – чёрта с два! Устарели, безусловно, методы исследования больных и вообще арсенал инструментальных методов, не говоря уже о применении специальной аппаратуры. Но это компенсировалось опытом и интуицией врачей, их клинической практикой. Настоящий врач может распознать многие болезни, лишь взглянув на больного. Вот подобного рода настоящие врачи-клиницисты и писали эти книги, а я ими зачитывался, воображая себе ту или иную болезнь. Естественно, это не могло пройти для меня безнаказанно...

Где-то годам к пятнадцати я увлёкся симфонической музыкой, и это было странновато, ибо во всём нашем роду фатально отсутствовали музыканты. Симфоническая музыка – это нечто особенное. Сначала я слушал музыку по радио, потом стал покупать долгоиграющие пластинки, некоторые из которых сохранились до сих пор. Зимой мы топили печь. Поздно вечером, приготовив уроки, я садился возле печки, открывал её дверцу и смотрел на догорающие угли. В это время по радио звучала симфоническая музыка или передавали песни – современные или русские народные. И в душе подростка рождались собственные симфонии, несбыточные фантазии.

Но пора поговорить о школе. В Речицах мы пошли в 7-й класс. Наша школа находилась в противоположной стороне села километрах в двух от больницы; идти нужно было вдоль шоссе. Школа была двухэтажной; на её территории были волейбольная и баскетбольная площадки и прочие «аттракционы» для занятий физкультурой. На подходе к ней было несколько учительских одноэтажных домов, а за ней большое поле, по которому зимой на уроках физкультуры бегали на лыжах.

Учиться мне было скорее интересно. Из наших учителей можно выделить нескольких. Из женщин это, пожалуй, Мария Гавриловна (сокращённо: «Маргалка») – учительница немецкого. Одинокая интеллигентная дама лет тридцати с небольшим, роста выше среднего, хорошо сложенная брюнетка. Она еле заметно заикалась, растягивая слова, и это придавало ей определённый шарм. Однажды по какому-то поводу мы с Ритой были приглашены в её дом. Нас встретила её мать – похожая на дочь, но чрезвычайно горбатая старуха, каких я ещё не видал. Она прямо-таки смахивала на ведьму. Я подумал: неужели и Мария Гавриловна когда-нибудь превратится в такую старуху? И мне стало жаль её. Остальные запомнившиеся были мужчины.

Учителем физики в старших классах был маленький и чрезвычайно подвижный татарин Алексей Михайлович Мамин. Его коронным номером была динамо-машина, находившаяся в подвале школы. У машины были два полюса в виде металлических шаров. Учитель предлагал нам взяться за руки и крайнему взять в руку один из шаров. Затем он несколько минут крутил машину, после чего предлагал другому ученику – с противоположного края цепи дотронуться до второго шара. Как только это происходило, всех ударяло током, и цепь рассыпалась.

До девятого класса учителем русского и литературы был пожилой высокий мужчина в очках по фамилии Ситников. С ним мы прошли всю русскую литературу. По-видимому, он был неплохим преподавателем, однако мне не запомнился, кроме одного случая. Зимой я ходил в школу в латаных-перелатаных валенках, весной, в распутицу, – в кирзовых или резиновых сапогах. Как-то

зимой он вызвал меня к доске, но, прежде чем посадить на место, оглядел с ног до головы и заметил: «Что-то, Корабельников, валенки у вас уж больно прозаические». На «поэтическую» обувь у нас не было средств, и я пропустил его замечание мимо ушей.

С девятого класса по этим предметам нас вёл Василий Тарасович Богачёв, в которого были влюблены решительно все – девочки и мальчики. Это был мужчина среднего роста и средних лет; воевал, был ранен – немецкая пуля изуродовала кисть его левой руки. Он как-то рассказал нам об обстоятельствах своего ранения. Их рота захватила станцию, но в одном вагоне заехали немцы. На предложение сдаться они отвечали автоматным огнём, и одна пуля попала ему в руку. Тогда солдаты ползком подтащили к вагону солому и подожгли её. Немцы сгорели заживо, но не сдались.

По своему виду и поведению это был настоящий русский интеллигент, коих немного видел я на своём веку. С нами – учениками старших классов – он держался на равных, что возвышало нас в собственных глазах, внушало самоуважение. Зимой во время сильных морозов, к всеобщему нашему ликованию, занятия в школе на неделю прекращались, школьники оставались дома. И в эту свободную неделю Василий Тарасович организовывал в школе литературные вечера для желающих всех классов, на которых читал отрывки из произведений авторов, не вошедших в школьную программу. Несмотря на морозы, желающих обычно набивался полный класс. И даже после окончания «урока» никто не хотел уходить, все просили Василия Тарасовича почитать ещё чего-нибудь.

...И, наконец, преподаватель математики: Дмитрий Михайлович Лобачёв. Он нас вёл с девятого класса, но не довёл до конца, так как умер. Это был суровый на вид старик лет под семьдесят, и ученики побаивались его. Вызовет он кого-то к доске и скажет: «Ну-ка, батенька, реши мне такую задачу». За глаза его звали «Батя». Он сильно хромал на правую ногу. Оказалось, что в 1905 году, когда был студентом, во время декабрьского вооружённого восстания в Москве он вместе с другими студентами

бегал на баррикады помогать дружинникам и поймал шальную солдатскую пулю.

Несмотря на напускную суровость, «Батя» был человеком в сущности добрым и очень переживал за нас – старшекласников, особенно тех, кто собирался поступать в институт. Меня же он звал «Мишенька» и часто передразнивал, когда я говорил «квадрат»: у меня почему-то получалось «кавадрат». Я же был настолько строптив, что иногда позволял себе спорить с ним прямо на уроке, и однажды был изгнан за это из класса.

Когда мы учились уже в десятом, зимой у него разболелась раненая нога. Его положили в нашу больницу, где его настиг обширный инфаркт. По выписке из больницы ему был предписан покой и никаких занятий. Однако, понимая свою ответственность за нас, он решил продолжить занятия. Учительские дома, в одном из которых он жил со своей женой, находились метров в двухстах от школы. Перед уроком математики он выходил на крыльцо, садился в сани, и пара наших учеников довозила его до школы; а после урока везли назад. И так продолжалось до весны. За это время он немного окреп и даже собрался приходить в школу на собственных ногах, так как снег стаял. Однако после тяжёлого урока, провозившись минут десять с одной бестолковой нашей ученицей, сильно расстроился. Дома у него случился сердечный приступ, и он умер через несколько минут. Приехавшие из больницы врачи оказались бессильны.

Хоронила его вся школа, и это были первые похороны на моём веку. Откуда-то приехал его единственный сын, и оказалось, что Дмитрий Михайлович занимался научной работой. Его жена показала нам несколько исписанных тетрадей – труды, которые не были опубликованы. Один из нас, Саша Кирсанов, взял их себе, обещав посодействовать опубликованию. Но из этого наверняка ничего не вышло.

Единственным преподавателем, о котором я вспоминаю с неприязнью, был наш биолог. По совместительству он ещё был каким-то партийным руководителем в школе. После того как в 1949 году во время сессии ВАСХНИЛ был учинён разгром ге-

нетики и она была объявлена буржуазной лженаукой, соответствующая директива, вероятно, была спущена вниз. И школьные биологи получили, таким образом, начальное «генетическое образование». Таковым был и наш биолог – типичный приспособленец. Однако все его познания в этой области, которые он пытался нам передать, сводились к понятию, произносимому им так: «вейсманизъм-морганизъм» – и более ничего. Я инстинктивно сознавал, что за всей этой игрой в «генетику» скрывалось нечто гораздо большее. Но прозрение пришло через много лет.

Когда мы учились в 8-м классе, разразилось «дело врачей». В передовице «Правды» была напечатана статья о врачах-убийцах. Было сказано (воспроизвожу по памяти), что группа ведущих врачей СССР по заданию иностранных разведок и организации «Джойнт», действуя как преступное сообщество, путём неправильно поставленных диагнозов и неправильного лечения отправила на тот свет ряд известных политических деятелей нашей страны, фамилии перечислялись. А разоблачила эту банду убийц в белых халатах простая русская женщина, рядовой врач Лидия Тимашук, которой за её беззаветное служение отечеству вручили орден Ленина. В статье перечислялись фамилии врачей-убийц, и по большей части это были еврейские фамилии. Сейчас, в ретроспективе, становится ясно, что «дело врачей» стало заключительным аккордом всей антисемитской кампании, развернувшейся в стране к концу сталинского правления. Мне было 14 лет, и я уже многое понимал. В моём представлении эта кампания началась с борьбы против «космополитов» и раскрытия псевдонимов многих деятелей в сфере литературы, искусства, в частности, театральных критиков, и других гуманитариев. Под благозвучными русскими псевдонимами скрывались их истинные еврейские фамилии. Кому и зачем это было нужно, мне неизвестно, но впечатление было гнетущим.

Нет необходимости рассказывать обо всех этих делах: любой желающий может получить информацию из интернета. Я же расскажу о том, как всё это отразилось непосредственно на нас.

К чести наших учителей, они вели себя так, будто бы ничего не произошло. Никаких проработок, никаких намёков и вообще ничего. Кроме меня и Риты в нашей школе учились ещё несколько учеников-евреев: двое или трое. Никто из них не пострадал. Одна наша соученица как-то принесла в класс упомянутую газету «Правда» и на перемене, выразительно глядя на Риту (которая была отличницей), прочитала вслух эту статью. Эта девочка была из бедной семьи и училась на тройки. И здесь побудительным мотивом могла быть извечная неприязнь троечников к отличнику. Забегая вперёд, скажу, что после разоблачения этой кампании клеветы та девица нашла в себе силы извиниться перед Ритой. Но это уже было гораздо позже. Что же касается наших одноклассников, то данное «чтиво» все выслушали безучастно и далее к нам относились скорее сочувственно. Дети, несмотря на свою доверчивость, острее, чем взрослые, ощущают фальшь, и чтобы их настроить на нужную волну, необходимо длительное целенаправленное зомбирование.

Самыми уязвимыми были медики. Казалось бы, какое отношение к разоблачённым «врачам-убийцам» имела, например, моя мать? Правда, некоторые из них, всеми уважаемые профессора, читали лекции в её институте. И что из этого? Однако такой вопрос мог задать только тот, кто не понял, зачем власти вообще затеяли это дело. А затеяли они его для того, чтобы развязать кампанию государственного масштаба, преследующую определённые политические цели. И эта кампания по задумке должна была стать всеобщей и тотальной. Внезапно всюду на местах стали выявлять врачей-евреев, которые неправильно лечили русских пациентов или отказывались их лечить. Вскоре очередь дошла и до нашей Речицкой больницы. С подачи главврача Светлицкого какая-то медсестра-комсомолочка написала на мать донос о якобы неправильном лечении ею некоего пациента. Мать уволили с работы. И вот, имея на руках двух детей-школьников, она, потерявшая мужа на войне, стала безработной.

Решение о её увольнении было не только незаконным, но и циничным, ибо не было в Речицкой больнице врача более

самоотверженного, чем моя мать. Я помню такой случай. Как-то поздно вечером во время её дежурства из дальней деревни приехала машина: нужно было спасти больного. Несмотря на наши с Ритой протесты, мать, не колеблясь, поехала на этом грузовике, причём – в его кузове, так как места в кабине для неё не нашлось. А дело было зимой, а расстояние – километров пятнадцать. Исполнив свой врачебный долг, сама вконец оконечела, после чего слегла с пиелонефритом. И такого врача увольняют только потому, что она еврейка, воспользовавшись в качестве предлога продиктованной начальством запиской малограмотной медсестры. Это ещё не «Третий Рейх», но что-то около. Во время прошедшей войны на фронтах и главным образом из-за нацистского геноцида советских евреев погибло более половины от их довоенного числа, и не было у нас другого народа, понесшего соизмеримые жертвы. И после всего – «дело врачей». Это было невыносимо.

Не могу сказать, что мы голодали; наверное, были какие-то запасы. Кроме того, мы получали небольшую пенсию за нашего погибшего отца. Продлись эта кампания дольше, все резервы были бы исчерпаны. Но главное, мать испытала тяжёлое моральное потрясение. Я слышал, что рабочие завода «Изолятор» писали письмо в инстанции в её защиту: всё-таки она пользовалась у больных большим авторитетом. Но ничего бы не помогло, если бы Всевышний в марте 1953-го не избавил наконец страну и весь мир от нашего «любимого вождя и учителя».

В это смутное время к нам по вечерам стала приходиться одна бывшая пациентка матери. Она приносила с собой что-то съестное и бутылку портвейна. Они её выпивали, и мать плакала, что действовало на меня вдвойне угнетающе: и её слёзы, и то, что она может пристраститься к спиртному. В подобной ситуации человек быстро взрослеет; вероятно, взрослел и я. Однажды мы с матерью поехали в Раменское, в райздравотдел. Зачем она взяла меня с собой, мне не совсем понятно – возможно, для моральной поддержки. Мы пришли на приём к районному медицинскому начальству. Мать требовала закона и справедливости. А когда она не получила ни того, ни другого, сказала этим чиновникам:

«Вы здесь относитесь к евреям хуже, чем в Америке относятся к неграм». Тогда трудно было себе представить, кому может быть хуже, чем неграм в Америке. Эта тирада привела начальство в некоторое замешательство, заставила смотреть в стол и оправдываться типа: «Мы всё понимаем, но, поверьте, ничего сделать не можем». С этим мы и вернулись домой.

В Речицах жила ещё одна еврейская семья: аптекарша с сыном Борей, который учился в нашей школе, в другом классе. Как водится, и её муж тоже погиб на фронте. Мы не то чтобы дружили, но некоторые отношения поддерживали. Когда я заходил за чем-нибудь в аптеку, то она всегда спрашивала про мать, про сестру. А у аптекарши была юная помощница, которая под её руководством осваивала профессию провизора. Вскоре после того, как разразилось «дело врачей», эту аптекаршу (фамилия её Кауфман) сняли с работы и судили. Во время войны в аптеке располагался склад госпиталя. Когда немцев от Москвы отогнали, госпиталь перебазировался вместе со всем добром. Но почему-то оставили вату. Аптекарша Кауфман не раз обращалась к властям: что с ней делать, – но вразумительного ответа так и не получила. Вот за эту вату её и судили, по доносу её помощницы. Не посадили, но обложили штрафом, лишили работы и, по сути дела, профессии. После чего она перебивалась случайными заработками и влачила полуголодное существование. Из аптеки их выселили, и они снимали комнатку у добрых знакомых. А юная её ученица, написавшая донос, между тем стала сама заправлять аптекой. Так протекало «дело врачей» на местном уровне.

Вскоре после смерти Сталина мать восстановили на работе, а бывшего главврача Речицкой больницы Светлицкого перевели в другое место. К нам прислали главным врачом милейшего человека вместе с его красавицей-женой и дочерью. Но это уже совсем другая история.

А между тем гуляла по школе палочка Коха и дважды забрела в наш класс. Первый раз это случилось год назад, когда через месяц от начала занятий один наш соученик – мой тёзка, Миша, –

свалился с туберкулёзом лёгких и его положили в больницу. Больше в школе я его не встречал. Второй жертвой этой коварной болезни стала моя сестра. Весной 1952-го, уже после того, как мать уволили с работы, у Риты открылся процесс в лёгких. Сначала всё протекало под видом «гриппа», но когда появилось кровохаркание, заподозрили неладное. В один из майских дней к нам пришли другие врачи больницы и составили консилиум, хотя всё и так было ясно. Риту поместили в какую-то больницу, где она пролежала несколько месяцев. А когда процесс в лёгких удалось погасить, отправили в санаторно-лесную школу, и я не видел её полгода.

К счастью, к этому времени медицина приняла на вооружение ряд новых препаратов, включая стрептомицин, достаточно эффективных в борьбе с туберкулёзом. Но излечение редко бывает полным. Чаще всего изгнанная из лёгкого палочка уползает в одну или несколько региональных лимфатических желёз и там на время дезактивируется; железа же кальцинируется и изолирует эту заразу внутри себя. Но при неблагоприятных обстоятельствах железа может расплавиться и утратить герметичность, палочка – активироваться и вырваться наружу. И процесс возобновляется. Дальше многое можно рассказать про эту удивительную болезнь, но всё будет на дилетантском уровне. Важно то, что почти каждый из нас не один раз в своей жизни встречался с этой бациллой и даже незаметно для себя переболел ею, получив иммунитет. Однако этот иммунитет тоже не вечен: сейчас туберкулёзом болеют уже и старики. Так что закаляйтесь, дорогие друзья, блюдите себя и не позволяйте ничего лишнего. В то же время ни в чём себе не отказывайте.

Рита вернулась в школу с потерей года. На меня же свалилась новая напасть: я натурально влюбился. Человек влюбляется не оттого, что вдруг появляется та единственная, достойная, но прежде всего в силу своей предрасположенности к этому состоянию души. Влюблённость в большой мере есть плод человеческой фантазии, а к фантазированию я был предрасположен.

Я уже писал, как длинными зимними вечерами любил сидеть возле открытой дверцы печи и смотреть на догорающие угли, слушая музыку по радио. Часто передавали советские лирические песни. Сейчас таких песен не поют. В телеэфире господствует крикливая попса, рассчитанная на обывательский вкус; на улице из проезжающих авто несётся полублатной жаргон, встроенный в звуки ударных инструментов: бум, бум, бум. Под такую музыку можно заниматься сексом, но нельзя любить. Вот почему большинство браков у нас рассыпается, не выдержав и трёхлетнего срока. Считается, что в песнях заложена душа народа. Душа иссякла, народ измельчал. Сейчас уже не сыскать и таких композиторов-песенников, что творили в наше время. Кто они были? – Блантер, Дунаевский, Фрадкин, Богословский, Ян Френкель, Исаак Шварц и множество других – по большей части, моих соплеменников. Таких больше нет и не будет. А кто были исполнители? – Леонид Утёсов, Марк Бернес...

Итак, я начал с того, что длинными зимними вечерами сидел у догорающих углей и слушал лирические песни советских композиторов. Некоторые из них иной раз звучали в моей душе всю дорогу в школу и обратно. Была среди них песня «Русская красавица», которую исполнял хор Пятницкого:

Ох, недаром славится
 Русская красавица,
 Ох недаром, ох, ох, недаром
 Русская красавица!

Как-то я шёл и мечтал про себя о русской красавице, и я её встретил! Навстречу мне шла девушка с чёрными кудрями, яркими тёмными глазами, нежным румянцем на щеках, стройная, гибкая, примерно моего возраста. Я влюбился с первого взгляда. Позже я узнал, что живёт она в Речицах, и совсем недалеко от нас. Когда идёшь в школу, то сначала справа от шоссе минует церковь и кладбище. На следующем отрезке пути, до магазина, стояли деревянные избы с крышами под кровельным желе-

зом. И в одной из них жила эта самая Валя Бардина. Школу она оставила после седьмого класса и теперь работала, предположительно, на заводе «Изолятор», проход к которому по правую сторону от шоссе был ещё дальше по пути в школу.

Итак, я жаждал встречи. Но каким образом? Встретить её я мог только случайно. Всю весну я промучился, но в начале лета на площадке возле магазина начались танцы под баян. В каждом порядочном селе и даже деревне должен обитать баянист, был таковой и у нас, даже не один. Как-то вечером я пошёл с ребятами на танцы, но её не встретил. Покрутившись минут десять, я ушёл домой, ибо танцы сами по себе меня не интересовали и танцевать я не умел. Но мои ребята, которые ушли позже, сказали, что Валя всё-таки приходила – вскоре после моего ухода. Эта игра в кошки-мышки продолжалась до тех пор, пока мы с ней не совпали по времени. Но тут передо мной встала другая проблема: как познакомиться? Общих знакомых у нас не было. Для нормального раскованного парня это бы не стало преградой. Он бы просто подошёл к ней и сказал: «Девушка, разрешите с вами познакомиться», – и пригласил её на танец. Далее он бы её разговорил, назначил свидание и так далее, и тому подобное.

Но только не я! С девочками из своего класса и с Ритиными знакомыми я бывал вполне раскован и даже интересен, ибо они мне были безразличны. Но стоило мне в кого-то влюбиться, я становился неловким как чурбан и не знал, что делать. Наконец я всё-таки вызвал её на танец: какое-то танго. Но разговора не получилось. На все мои попытки пробудить её интерес она отвечала односложно: «Что?», «Не знаю», «Не видела» и т.п. И в самом деле, о чём же можно было с ней говорить, если нет точек соприкосновения? Неужели о погоде?

Я мучился дальше. Вскоре слухи о моих чувствах стали распространяться в округе и, вероятно, достигли её ушей и ушей её родителей тоже. Как-то, возвращаясь откуда-то домой, я проходил мимо её дома. На лавочке сидела её мать и ещё две женщины и разговаривали. Увидев меня, они умолкли и с интересом уставились на меня. Так, во всяком случае, мне показалась.

Единственным человеком, нашедшим выход из этого положения, была моя мать. Она решила, что нам нечего делать в Речицах, и увезла с собой на родину в Короп. Были школьные каникулы. Поездка в Короп – отдельная история, о которой я как-нибудь расскажу в другой раз. Мы вернулись в Речицы перед началом учебного года, я перешёл в десятый класс. А как же моя красавица? Попало ли наконец, как поётся у Высоцкого, моё дыхание в такт её неровному дыханию? Скорее всего, нет. Это правда: в делах подобного рода инициативу должен проявить мужчина или парень. Но ведь девушка, которой этот парень нравится, тоже должна подать знак – я это знаю по собственному опыту. Скорее, если я и был кому-то интересен, то её матери. И, конечно, не сам по себе, а в качестве сына уважаемого на селе врача Евгении Ильиничны Корабельниковой. Хорошие врачи везде ценятся, а в сельской местности особенно. Вот её мать и могла подумать: даром, что парень неумеха, но вырастет, поступит, вероятно, в институт – мать поможет. У них у всех дети учатся в институтах. Чем тогда не пара для моей дочери? Женщины – мудрые создания.

Последний раз я повстречал её, когда начал учиться в десятом классе. Я шёл из школы домой, но не по шоссе, а задками – по тропинке через картофельное поле, где всё уже было убрано. Неожиданно я увидел её: она шла по той же тропинке навстречу мне – в каком-то заляпанном краской халате. Видимо, возвращаясь с работы, специально пошла не по шоссе, чтобы никто не встретил её в таком неприглядном виде. Но так случилось, что встретился именно я. Она была смущена, испуганно на меня взглянула и прошла мимо. Мы даже не поздоровались. Эта была наша последняя встреча. Уже учась в институте, я узнал, что она вышла замуж и её избранником оказался парень из ближайшего к нам дома, расположенного на той стороне шоссе, Витька Шибаяев. Он вернулся с флота, носил тельняшку и играл на гармошке – если не первый парень на деревне, то далеко не последний. Был он небольшого роста и старше меня лет на пять. А его младший брат Валька Шибаяев входил в нашу дворовую компанию.

Не знаю, как сложилась их совместная жизнь, но слышал, что в пьяном угаре Витька жену поколачивал.

Как мы в школе переживали политические события, на которые это время было очень богато? Когда 5 марта 1953 года объявили о смерти Сталина, многие были растеряны, а некоторые плакали. Лично я не то чтобы скорбел, но было как-то не по себе: что же теперь будет? Я задал этот вопрос своему школьному товарищу Вовке Янину. Он пожал плечами и сказал: «А ничего не будет, как жили, так и будем жить». Я удивился и подумал: наверное, он что-то знает, неведомое мне. К счастью, насколько мне известно, на похороны Сталина из нашей школы никто не поехал, во всяком случае, жертв с нашей стороны не было.

Через год умер Вышинский – генеральный прокурор на знаменитых политических процессах тридцатых годов, затем министр иностранных дел, академик, кавалер многих орденов Ленина и прочее, прочее. А к тому времени у нас в школе завели порядок: в случае больших политических событий, чаще всего скорбных, на большой перемене учеников выстраивали в коридоре на первом этаже в три ряда, и кто-то из взрослых проводил с нами политическое занятие: читал передовицы из газет.

С начала года, кажется, по линии родительского комитета, неизвестно откуда в школе появился некий полковник, который принял на себя эти обязанности. А на полковника он был совсем не похож, и даже – на военного. Был он худ и небольшого роста; военный китель с орденскими планками как тряпка повисал на его тщедушном теле. Но самым выдающимся и одновременно комичным элементом в его облике был массивный нос, который независимо от обстоятельств придавал полковнику скорбный вид, словно он и был рождён для того, чтобы произносить некрологи.

Итак, умер Вышинский, школьников построили в три ряда, и полковник зачитал некролог из газеты «Известия». Затем он предложил всем почтить память Вышинского минутой молчания и сам застыл в скорбной позе – в невыносимо комичном

виде. Как школьнику в этой ситуации выдержать целую минуту? Мы крепились изо всех сил, но какая-то девочка в третьем ряду прыснула. И тогда вся школьная линейка разразилась гомерическим хохотом. Нас быстро развели по классам, и инцидент был исчерпан. Так мы почтили память этого выдающегося злодея, с участием которого были казнены сотни тысяч ни в чём не повинных людей, а миллионы других гнили в лагерях. Никто из нас об этом ничего не знал.

Многие интересные события происходили у нас по дороге из школы домой, но одни из них были привычными, другие спонтанными. К концу моей учёбы привычным и угнетающим меня событием были встречи с неким Федосеем. Это был высокого роста крепкий и не старый ещё человек без ноги: ему её отняли по самую ягодицу – результат ранения. Он был одинок и пристрастился к морфию: часто приходил на костылях в поликлинику требовать очередную дозу. Все его боялись, кроме моей матери, которую он чрезвычайно уважал. А был он человеком артистичным: без ноги умудрялся играть роли в местном любительском театре. И всё бы ничего, если бы я, возвращаясь из школы домой, не сталкивался с ним на шоссе. Когда это происходило, он задерживал меня и начинал на всю улицу своим громовым голосом петь дифирамбы моей матери, что приводило меня в крайнее смущение. Я всячески пытаюсь от него отделаться, но пьяный Федосей меня не отпускает. Он уже сравнивает мою мать, врача Корабельникову, с некоей Парабейкой, которая тоже работала в больнице и её никто не любил. Сначала он славословил врача Корабельникову и унижал Парабейку. Но затем начинал путаться, и получалось, что хороша именно Парабейка, а плохая – Корабельникова. Я был готов провалиться сквозь землю, но он меня не отпускал, пока какая-нибудь сердобольная соседка не приходила мне на помощь и не уводила Федосея.

Парабейка недавно приехала к нам из Минусинска со своей дочерью Томой, лет двенадцати. Это была молодящаяся

и довольно вычурная одинокая дама – наша соседка по дому – с большими претензиями. А дочка любила прилюдно шокировать мать. Начинает, например, Парабейка в компании медиков разглагольствовать о чём-то возвышенном, а Тома её перебивает: «Мама, а можно я пукну?» Парабейка гневно выговаривает дочери о правилах поведения среди интеллигентных людей и о многом тому подобном. Томочка же слушает и снова её перебивает: «Нет, мама, мам, ну ма-ма! А можно я бздну?» Она была неугомонным подростком, не ведавшим табу.

К концу учёбы уже начали интересоваться мною наши девочки. Однажды я возвращался из школы с двумя ученицами нашего класса: Лидой Каревой и Светой Цветковой, которые были двоюродными сёстрами. А Светин отец преподавал нам какое-то время математику во время болезни нашего основного учителя – «Бати». Была мягкая зимняя погода. Где-то на полпути мы должны были расстаться: Светке следовало повернуть в переулок налево, а Лиде направо. Я же должен был продолжить свой путь в одиночестве. Перед расставанием они решили извальять меня в снегу. И вот «Лидока» (так её прозвали в школе за шустрое поведение) толкает меня, а Светка одновременно подсаживается под меня и держит за ноги. Я лечу в сугроб, а они обе наваливаются на меня, не позволяя подняться. Так я становлюсь жертвой неспровоцированной агрессии. Я не был слабаком, но их обоюдная энергия превосходила мои физические возможности. Я поднимался, но тут же они клали меня наземь. Особенно сильна оказалась Светка – крепкая, сбитая девица, рыжеватая, как и её отец. Это веселье продолжалось минут пять, а затем они позволили мне подняться и очистили от снега. Были и другие знаки внимания к моей персоне со стороны соучениц, правда, без физического насилия. Но встречной активности я не проявлял. Однако – это наяву. Во сне же подсознание диктовало мне картины совсем иного рода, причём объектом моего вожделения были не девочки и даже не девушки, но зрелые, незнакомые мне женщины, с которыми получалось всё легко и просто. Но это только во сне...

Недели через две после этого случая возвращались мы из школы гурьбой, человек пять. Была и моя Рита – теперь ученица девятого класса. Как только мы прошли поворот к заводу «Изолятор», на нас налетели два взрослых парня. Вернее, «налетел» один из них, долговязый тип лет девятнадцати, второй-то скорее пытался его удержать. Но долговязый был пьян и агрессивен. Он орал, размахивал руками и пытался кого-нибудь из девочек схватить. Так я и не понял, чем мы перед ним провинились. Назревали большие неприятности. Мы пытались освободиться, чтобы идти дальше, но он не пускал. Это продолжалось минут пять, пока долговязый не задел локтем Риту по голове. Удар был вскользь, не сильный, но это привело меня в бешенство: как он посмел тронуть мою сестру? Следующее мгновение я оказался перед ним со стороны шоссе, а он – ближе к канаве. А ещё через мгновение он уже лежал, распластавшись в канаве лицом в снег. Как это произошло, не помню. Все было кинулись наутёк, я остался на месте. Поднявшись, долговязый выглядел ошеломлённо. Он спросил: «Кто это меня?» – последовал ответ: «Я». Мы опять стояли в исходной позиции друг против друга, он снова махал руками, а я изготовился для второго удара. Но это не произошло: его более трезвый товарищ поступил в данной ситуации разумно – он увёл его прочь. Они скрылись за поворотом, откуда ещё долго доносились угрозы в мой адрес. И это меня спасло: с двоими (оба старше меня года на три) я бы определённо не справился, а в нашей компании был ещё только один парень моих лет – умный, ироничный, но довольно осторожный. Рассчитывать на его помощь было бесполезно. После этого случая наши девочки стали смотреть на меня с ещё большим интересом. Герои рождают поклонниц.

А ещё через пару недель – уже была весна – я совершил странный, удививший всех поступок. Как-то у нас отменили последний урок, так как у преподавателей было совещание. Но нет чтоб распустить всех по домам, как это обычно бывало раньше, – нам было велено сидеть в классе, готовиться к завтрашней контрольной. Все были возмущены, но не уходили. Каждый занимал-

ся своим делом, а я действительно готовился к контрольной. В классе стоял шум, на который я не реагировал. В соседнем же классе, за стеной, как раз и проходило это учительское собрание. И вдруг одна наша девица, по фамилии Соловьёва, стала стучать в стену соседнего класса. Эта «Соловьиха» меня недолюбливала и относилась предвзято. Хоть она и сидела на парте передо мной, контактов со мной избегала, но всегда была не прочь наябедничать на меня учителям. И как раз накануне она на меня нажаловалась. Не пойму, чем я был ей не мил, но это меня задевало, так как сама из себя она была вполне ничего, хотя училась посредственно, умом не блистала. Да и среди других девочек у нас была лишь одна умница – отличница украинка Галя Навроцкая, которая всегда держалась особняком, с другими не смешивалась.

Итак, «Соловьиха» долбила в стену класса, где совещались учителя. Не знаю, что на неё нашло: наверное, захотела выделиться. И, разумеется, это не могло остаться безнаказанным. Через несколько минут в класс являются несколько учителей, запирают дверь и требуют назвать хулигана: кто стучал? Все, естественно, отнекиваются: никто ничего не видел и не слышал, – а эта Соловьёва пригнула голову, стала ниже травы, тише воды, на неё жалко было смотреть. Не добившись, таким образом, ни от кого признаний, нас предупредили, что не отпустят домой, пока не назовём хулигана, а потом стали вызывать всех по алфавиту: «Ты стучал?.. А кто?» Я смотрю на Соловьёву. Ещё не сразу, но очередь дойдёт до неё, и она расколется – выдаст себя своим поведением. И трудно себе представить что-либо унижительнее этой сцены признания.

Я поднимаю руку: «Я стучал». На меня посмотрели с удивлением: в хулиганских поступках я замечен не был и вообще был в классе одним их лучших учеников, хоть и не отличник. Но, странное дело: меня ни о чём не стали спрашивать и тут же всех распустили по домам.

На следующий день все вели себя так, будто бы ничего не произошло. Но по пути домой Рита подвела меня к своей подруге – одной из наших учениц, которой в тот злополучный день не было

в школе. Та хотела со мной поговорить. Эта была Лида Гусятникова – одна из «хорошистов», которая уже тогда выделялась по комсомольской линии (и впоследствии карьера её сложилась очень удачно). А сама по себе девушка активная, интересная, слегка веснушчатая, розовощёкая, и всё у неё было при ней. Лида стала мне пенять, зачем я выгораживал Соловьёву, которая этого совсем не стоит: все помнят, как она недавно наябедничала на меня. «Ты – дурачок».

Уставившись в землю, я попробовал соврать: мол, действительно стучал в стену именно я.

– Что ты мне врёшь? – сказала она. – Все это видели и мне рассказали. Зачем ты это сделал? Ведь никто не взял её вину на себя. На это способен только ты!

Она смотрела на меня с сожалением и некоторым интересом.

Последний год перед окончанием школы был самым насыщенным и интересным. Я уже решил, что буду поступать в институт – неизвестно пока, в какой, – и мать не возражала. Во время студенческих каникул были вечера встречи со студентами – бывшими нашими учениками. Студентов все обхаживали, им завидовали. Эти ребята держались как победители. Казалось, стоит только поступить в институт – и ты уже оказываешься в другой весовой категории. Но на том этапе было даже непонятно: кто я – больше технарь или гуманитарий? Я любил литературу и историю, писал хорошие сочинения, которые, правда, не дотягивали до «отлично» из-за ошибок – с грамматикой у меня, как и у большинства из нас, были проблемы. С другой стороны, я неплохо успевал и по техническим дисциплинам. Меня влекла медицина, но мать категорически не советовала идти в медики: ни днём, ни ночью не будет тебе покоя. В итоге мою дальнейшую судьбу определил случай...

ПЕШКОМ, ВЕРХОМ И НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ ПО ЗАПАДНОМУ КАВКАЗУ

Не помню, когда это началось, но я стал приобщаться к туризму и после киевской практики отправился в свой первый поход. Ещё раньше на этой почве я сблизился в институте с двумя нашими студентами – Толей Колотиловым и Эдиком Улановским – оба из параллельной группы судомехаников. Второй из них сыграл в моей жизни немаловажную роль, а теперь прах его покоится в Москве на Донском кладбище. Толя был из Ленинграда, Эдик – из подмосковного Серпухова. Ещё в конце учебного года образовалась группа для похода на Кавказ: из нас троих и двух студенток. Одна из них Света – второкурсница с экономического факультета, другая Ира – четверокурсница с технологического. Выбор попутчиц был случайным и, как мы потом поняли, ошибочным.

Все наши походы, реальные и гипотетические, начинались с посещения Московского клуба туристов, в котором всегда было полно народу: главным образом московских студентов. Там люди знакомились, там же нередко комплектовались туристические группы для последующих путешествий, там обменивались разной полезной информацией. Но главной заботой был выбор маршрута, для чего читали хранившиеся в библиотеке клуба отчёты о ранее совершённых походах. Делали записи, рисовывали схемы местности, намечали трассу предполагаемого маршрута. В клубе нам выдали маршрутную книжку, в которую вписывались фамилии всех участников похода и указывались контрольные пункты маршрута, по прибытии в которые нам надлежало извещать клуб телеграммой. Маршрутная книжка становилась нашим главным документом в пути следования; при этом по действующему правилу число участников похода должно быть не менее четырёх.

Итак, впятером, с одной палаткой, мы отправились на Западный Кавказ, где нам предстояло преодолеть четыре перевала через горные хребты в районе Главного Кавказского. Это был

сравнительно несложный маршрут, вполне преодолимый для новичков. Но в любом путешествии вас подстерегают неожиданности. Были они и у нас. Первая случилась в самом его начале. Разными видами транспорта мы добрались до посёлка Архыз, или, как нам говорили, Верхний Архыз, который был расположен на высоте около 1 500 метров над уровнем моря. Это Карачаево-Черкесия – начальный пункт нашего маршрута. Для акклиматизации перед горным восхождением решили сделать днёвку, которая в итоге растянулась на два дня. На краю посёлка поставили палатку и стали обустраиваться. А Эдик решил нарубить дров для костра. Валежника вокруг было достаточно. Он начал орудовать туристским топориком и рубанул себя по ступне левой ноги. Лезвие топора прорезало ботинок и застряло в мягких тканях внутренней стороны стопы. Рана довольно глубокая, но сосуды и сухожилия не были повреждены, кровотечение было небольшим. Рану промыли, обработали йодом, ногу перевязали, и через неделю рана зажила. Это было предупреждением для всех: с топорами и ножами надо быть осторожным, особенно в походных условиях.

От нечего делать мы с Толей отправились на поиски приключений, и они не заставили себя ждать. Посёлок располагался на левом берегу реки Зеленчук, которую местные почему-то называли «Архызка». Недалеко от нашей палатки находился деревянный мост через реку, а на мосту стояли местные ребята с удочками и ловили форель. Было жарко, градусов за тридцать. А «Архызка» – настоящая горная река, где всё бурлило и кипело; её ширина в районе моста была метров под тридцать. Мы спросили ребят: можно ли здесь искупаться? Они замотали головами: купаться никак нельзя – сшибёт течением. Но если очень хочется, то можно. Нужна большая верёвка. Одним её концом обвязывают купальщика, другой держит стоящий на берегу его товарищ. Купальщик бросается в воду и плывёт изо всех сил, а товарищ на берегу его страхует, травит верёвку. Чем верёвка длиннее, тем лучше. Важно, чтобы купальщик успел переплыть на ту сторону до того, как кончится верёвка. Иначе будет плохо.

В нашем хозяйстве была верёвка, как раз метров тридцать. Какой же горный турист уходит в поход без верёвки? Она, правда, для такого купания коротковата, но можно попробовать. Толя обвязывает меня верёвкой альпинистским узлом, страхует на берегу, а я вступаю в реку и стараюсь пройти как можно дальше, пока можно держаться на ногах. А мальчишки сходят с моста и наблюдают. Я осторожно ступаю по дну реки, обходя валуны. Но когда вода доходит до пояса, течение сшибает с ног. Я изо всех сил машу руками, голова в воде, ничего не вижу. Наконец благополучно переплываю реку и вместе с верёвкой перехожу мост к исходному месту заплыва. Плыву второй раз, и тоже всё хорошо. Но Бог троицу любит. Плыву снова, но на этот раз верёвка кончается раньше, чем я доплываю до берега. Толя крепкий парень, он смог меня удержать. Верёвка врежется мне в бок, меня выбрасывает из воды, и я становлюсь рыбой, пойманной на крючок. Всё-таки до берега оставалось два-три метра, и я их с горем пополам преодолеваю. Купаться мне расхотелось, и мы меняемся с Толей ролями: теперь он купальщик, я страхую на берегу. Он старается избежать моих ошибок, и всё для него проходит благополучно.

Архыз – известный туристический район, откуда начинаются походы разной категории сложности. В этом районе есть заповедник, ценные породы деревьев, всякое зверьё; природа богата и разнообразна. Верховья рек лесисты, выше расположена зона альпийских лугов; ещё выше – граница вечных снегов и ледников с выступающими из них скалистыми горными вершинами. Высота гор здесь средняя, самая высокая в этом районе гора София – 3637 м над уровнем моря. Горные перевалы ниже 3000 метров. В этом крае также много озёр, но на своём пути мы не встретили ни одного.

Первым на маршруте нужно было преодолеть хребет Аркаса и спуститься в долину реки Большая Лаба. Восхождение начали часов в восемь утра, шли по довольно пологой тропе, которая, извиваясь, поднимала нас всё выше и выше. Шли не спе-

ша, через каждые десять минут подъёма – минута отдыха. Где-то к обеду мы достигаем перевальной точки, на которой сложен тур из камней, а внутри него в консервных банках лежат записки от туристов, побывавших здесь до нас. Мы пишем свою записку, фотографируемся сами, фотографируем окрестные горные вершины, до которых как бы рукой подать. Они гордо и величественно выступают из снежного покрова в качестве стражников Кавказа. Внизу по обе стороны от перевала глубокие ущелья. Мы удивлены: как это легко забрались на такую верхотуру. Отобедав на перевале, начали спуск по едва заметной тропе.

Я слышал, что горная болезнь начинается с эйфории, которая проявляется безудержным, немотивированным весельем. Вот такое веселье напало и на нас. Впрочем, оно было вполне мотивированным: мы только что взяли перевал, преодолели первый в нашей жизни горный хребет. Мы спускались чуть не вприпрыжку, стараясь обогнать друг друга, и только на крутизне сбавляли ход. И вдруг я подворачиваю ступню левой ноги – треск, хруст и искры из глаз. Это ведь не на ровном месте: я прыгал с кочки на кочку с двадцатипятикилограммовым рюкзаком за спиной. Я становлюсь инвалидом и обузой для товарищей. Правда, товарищи нашли туго перетянуть моё повреждённое сухожилие, и в таком состоянии я всё-таки доковылял до конечного пункта нашего дневного маршрута.

Назавтра решили сделать днёвку. Мне надлежало сидеть у реки, опустив в холодную воду свою повреждённую ногу, в то время как остальные отправились охотиться на медведя. «Охотиться» – это громко сказано. На самом деле в ближайшем селении наша группа была приветливо встречена аборигенами. И один из местных, условно говоря, грузин, обещал назавтра сводить нас на медведя и обещание своё исполнил. Он взял ружьё, сел на лошадь и не спеша тронулся в путь по известному ему маршруту, остальные гуськом поплелись за ним, а я проводил их тоскливым взглядом. Вернулись к вечеру. Никакого медведя, разумеется, они не подстрелили и даже его не видели, хотя, как уверял этот условный грузин, видели след медведя. Но зато каж-

дый желающий смог прокатиться на его лошади и позировать на ней для фото. После чего можно было смело утверждать, что часть маршрута наша группа проехала верхом на лошади.

В последующем, двигаясь на юго-запад, мы преодолели ещё два перевала, названия которых не запомнились. Но эти перевалы дались намного труднее. Там были скалы, нависшие над следжавшимся снежником (возможно даже – ледником), и в некоторых местах приходилось пробираться вдоль границы этого снега чуть ли не ползком. Но самым неприятным – во всяком случае, для меня – было преодоление горных ручьёв и небольших речек, встречавшихся на нашем пути. Часть ручьёв мы переходили вброд, не разуваясь, и дальше шли с мокрыми ногами. Через другие были перекинута зыбкие мостки с натянутой вдоль них верёвкой. А через остальные речушки в месте переправы была просто положена пара брёвен – слегка обтёсанный кругляк. Вот они и представляли опасность. Тем более что эти брёвна были мокрыми и скользкими от брызг горного потока. Чтобы ходить по ним без опоры, да ещё с тяжёлым рюкзаком за спиной, требовались навыки акробата. Тем не менее все остальные наши туристы, кроме меня, без проблем преодолели эти переправы. А я однажды, поскользнувшись, рухнул, но, к счастью, не в пучину вод, а верхом на эти брёвна и под хохот товарищей остальной путь преодолевал «самоволоком», что было немедленно запечатлено на фотоплёнке.

По ходу маршрута наша группа прирастала отбившимися от стаи чужими туристами. Первой на маршруте оказалась чета медиков средних лет, неизвестно откуда взявшаяся. Мужчина откомендовался в качестве «Марэка Марэковича». Имени его жены я не запомнил – это была пухленькая блондинка лет сорока. Они были в белых панамах, и мы их приняли, не торгуясь. Это были смирные интеллигенты, никаких хлопот нам не доставлявшие. А потом откуда ни весть появился одинокий долговязый студент неизвестно какого института, и его мы тоже приняли. А наша Ирина завязала с ним более тесные отношения, ибо она уже поняла, что ни на кого из нас рассчитывать не приходится –

не тот генетический материал. Итак, к концу маршрута мы были уже ввосемьмером.

Позже я узнал, что в районе Архыза в годы Великой Отечественной войны велись ожесточённые бои за Главный Кавказский хребет. У немцев была элитная дивизия «Эдельвейс», укомплектованная солдатами и офицерами, прошедшими специальную подготовку к войне в горах; были там и альпинисты, в том числе те, которые когда-то в мирное время бывали на Кавказе и хорошо знали эту местность. Во время летнего наступления 1942 года немцам удалось захватить большую часть Предкавказья и водрузить флаг со свастикой на Эльбрусе. Но прорваться в Закавказье, к бакинской нефти, им не удалось, а на черноморском побережье они не продвинулись дальше Новороссийска. Нашей обороне удалось отстоять перевалы Главного Кавказского хребта, и велика в этом заслуга альпинистов. Много их полегло в этих боях.

...После третьего перевала мы спустились к брошенным бывшим черкесским садам, где росли груши, грецкие орехи и алыча. Груши были ещё твёрдыми, грецкие орехи – совсем зелёными, но алыча поспела, и мы ею буквально объедались. Но главное не в этом. Мы оказались на территории недостроенной больницы, где была большая асфальтированная площадка, образовавшая мини-аэродром для «кукурузников» местной линии. Раз в сутки на него приземлялся четырёхкрылый самолёт – привозил и отвозил пассажиров. Нам предстоял ещё один, последний перевал. Но после двух дней, проведённых в почти что гражданской обстановке в комнате здания бездействующей больницы, объевшись алычой, мы решили, что с нас довольно – лучше перелетим этот перевал на самолёте. Договориться с лётчиком не составило труда, и через полчаса полёта мы приземлились в верховьях какого-то ручья в окрестностях Сухуми. Спуск к морю занял около часа.

Трудно выразить словами состояние того кайфа, который мы испытали, спустившись с гор и оказавшись на берегу Чёрно-

го моря среди субтропиков. Место для стоянки нашли быстро. На окраине города, около моря, располагался огороженный высоким забором санаторий. А рядом с ним группировались в своих палатках дикие туристы, как мы, завершившие свои горные маршруты. Таких палаток здесь было не менее полусотни, приютились там и мы, поставив палатку рядом с двумя небольшими пальмами. В палатке впятером было тесно, поэтому мы с Толей решили спать на улице, оставив Эдика на растерзание двух половозрелых наших попутчиц. Одному Богу известно, как он с ними справлялся. Я же спал под звёздным небом, положив голову между корней пальмы.

Если не считать всякие там обеденные перерывы, большую часть времени мы проводили на море, чередуя это удовольствие с посещением местного рынка для покупки овощей и фруктов. Однажды, правда, съездили на экскурсию в Новый Афон. Более всего я полюбил купаться вечером перед сном и в полном одиночестве. На море штиль, тишина и лунная дорожка. Всё располагает к слиянию с природой и прочей праздной философии. Однажды я припозднился и к тому же отплыл от берега метров на двести. Издали берег светился огнями и слышалась музыка, а кто-то в нашем лагере пел под гитару. Возвратившись назад, я обнаружил двоих военных с автоматами, которые интересовались моей одеждой. Мною они тоже заинтересовались на предмет шпионажа в пользу какой-нибудь иностранной державы. Оказывается, я попал в комендантский час, который наступает после десяти вечера. Я объяснил, кто таков, и предложил одному из военных пойти со мной к нашей палатке, чтобы показать документы. Но они мне поверили и удалились.

И всё бы хорошо, но местное население оказалось довольно вороватым. Были случаи хищения из палаток денег, фотоаппаратов и других ценных вещей. Приходилось быть начеку и не оставлять вещи без присмотра. Это напрягало. Но ещё большей проблемой было отношение аборигенов к спустившемуся с гор и прочему пришлому женскому контингенту. Рассказывали дикие истории и призывали неотступно опекать своих подруг, особенно

вечером, когда страсти у местных мужчин обостряются. И это не удивительно: грузины – горячий народ, как и абхазы; а, с другой стороны, понаехавшие из обеих столиц курортные дамы – отнюдь не образец целомудрия. Вот они и развращали бедных грузин, отрывая тех от брачных уз. Пока подобные истории происходили где-то и с кем-то, неведомым нам, они не очень волновали. Но однажды вечером пропала наша Ирина. Она испарилась после ужина, вызвав в лагере всеобщий переполох и замешательство. Рисовались сцены одна ужаснее другой: девушку похитили, коллективно изнасиловали и её бездыханное тело бросили в каком-нибудь ущелье на съедение волкам. Но главное – это полная наша беспомощность. Ночь провели в тревоге. А наутро она явилась сама, целёхонька и без объяснений, как будто бы ничего не произошло. День с ней никто не разговаривал, даже младшая её подруга Света. А потом отношения восстановились.

Пора было отсюда, как это говорится, рвать когти. Во-первых, кончались наши каникулы, во-вторых, деньги тоже кончались. Оставались лишь на обратные билеты до Москвы, да ещё небольшая мелочь на жизнь. Однако легко сказать «рвать когти», – сначала надо приобрести билеты на поезд. А это наше желание совпало с аналогичным желанием тысяч курортников и прочих туристов, стремившихся перед началом учебного года смотать отсюда удочки. У кассы предварительной продажи билетов выстроилась огромная очередь, и по мере её продвижения нужно было ездить туда отмечаться. Эту безрадостную процедуру возложили на меня и Эдика, и мы уже дважды туда ездили на автобусе через весь город. Но, как я уже где-то писал, Бог троицу любит. Поехали в третий раз, захватив с собой уже и деньги. Перевозку денег на билеты поручили мне на том основании, что у меня были широкие шаровары с карманом, который зашпиливался булавкой.

И вот мы трясёмся с Эдиком в автобусе, стоя и молча. В автобусе тесно – много местной публики, в том числе молодых людей, одетых с иголки в белоснежные рубашки и чёрные брю-

ки. Меня оттирают от Эдика, а некий субъект из местных – выше меня на полголовы – стоит передо мной и всё суетится, задевая меня разными частями своего тела. Я спрашиваю, не мешаю ли я ему. И получаю отрицательный ответ: совсем не мешаю. Едем дальше, а я время от времени хлопаю рукой по денежному карману, проверяя, всё ли на месте. И вдруг моя рука ощущает пустоту. Я похолодел, и невозможно передать все эмоции, овладевшие мною в этот момент. Смотрю вниз и замечаю нечто, зажатое в кулаке моего беспокойного попутчика. Тогда я левой рукой сжимаю его кулак и буквально выдавливаю из него пачку денег. Этот абориген оказался слабаком: даром, что высок ростом.

Обычно в сценах ограбления, показанных нам в кино, действующие лица шумят; жертва издаёт вопли, призывает милицию, а вор с презрением изрекает: «Не брал я твой кофилёк». Здесь всё вершилось в полной тишине, и пассажиры автобуса даже не догадывались о происходящем. Но вслед за тем этот субъект на непонятном мне языке стал переговариваться с подельниками, которых в автобусе оказалось человек пять. Я же, в свою очередь, окликаю Эдика и показываю ему пачку денег – он ничего не понимает. Мы покидаем автобус за остановку до места назначения и идём пешком. На этот раз нам повезло: подошла наша очередь и мы купили билеты. Итак, Всевышний, который взял надо мной шефство, спас меня ещё раз: от гнева товарищей, позора и общей нищеты.

Последний день перед отъездом был отмечен посещением местного рынка, покупкой на последние деньги экзотических фруктов, а большая группа туристов из Казани, с которыми мы успели подружиться, устроила нам трогательные проводы. Они развели большой костёр и пели песни, а мы им неумело подпевали. Это была уже спаянная не одним походом группа, где все туристы были настоящими. С одной из девушкой мы даже подружились и как-то вечером вчетвером – трое нас и она – ходили к развалинам какого-то замка.

Наше возвращение обошлось без приключений. К началу учебного года мы подготовили большой фотомонтаж о своём

путешествии, который вывесили на первом этаже института под заголовком: «Пешком, верхом и на четвереньках по Западному Кавказу». Этот монтаж провисел до Нового года.

С нашими попутчицами мы больше не общались, а встречаясь случайно в институте, ограничивались сухими приветствиями. Не могло быть и речи о приглашении их в следующий поход. Они оказались туристами не настоящими, а скорее пляжными. В чём различие этих двух категорий туристов? Оно в мотивации. Истинный турист отправляется в путешествие с целью увидеть мир, испытать себя, обрести друзей – таких же непосед – влиться в их общее братство. Пляжный турист желает оторваться от домашних забот, расслабиться, испытать кайф, завести тёплую компанию из таких же временных бездельников, по возможности закрутить курортный роман, испытать острые ощущения и прочее в том же духе. Пляжному туристу в горах делать нечего.

МОРЯК НА МЕСЯЦ

Я учился на судостроительном факультете Московского технического института рыбной промышленности и хозяйства имени А. И. Микояна. Почему «имени Микояна»? – а тогда вся пищевая промышленность у нас была имени Микояна. Вероятно, этот высокий партийный и хозяйственный руководитель любил хорошо поесть. Впрочем, это мои домыслы, которые не всегда совпадают с действительностью.

В институте было пять факультетов: судостроительный с отделением «судовые силовые установки», на которое я поступил ещё с двумя выпускниками нашей Речицкой школы, ихтиологический, механический, промышленного рыболовства и экономический.

После окончания третьего курса, в июне 1958-го, у нас была плавательная практика. Не помню, какие факультеты института удостоивались такой чести, но для судостроителей и промрыбаков она была обязательна. Вообще для институтского начальства посылать студентов на море – всегда риск. А ну как какой-нибудь

недозревший моряк во время шторма вывалится за борт корабля вслед за своей блевотиной? Поэтому лишних лучше не посылать. Например, место ихтиологов не на море, а скорее в каком-нибудь рыбхозе. Там можно и рыбки поесть, и уток пострелять. И совсем уж нечего делать на море экономистам: считать деньги можно и на суше.

Плавательная практика была, с одной стороны, нашей гордостью – мы все тогда носили тельняшки и мечтали о море; с другой – серьёзным испытанием. Для моей специальности «судовые силовые установки» она преследовала цель помочь студенту изучить на практике устройство и работу силовой установки, обеспечивающей движение судна.

Наших студентов посылали на северные моря и в Атлантику, большинство из Мурманска. Человек десять, в том числе и меня, отправили в Архангельск. Я и Эдик Улановский вступили на борт большого морского рыболовного траулера водоизмещением около 3000 тонн. Был полярный день, и солнце не заходило за горизонт даже ночью – к этому нужно было привыкнуть. Как к нам отнеслись на судне? Без эмоций, как к чему-то само собой разумеющемуся. К студентам на море здесь привыкли. Но, в отличие от других студенческих практик, здесь нужно было вкалывать по-настоящему, ибо пассажиры на рыболовецком судне неуместны.

Траулер был паровым, что в наше время выглядит анахронизмом, но тогда на промысловом флоте таких было много. На нём был паровой котёл и шведская паровая машина. В нашем суточном режиме были две вахты по четыре часа. Одну из них нужно было отстоять в котельной, другую – в машинном отделении. Мы с Эдиком чередовались сменами: я работаю – он спит, он работает – я сплю. Пересекались, пожалуй, за обедом и в редкие часы совместного отдыха. Но это было потом, когда всё устаканилось. А сначала – о первых впечатлениях.

Вечером назначенного дня траулер отплывает из Архангельска и через устье Северной Двины направляется в Белое море. Перед отплытием мы успели в ней искупаться – вода показалась

мне не холодной. Я стою у борта корабля и смотрю вдаль, как это часто бывает в начале приключенческих романов. Я полон романтических ожиданий. Небольшой город Архангельск уплывает за горизонт, и вот мы (как мне показалось) в открытом море: не видно берегов. Волнение слабое, качка небольшая и на меня совсем не действует. Значит, решаю я, морской болезни я не подвержен. Долго я стоял и смотрел на море, не в силах оторваться. Но всё на свете кончается, нужно возвращаться в каюту, в которую нас поселили вдвоём с Эдиком. Первый удар по морской романтике нанесла блевотина, найденная нами на трапах и переходах судна, которую, впрочем, довольно скоро убрали. Не буду обращать внимание на досадные недоразумения подобного рода, которые, к сожалению, неизбежны в любом большом деле. Так я решил про себя, отправляясь спать.

Нам выделили маленькую каюту с двухъярусным спальным местом и одним иллюминатором. В углу каюты стояла тумбочка. Мы разыграли койко-места. Первый этаж достался Эдику, второй – мне. Утомившись за день, мы оба быстро уснули. Утром нас никто не будил. Первым проснулся я и посмотрел на свои часы, которые показывали около семи. Я решил, что пора вставать, и посмотрел вниз на пол каюты. Там отчего-то образовалась внушительная лужа, которая при качке судна (а была уже настоящая качка) перетекала с одного конца каюты в другой. А в луже был какой-то мусор. В каюте стоял туман: будто бы где-то прорвало паровую трубу.

Отчего в каюте вода? Может быть, на корабле течь и вообще аварийная обстановка? Это первое, что пришло мне в голову. Спускаюсь на пол – и что я вижу? В луже копошатся десятки, если не сотни, тараканов разной величины и масти. От качки и тараканов меня мутит. Только бы, минуя два лестничных пролёта, успеть выскочить на палубу и добежать до борта. Меня выворачивает наизнанку. Так начались мои трудовые будни на траулере.

У Эдика морская болезнь протекала не менее бурно, но была скоротечна – всего дня два. У меня же она на время затихала, но возобновлялась, как только начинало штормить. Бортовая

качка переносится сравнительно легко: нужно только научиться работать ногами. Довольно быстро вырабатывается своеобразная походка моряка, которая ещё долго сохраняется на суше. Но нет спасения от килевой качки: судно вздымается вверх на волну, а затем проваливается вниз и все твои внутренности подступают к горлу.

Тошноту провоцировали и тараканы, которых на траулере были полчища, разных возрастов и калибров. Были и совсем маленькие, как мухи, и даже с небольшими крылышками. Но это были не мухи, а тараканы. Они не летали. За всю свою жизнь я не встречал такого тараканьего царства. На судне им было раздолье, жратвы полно. По-видимому, их как следует и не морили. Другими провоцирующими моментами были запахи от работы автоклавов по переработке рыбьих голов в костную муку и тресковой печени для получения рыбьего жира.

Судовая силовая установка включала в себя паровой котёл с пароперегревателем, паровую машину, гребной вал и винт. В котле вырабатывается водяной пар, который далее в пароперегревателе достигает необходимых кондиций и подаётся в цилиндры паровой машины. Там он давит на поршни, и движение предаётся на коленчатый вал машины, который, в свою очередь, через систему передач или напрямую вращает гребной вал и гребной винт судна. Отработанный (или «мятый») пар подаётся в холодильник, где за счёт непрямого контакта с забортной водой охлаждается и конденсируется в воду. Вода закачивается в паровой котёл для очередного цикла превращения.

Главным действующим лицом во всём рабочем цикле силовой установки на паровых судах является кочегар. Именно он призван поддерживать рабочее давление в котле, кормя его углём и удаляя шлак от прогоревшего угля из топок. Задача кочегара – держать давление пара, и от его профессионализма в конечном счёте зависит и скорость движения судна, и его работоспособность на промысле. Работа кочегара адова, и то, о чём рассказывает песня «Раскинулось море широко...», на самом деле близко

к действительности. Разница лишь в том, что в северных широтах не бывает такой жары, как на Красном море.

Паровой котёл траулера был цилиндрической формы и огромен – метров шесть в диаметре. Внизу котла были три топки; каждую требовалось накормить углём и поддерживать режим горения, подламывая расплавленный шлак, чтобы обеспечить доступ воздуха. Шлак от прогоревшего угля удаляют из топки, куда загружается новая порция угля. И так в течение всей вахты с небольшими перерывами, позволяющими расслабиться, напиться воды. Работавший со мной кочегар брал с собой две литровые банки, которые опорожнял за смену. Он работал голый по пояс, по его телу текли струйки пота. Нужно было держать давление в котле 16 атмосфер, которые обеспечивали полный ход судна, или «крейсерский режим». Давление ограничивалось предохранительным клапаном, который стравливал лишний пар.

Когда кочегар длинной кочергой подламывал шлак, жар был невыносим, стоять напротив открытой топки было невозможно. Но, обнажённый по пояс, он делал своё дело. Меня он к этой работе не подпускал: не потому, что я мог что-то испортить, а исключительно из бережного отношения к моему незакалённому организму, за который он тоже нёс ответственность.

А чем же занимался я сам во время вахт в котельном отделении? Мне надлежало из угольного склада по монорельсу завозить на тачке уголь и складывать его напротив каждой топки. В крейсерском режиме, на полном ходу судна, когда оно шло в район промысла, потребление угля максимальное, и приходилось работать непрерывно. Только привезёшь тачку угля – а при следующем заходе он весь уже в топке. От кочегара получаю напутствие:

– Что-то, студент, ты сегодня сонный. Давай пошевеливайся!

Через полчаса такой работы снимаю с себя тельняшку и тоже – голый по пояс. В мои обязанности входило и удаление шлака, но это было совсем не трудно. Шлак лопатой загружали в большую бадью, которую с помощью лебёдки поднимали наверх и её содержимое сбрасывали за борт судна.

В редкие минуты отдыха кочегар рассказывал историю своей жизни. Было ему лет тридцать, роста среднего, с меня, худощав. Сам он вологодский – на судне много было таких, – в армии служил сапёром. От него я впервые услышал, что сапёр ошибается в жизни один раз. К работе привык: тяжёлая, но жить можно. А где найдёшь другую? Вообще, он был малоразговорчив.

Когда я стоял вахты в котельной или машинном отделении, то даже при большой качке морская болезнь отступала: с одной стороны, был занят делом, с другой – в трюме судна бортовая качка вообще мало ощутима. В котельной вверху и слева от котла был механизм в виде циферблата, показывающий крен судна. Иногда при сильной качке крен достигал 45 градусов, и я обращал на это внимание кочегара. Он отмахивался: «Пусть-ки, не волнуйся. Наш корабль никогда не перевернётся, он очень устойчив». В институтском курсе теории корабля большое внимание уделялось его устойчивости. Центр тяжести должен быть как можно ниже, что учитывается как при конструировании судна, так и при распределении груза: всё самое тяжёлое должно находиться в трюме.

Как-то во время нашего первого байдарочного похода мы с женой на маленьком озерце с лодки ловили рыбу. Был прекрасный утренний клёв. Войдя в раж, мы оба встали в полный рост; центр тяжести переместился вверх, и байдарка перевернулась вместе с нашим уловом. А всё оттого, что я забыл про теорию корабля.

Вахта в машинном отделении, по сравнению с котельной, была сущей безделицей. Большую часть времени мы с машинистом травили байки. Иногда он попросит заправить смазку в маслёнки паровой машины или пройти по ней с тряпкой. Конструкцию машины я изучил за первые три дежурства. Это была тихоходная и очень надёжная, насколько я помню, восьмицилиндровка, требовавшая очень мало ухода.

В три часа ночи заканчивалась моя вахта в котельной, и я выходил на палубу траулера. Был полярный день, и солнце зависало над горизонтом, готовясь к новому подъёму. В это время

обычно поднимали трал и высыпали на палубу его содержимое. Уловы были небольшими – редко более полутора тонн. Разбор улова – самое интересное занятие на промысловом судне. Когда вышли в Баренцево море, в основном мы ловили пикшу. Изредка попадался морской окунь, ещё реже зубатка. Окунь обычно доставался судовому технологу, который делал из него прекрасный балык. Как-то он угостил балыком и нас с Эдиком. А зубатка почему-то здесь считалась деликатесом. Её особым способом жарили для капитана и его помощника. Поднятая с морского дна зубатка огромна и страшна, с вылезшими из орбит глазами.

Кроме рыбы попадалась и разная морская фауна: скаты, разной величины морские звёзды, морские пауки и проч. Полуметровых в диаметре скатов с длинным хвостом тут же крюком выбрасывали за борт, за ними следовало всё остальное – несъедобное. Но кое-что я забирал себе: показать дома в качестве неопровержимого свидетельства моего пребывания на море. Я сохранил несколько звёзд и ажурных, полупрозрачных, янтарного цвета пауков. Из крупных морских животных мы видели стаю касаток, подплывших к судну довольно близко – метров на двести.

Следующий этап после подъёма трала – шкерка рыбы. На палубе был установлен длинный – метров десять – стол, вокруг которого с двух сторон стояли моряки с широкими шкерочными ножами. Они брали из общей кучи пикшу, ловко, одним ударом ножа, отсекали у неё голову, вспарывали брюхо и доставали из него печень, которую складывали в чан. Выпотрошенную рыбу отправляли в морозильник, а её внутренности летели за борт. За траулером с диким гвалтом неслись стаи оголтелых чаек, которые чуть не на лету хватали эти потроха. Капитан траулера время от времени подбадривал матросов: «Чешитесь, мужики, чешитесь». И мужики «чесались», чтобы до подъёма нового трала успеть покончить с этим уловом.

Как нас кормили? Кормили хорошо, хоть и однообразно. Было трёхразовое питание, довольно обильный обед с первым, вторым и третьим блюдами, много мяса. Кроме того, с крюка в потолке камбуза на цепях свисал большой котёл с ухой из только

что выловленной рыбы – ешь, сколько хочешь. Но не было аппетита. Не помню, чтобы я хоть раз зачерпнул из этого котла, о чём теперь жалею.

Судно продвигалось к Шпицбергену, и уже недели через две стали видны его скалистые берега. Море в основном было спокойно, и только в некоторые дни волнение достигало пяти-шести баллов. Работа в море шла непрерывно. И всё бы ничего, но на третьей неделе плавания я не удержался заболеть ангиной: болело горло, была небольшая температура. Но не могло быть и речи о постельном режиме, так как подменить нас у котла было некем. И тогда Эдик, несмотря на мои протесты, берёт на себя мои ночные смены в котельной, оставив мне свои дежурства в машинном отделении. Меня одолела совесть, и через два дня я выздоровел.

На четвёртой неделе плавания всё это однообразие стало надоедать, морская романтика ушла за горизонт и начали одолевать «пораженческие настроения». И не только у нас – у команды тоже. Уловы были небольшие, а значит, и заработок. По судну прошёл слух о том, что нас хотят задержать ещё на месяц. Но слух этот оказался преувеличенным. Через месяц плавания мы вернулись в порт Архангельска.

Мы с Эдиком уже было собрались покинуть судно. Но старший механик попросил нас задержаться на несколько дней: вся команда сошла на берег, но должен же кто-то остаться на судне. Заодно нам придумали работу: разборка фланцевых соединений котельного трубопровода для замены ржавого крепежа. С нами оставался старик-машинист, которому на берегу было делать нечего. И ещё остался боцман – парень нашего возраста, которому в качестве утешительного приза досталась наша повариха – женщина средних лет. Он проводил время у неё в каюте, а она за это подкармливала его пирожками с повидлом.

Кому повариха с повидлом, а кому ржавые болты и гайки, которые ещё нужно было открутить. Каждому – своё. Мы работали ключом и зубилом, когда гайки не отворачивались. Режим работы с зубилом таков: два удара молотком по нему, один –

по собственной руке. Работа шла медленно и попеременно, так как на лестнице, ведущей к соединениям труб, мог уместиться лишь один из нас: то я, то Эдик. Котёл не был погашен, он работал в холостом режиме, поддерживая минимальное давление пара. А главный паровой клапан, как заверил нас машинист, был перекрыт – иначе работать было бы нельзя.

Итак, медленно, но верно, по мере разборки фланцевых соединений мы добрались до главного паропровода. На лестнице в свою очередь стоял Эдик. И вдруг из ослабленного соединения под большим напором стала пробиваться вода – сначала холодная, затем горячая. Я кричу: «Эдик, прыгай!» Эдик кубарем сваливается с лестницы, и одновременно с этим, выбив прокладку, из трубы наружу вырывается горячий пар. Промедли Эдик мгновение – и он бы сварился, во всяком случае, его лицо. Оказывается, машинист нам соврал: главный паровой клапан был перекрыт им не полностью. Машинное отделение тут же заволочло паром, но прибежал машинист и исправил свою ошибку. Всё в конечном счёте обошлось.

Через три дня моряки стали возвращаться на судно. Все были пьяны, некоторые блевали. На море неукоснительно действует сухой закон, но на берегу они отрывались по полной программе, спеша истратить заработанные деньги. Ходили в пивнушки, посещали знакомых баб, у кого-то на берегу оставались семьи. В этом и состоял смысл их существования. В последний день перед отплытием в очередной рейс (а для нас – списанием с корабля) на палубе произошла драка. Драка – это громко сказано. На самом деле два дюжих мужика – среди них наш тишайший технолог – били молодого парня только за то, что он полез к ним брататься из-за переполнявших его чувств. Этот вологодский рыжий парнишка был с нами в предыдущем рейсе и, по его мнению, стал моряком. Его били жестоко и ногами, а все безучастно наблюдали этот аттракцион. Кроме нашего отважного боцмана, разрядившегося на поварихе. Он как мог защищал парня, рискуя нарваться на свою порцию тумачков. Но его не тронули.

На следующее утро мы покинули судно до его отплытия. Пару дней жили в портовом домике, пока не вернулись из рейсов все наши студенты. Загодя купили билеты до Москвы. Часа за два до отхода поезда вышли на ближайшую к порту трамвайную остановку. А трамваи не ходили. Мы узнали, что где-то разошлись рельсы и восстановление трамвайного движения ожидается ещё не скоро. Оказывается, в Архангельске того времени подобное случалось довольно часто. Город стоит на болоте (а возможно, на тундре); там деревянные мостовые, а под трамвайную линию насыпан песок. Нет твёрдого грунта, всё зыбко, ненадёжно.

А я иду по деревянным городам,
Где мостовые скрипят, как половицы.

Эта песня Александра Городницкого – в частности, про Архангельск.

Но мы же опоздаем на поезд, как быть? И пошли пешком по деревянным мостовым вдоль трамвайной линии. Не только мы, но и все остальные. Такое было впечатление, что снялся с места и пришёл в движение весь город. Прошли не менее шести трамвайных остановок и вышли к реке в месте паромной переправы. На том берегу железнодорожный вокзал и наш поезд, но это ещё метров за двести от переправы.

Ждём паром, а время тает. До отправления поезда осталось полчаса. Наконец причаливает паром, и потенциальные пассажиры московского поезда берут его штурмом. Паром неспешно отплывает, а время продолжает таять. Наконец он достигает пристани. Но нужно ещё пришвартоваться, а времени осталось пять минут. Пассажиры прыгают на берег, не дожидаясь швартовки парома. Наши ребята успели сойти все, а я оказался последним. Между тем паром, ударившись о причал, стал медленно отходить от него. Когда я добрался до его борта, между паромом и причалом была внушительная щель, которая ежесекундно расширялась. Пассажиры уже прыгать не решались.

Мне кричат: «Миша, прыгай!»

Легко сказать – прыгай, но как себя заставить, если щель между пристанью и паромом уже не меньше метра? Такое расстояние можно преодолеть с места на суше, но попробуй, если перед тобой пропасть. В конце концов, я не каскадёр!

– Прыгай!!

Я смотрю вниз, до воды метров шесть. Если сорвёшься и не утонешь, то тебя раздавит паром во время швартовки. Это ужасная смерть. А щель между тем всё расширяется. Если ждать, когда его пришвартуют, то наверняка опоздаешь на поезд, до отхода которого остаётся минуты две.

– Прыгай!!!

Я бросаю им свой чемоданчик и перелетаю через пропасть, приземлившись на колени, которые и расшибаю об асфальт пристани. Меня подхватывают под руки, мы бежим к поезду, который уже тронулся. Влезаем в какой-то вагон, затем находим свой. Я оказался последним пассажиром парома, успевшим на этот поезд. Остальные дождались швартовки и опоздали.

Я сижу в вагоне, смотрю на проплывающий пейзаж и заново переживаю эту ситуацию. Дома мне приснилось, что я стою на пароме, плывущем через реку. Внезапно какая-то сила сметает меня с него, и я в воде. Я плыву за паромом, но не в силах догнать. Тогда я плыву к берегу, до которого совсем близко. Плыву изо всех сил, но берег всё удаляется от меня. Я просыпаюсь. Другой раз мне приснилось, что я должен прыгнуть на подножку поезда, который только что тронулся. Но ноги ватные и как будто парализованы: не то что прыгнуть – я и шага сделать не могу.

Плавательная практика у нас длилась чуть больше месяца. Но ребята, которые попали в Атлантику, пробыли там всё лето и вернулись в институт к октябрю. Они хорошо заработали и оттягивались в ресторане «Прага». Некоторые из них попали в ужасный девятибалльный шторм, когда радиозфир заполняли сигналы SOS и малотоннажные промысловые суда уходили под воду – по большей части иностранные. Ребята рассказывали

страшные истории: кого-то смыло за борт, кто-то сошёл с ума. К счастью, все наши студенты вернулись из рейсов в целости и сохранности.

И СНОВА КАВКАЗ ПОДО МНОЮ

Мы собираемся в новый поход. Нас трое: кроме меня – Эдик Улановский и Толя Колотилов. Был ещё четвёртый, который в итоге слинял. Но мы включили его в маршрутную книжку, так как формально клуб туристов не может отправлять троих: должно быть минимум четверо. Потолкавшись с неделю в Московском клубе, мы выбрали маршрут: это Центральный Кавказ, Северная – Южная Осетия. Перевалы главного хребта, с заходами к ледникам «Цейскому» и «Сказки». Провели трассу маршрута, наметили ориентиры, почитали отчёты о походах по сходным маршрутам, оформили маршрутную книжку, больше там делать было нечего.

Мы закупили продукты, собрали рюкзаки, но по какой-то причине не смогли выехать вместе. Мне предстояло поехать первым и в осетинском Беслане дожидаться своих друзей, которые придут туда на следующий день утренним поездом. Я взял плацкартный билет и сел в полупустой почему-то вагон. У меня оказалась единственная попутчица: напротив меня сидела хорошенькая девушка, примерно моего возраста, которая ехала до станции Сухиничи.

Если Всевышний захочет вас испытать, он подкинет вам ситуацию, схожую с той, в которой оказался я. Девушка была, как я сказал, хороша собой, и нам никто не мешал. Мы быстро вошли в контакт, обнаружив много общего во взглядах на жизнь. Мы общались с ней весь вечер и совсем не наскучили друг другу, всё время появлялись новые темы для беседы. Говорил больше я – к тому времени уже бывалый студент, так я считал, – и мне было о чём ей рассказать. Она же слушала, как мне показалось, с большим интересом. Если бы меня спросили, что я нашёл в ней особенного, для меня притягательного, я бы назвал женственность.

Да, в свои, предположим, девятнадцать лет она была очень женственна.

Однако время летит; в три часа ночи поезд прибудет на её станцию, она сойдёт с поезда, и мы больше не увидимся. Нужно что-то предпринять. Эта мысль не давала мне покоя. И я предложил ей обменяться со мной адресами. Всего только адрес и ничего больше. Я считал, что моё предложение, в сущности, ни к чему не обязывает. Но я сразу почувствовал перемену в её поведении. Она спросила: «Зачем? К чему это?» И как-то сразу подобралась, отстранилась от меня, будто бы я её чем-то обидел.

Я не нашёлся ответить зачем, так как считал ситуацию с адресами самоочевидной, не требующей разъяснений. И вполне безобидной. Но я ошибался. Моё предложение не было безобидным. Оно декларировало моё намерение поддерживать с ней отношения и превращало её в объект моего внимания. А зачем ей эта головная боль? А как отнесутся к этой переписке её родители? А может быть, у неё есть ухажер? Трудно себе представить, чтобы у такой девушки не было кавалера. А может быть, она вообще замужем? Странно, но я её об этом даже не спросил. Короче, я поступил бестактно и был наказан. Не желая того, испортил впечатление от всего вечера.

После этого мы почти не разговаривали. Девушка легла на нижнюю полку, чтобы немного поспать перед своей остановкой, а я сидел напротив и смотрел на неё. Она отвернулась к стене. В положении на левом боку особенно рельефно выделялись её женские прелести: узкая талия, крутые бёдра. Я никогда до того не видел спящую молодую женщину так близко. В какой-то момент у меня возникло неодолимое желание её погладить.

Я вышел в тамбур вагона и открыл наружную дверь, подставив себя набегавшему ветру. Где я ошибся? В дневнике писателя Ильфа есть приблизительно такие слова: «Он не знал нюансов языка и, едва познакомившись с женщинами, приглашал их в свою постель». Вот и я не знаю нюансов языка. Идиот! Можно же было осторожнее. Например, просто вручить ей свой адрес и с улыбкой сказать: если её заинтересует история о моём

нынешнем походе на Кавказ, то пусть напишет, и я её нарисую во всех подробностях, как и о своём первом походе, которую уже успел рассказать. Если захочет, то напишет мне под любым предлогом, а не захочет – бесполезно спрашивать у неё адрес.

В фильме «Баллада о солдате» Григория Чухрая (увиденном мною позже) описана история, которая в чём-то схожа с моей, хотя я ни в коей мере не претендую на роль героя. Там парень моих лет – герой, подбивший два немецких танка, – в товарном вагоне встречается с девушкой. Их знакомство начинается с решительного отторжения с её стороны, вплоть до намерения спрыгнуть с вагона, а кончается фактическим признанием в любви. У меня же всё наоборот: знакомство началось с взаимного интереса друг к другу, чуть ли не единения душ, а заканчивается её отчуждением. И виноват в этом только я. Так я простоял минут десять, затем вернулся на место. Она спала (или притворялась спящей?) в той же позе. В полтретьего ночи встала и начала собираться.

Вот наконец станция Сухиничи. По вокзалу объявили стоянку поезда три минуты. Я беру её чемодан, и мы сходим на перрон, проходим здание вокзала насквозь.

– Идите, вы же опоздаете на поезд, – говорит она.

– А как же вы, ночью, одна!

– Не беспокойтесь: здесь я сяду в автобус, а там меня встретят. Возвращайтесь же!

И тут она неожиданно задаёт мне вопрос: у всех ли девушек при первом же знакомстве я спрашиваю их адреса? Я покачал головой – нет, это бывает очень редко. На самом деле она была первой и единственной, но мне почему-то было неловко ей в этом признаться: выглядело бы неправдоподобно и мелодраматично. Она подала мне руку, и мы расстались. Я добежал до своего поезда, который тут же тронулся.

Сидя в вагоне, я думал: почему она это спросила? Не из женского же простого любопытства? Отказавшись назвать свой адрес, она определённо дала понять, что не желает поддерживать со мной отношений. К чему же тогда этот запоздалый

вопрос? Его можно было задать и раньше, в вагоне поезда. Может быть, чувствуя неловкость, она хотела этим объяснить своё поведение: мол, я сам во всём виноват. И дать мне дружеский совет: быть впредь с порядочными девушками более деликатным. Но, может быть, с другой стороны, она и сама пожалела, что обрubiла концы и мы расстались таким образом? Ответить на этот вопрос мог бы знаток человеческих душ Фёдор Михайлович Достоевский. Но ему не случилось в ту ночь быть рядом со мной.

Вечером следующего дня поезд прибыл на станцию Беслан. Здесь не было здания вокзала; насколько я помню, были только навесы и несколько скамеек, на одной из которых мне предстояло коротать ночь. Это меня совсем не воодушевляло, но какова альтернатива? Искать в городе гостиницу, чтобы в ней переночевать? Это решительно не входило в мои планы. Со своим здоровенным рюкзаком я некоторое время болтаюсь по перрону, но, не найдя здесь ничего интересного, выбираю скамейку для ночлега. Лежать на ней не собираюсь: сажусь и кладу голову на рюкзак. Но не могу заснуть. Ближе к ночи какие-то подозрительные типы шатаются вокруг да около – скорее всего, местная шпана. Но ко мне не пристают. На всякий случай достаю со дна рюкзака ледоруб и кладу его под клапан. Ледоруб страшный зверь. В августе 1940 года агентом НКВД им был убит Лев Троцкий. Не думаю, чтобы шпане об этом было что-нибудь известно, но всё же...

В раннем романе Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито» его главный герой в революционную эпоху был одержим идеей интернационализма и, кроме того, был новатором во всём, увлекаая своими идеями действующих лиц романа, включая и его автора. Но наступает время разочарования в революции, крушения надежд. Хуренито объявляет своим товарищам: «Раз мне не удалось умереть за Интернационал, умру за сапоги». У него были прекрасные хромовые сапоги. Он едет на станцию Конотоп и садится на лавочку в пристанционном

сквере, где собирается провести ночь. Утром следующего дня прохожие обнаруживают его труп, без сапог.

Такая перспектива меня совсем не устраивает.левой рукой держусь за рукоятку ледоруба, борюсь со сном. Ночь длится бесконечно. Но вдруг я просыпаюсь от яркого света: оказывается уже восемь утра, а через час прибывает поезд, на котором должны быть мои товарищи. Приходит поезд, из вагона выходят Эдик и Толя с такими же, как у меня, рюкзаками. У Толи улыбка до ушей. Мы едем на автобусе до столицы Северной Осетии – города Орджоникидзе (ныне Владикавказ) – а затем до районного центра Алагир, откуда начинаются наши маршруты.

Юг Северной Осетии – это горная страна, гораздо более суровая, чем Западный Кавказ, где мы побывали после второго курса института. Это Центральный Кавказ. Из Орджоникидзе, например, хорошо был виден Казбек – вторая вершина Кавказа после Эльбруса.

Было начало июля, и с погодой нам повезло: ненастных дней почти не было и ни разу мы не задержались где-либо из-за погодных условий. Но были препятствия иного рода и даже драматические моменты. Бесполезно проследить наш маршрут по моему описанию. По истечении более полувека многое забыто – осталось лишь то, что врезалось в память. И вообще, мои воспоминания ни в коей мере не могут служить путеводителем, ибо в деталях я могу ошибаться.

Итак, в самом начале путешествия для ознакомления с этой горной страной по имени Осетия мы предприняли два небольших восхождения к ледникам «Цейскому» и «Сказки». Это известные и (особенно первый из них) популярные у туристов ледники; информацию о них каждый желающий может получить из интернета. Мы шли вверх по каменистым тропам, затем по ледниковым моренам и осыпям, сначала неподвижным, затем «живым», вдоль русел горных рек Цейдон и Сказдон, рассыпавшихся в верховьях на вытекающие из-под ледников ручьи. Сегодня значительную часть нашего маршрута можно преодолеть с помощью

проложенной канатной дороги, что позволяет сократить время восхождения к ледникам и сэкономить силы. Но я не помню, чтобы эти пешие маршруты были для нас чрезмерно утомительны. На каждое восхождение к подножью ледников и возвращение к месту старта уходил один день.

Я не оговорился: на ледники мы не забирались, для этого у нас не было ни надлежащей обуви, ни альпинистского снаряжения. Всё наше снаряжение состояло из тридцатиметровой верёвки и одного ледоруба на троих. Кроме того, мы были полными дилетантами в технике альпинизма и не имели никаких навыков скалолазания. И, само собой, у нас не было ни инструктора, ни проводника, как это бывает в организованных туристских группах. Мы сами себе были инструкторами.

Но у ледопада ледника «Сказка», нависшего примерно десятиметровым обрывом над его ложем, мы предприняли безрассудную попытку выйти на лёд. Для этого нужно было подняться на скальный хребет с левой по ходу стороны ледника и по нему спуститься на сам ледник. Мы оставили рюкзаки у подножья скалы и начали карабкаться вверх, цепляясь за выбоины и уступы в камнях. В таких случаях альпинисты используют крючья, забиваемые в щели камней молотком. У нас не было ни крючьев, ни молотка, а самое главное – не хватало извилин в черепной коробке, иначе мы бы сразу отказались от этой безрассудной затеи. Ибо даже если бы нам удалось каким-то образом подняться на пару десятков метров, то задача спуска была бы намного сложнее и опаснее: даже опытные альпинисты чаще всего срываются именно при спуске.

Было часов одиннадцать дня, и в горах начался камнепад. За хребтом, на который мы взбирались, было глубокое ущелье. Камни срывались с оттаявших скал и падали в это ущелье, издавая звуки: «трах», «тарарах», «бум», «бум», «бум». Последнее «бум» едва доносилось уже из преисподней.

Если вы с уступа в голубые дали
Понесётесь вихрем камни догонять,

Вспомните, что раньше вы так не летали
И уже, наверное, не будете летать.

Был у меня знакомый, Витя Мерлис. Это был заматеревший альпинист, кандидат в мастера спорта, и не одна вершина Кавказа покорилась ему. В 45 лет, когда мы встречались с ним последний раз, кажется, он был ещё не женат. Это был весёлый, никогда не унывающий, уверенный в себе и сильный человек, а его отец работал на нашем заводе заместителем главного конструктора. А погиб Витя по-дурацки: сорвался с какой-то сравнительно невысокой стенки в Подмосковье.

Отрезвление к нам пришло после скального подъёма метров на пять-шесть. К этому моменту все уже осознали истину, но её нужно было произнести вслух, и это пришлось сделать мне. Весь обратный путь мы прошли молча. И всё же панорама горной страны в районе этих ледников была, пожалуй, самой впечатляющей на нашем маршруте.

Дорога к перевалам главного хребта шла вдоль русла реки Ардон, истоки которой стекают с ледников Главного Кавказа. Мы долго шли по правому её берегу по хорошо обозначенной тропе. Нам попало несколько сероводородных источников, и более ничем она мне не запомнилась, как и не запомнились первые пройденные нами два перевала через отроги Главного хребта. Следующим был перевал «Дзедо», встроенный в Водораздельный хребет на границе Северной и Южной Осетии. Этот перевал мне запомнился на всю жизнь. Перед восхождением мы ночевали на берегу речки (по-видимому, это Згур) недалеко от осетинского селения. Утром, покинув палатку, мы обнаружили гремучую змею, проползавшую мимо по своим змеиным делам, забыв нас поприветствовать. Эдик и Толя забили её палками. Гремучая змея, или щитомордник, очень опасна, хуже нашей гадюки. Насколько мне известно, её яд может сочетать в себе свойства яда кобры и гюрзы. Так что наказание змеи было соразмерно её вредности.

Но на этом наши предперевальные приключения не закончились. Как только мы тронулись в путь, нами заинтересовалась корова из пасущегося рядом стада. Она решила проводить нас своим рогом, и это ей почти удалось. Затем, поднявшись вверх по травянистому склону, мы были атакованы двумя кавказскими овчарками, которые со звериным рёвом неслись на нас сверху от охраняемой ими отары овец. Пастух что-то сказал на понятном им языке, и только поэтому они не разорвали нас в клочья. Но, налетев по инерции на Толю, чуть не сбили его с ног. Когда имеешь дело с собаками, лучше всего не обращать на них внимания и идти своей дорогой. Тогда они удивятся и от тебя отстанут. Такая тактика срабатывает не всегда, но в данном случае сработала. Собаки провожали нас ещё метров пятьдесят, изображая свирепость, но потом отстали, и путь к перевалу оказался свободен.

Мы поднимались по тропе через альпийские луга, сменившиеся каким-то щебнем, и к обеду достигли седловины. Это был «Дзедо», высотой, согласно описанию, 3005 м над уровнем моря. Не знаю, как он выглядит сейчас, но тогда он нам показался уникальным явлением. Я имею в виду вовсе не панораму горных вершин и глубоких ущелий, открывшуюся нам с перевальной точки, – такую картину являют многие перевалы Большого Кавказа. На перевале было небольшое, метров пятьдесят в диаметре, чистейшее и прозрачное до единой песчинки ледниковое озеро, а вокруг были разбросаны диковинные, как нам показалось, полудрагоценные камни. Они были двух видов. Одни – в виде небольших серых плит с вкраплениями золотисто-зеленоватого цвета какого-то металла. Другие представляли собой нагромождения крупных кристаллов кварца, схваченных каменной матрицей. Это был настоящий горный хрусталь – у разных камней бесцветный, желтоватый или голубоватый. Мне до сих пор непонятно, откуда взялись эти сокровища и как они могли сохраниться до нашего прихода. Определённо, это место не было особенно посещаемо туристами.

Мы набили карманы рюкзаков этими камнями, главным образом – хрусталём, пообедали на перевале консервами и решили отдохнуть перед спуском. Я проснулся первым. Перевал заволочло туманом, почти ничего не видно – это на нас напознала туча, поднявшаяся из долины с южной его стороны. Не успели мы собраться, как оказались в плену грозовой тучи, низвергавшей тропический ливень. Поднялся вихрь, и начались разряды молний, бивших по окружающим скалам. Раскаты грома слились в сплошную канонаду, и некуда деться: ни щели, ни другого укрытия. Грозовая стихия превратила нас в ничтожных букашек – «пушечное мясо» для этих небесных оргий. Спаси и сохрани!

Не сговариваясь, мы устремились к спуску с перевала – именно в ту сторону, откуда пришла туча. По пути стали выбрасывать из рюкзаков похищенные у перевала сокровища, одержимые мистической мыслью, что именно они накликали беду. Сохранилось немного. Мы скользили по едва заметной, размытой дождём тропе, падали и скользили снова. И чудо явилось минут через десять в виде ясного солнышка и нескольких белоснежных облаков, застрявших в зубцах окрестных вершин. К нам пришло «утро» из музыки Эдварда Грига к драме «Пер Гюнт». Туча ушла за перевал в долину, откуда мы только что пришли.

Спускаясь, мы сбились с тропы и вышли к глубокому каньону, по дну которого струился ручей или небольшая речка. Не было видно ни мостка, ни переправы. Но слева от нас каньон перекрывал небольшой снежник, образовавший своеобразный мост. Другого выхода не было – пришлось испытать этот «мост» на прочность. Сначала бросили на него несколько камней, и он устоял. Потом меня, как самого лёгкого, обвязали верёвкой и пустили через снежник, и я перешёл на ту сторону. Затем по верёвке волоком перетаскили рюкзаки и перешли остальные двое. Слежавшийся снег выдержал нагрузку.

Километрах в двух от ручья мы увидели осетинское село. Туда и направились, чтобы узнать, куда нас занесло. Пройдя ещё с полкилометра, обнаружили деревенское стадо, но ещё раньше

нас увидал пастух, пасший этот скот. Он замахал руками, и мы направились к нему. Пастух велел нам идти к крайнему дому: он приглашает нас в гости. Мы не стали ломаться. Это была простая деревенская изба, разделённая на две части. На одной половине жил со своей семьёй наш гостеприимный хозяин, на другой – его сосед. У избы был земляной пол и, пожалуй, три комнаты: главная – просторная горница, посреди которой стоял длинный дощатый стол и вдоль него две лавки; маленькая кухонька, в которой за занавеской хлопотали не видимые нами две женщины; и ещё небольшая комната – видимо, спальня.

Минут через двадцать пришёл хозяин, с ним дюжина мужчин – жителей села. Все молодые, рослые осетины. Мы разместились за столом. Наше удивление столь радушным приёмом было удовлетворено словами хозяина о том, что мы – его желанные гости и что эти места редко посещают туристы, а москвичи и ленинградцы, коими мы представились, вызывают их особое уважение. С чего бы это вдруг? Определённо, москвичи и ленинградцы не успели здесь наследить, и у нас стало закрадываться сомнение: туда ли, куда следовало, спустившись с перевала, мы вообще попали. Впоследствии оказалось – действительно, не туда, и нам после этого пришлось преодолеть ещё один перевал, который ничем не запомнился. Однако подобные мысли не омрачили нашего настроения, и мы приняли эту ситуацию как компенсацию за ужас, испытанный нами на грозовом перевале.

Итак, началось пиршество, если можно назвать таковым вкушаемые нами простые и незамысловатые блюда национальной кухни и араку – пшеничную водку, выпиваемую, как и положено на туземном застолье, из турьего рога. Согласно традиции, каждый из присутствующих должен был произнести тост, и надо признать: произносимые этими осетинами тосты были весьма изобретательны. Мы же плели общеизвестное. Я тогда водку едва выносил, но арака пошла вполне, без отторжения. Однако после третьего круга мы сказали, что с нас довольно, сославшись на усталость. После этого присутствующие выпили ещё раз – за дружбу и знакомство, – и гости стали расходиться. По окон-

чании застолья Эдик поднялся и от нашего имени поблагодарил хозяина за гостеприимство, остальных – за оказанное нам внимание. Он сказал, что каждый, кто окажется в наших краях, встретит с нашей стороны такой же приём. Затем мы с хозяином обменялись адресами и стали готовиться к ночлегу.

И тут настало время включить в мой рассказ двух собак, которые пока что терпеливо дожидались своей очереди. Первая – хозяйская собака. Это был довольно крупный пёс неопределённой породы, который отнёсся к нам более чем дружелюбно, как и положено относиться к гостям. Раз мы гости его хозяина, значит, и его самого тоже гости. Вторая – соседская собака. Она была злющая, завистливая и очень неумная. Стоило кому-то из нас выйти из дома, она обрушивала на него всю свою неумную злобу. В какие-то моменты нас выручала хозяйская собака, которая отгоняла этого поганого пса. Ещё на неё действовал свет электрического фонарика, наведённого в упор. Собака не выдерживала взгляда этого искусственного глаза и шарахалась в сторону.

Так вот, перед сном я пошёл умыться на ручей, протекавший метрах в тридцати от хозяйского дома. Пока я шёл к ручью, по большей части задом наперёд, и светил фонариком в глаза этой злобной твари, всё складывалось благополучно. Но на обратном пути она меня всё-таки подловила и цапнула за щиколотку левой ноги, после чего, удовлетворённая, убралась прочь. Меня и раньше кусали собаки, и я не придавал этому значения, тем более что рану тут же обработали йодом, кровотечение остановилось, и рана вскоре зажила. Но, как оказалось, последствия наступили позже.

На следующее утро хозяин вывел нас на тропу, ведущую к последнему на нашем пути перевалу, и мы распрощались. Преодолев его, мы спустились в долину какой-то реки уже в Южной Осетии. Но нас ожидали новые приключения. Дело в том, что незадолго до нашего появления на местности вдоль русла этой реки прошёл селевой поток, который разрушил все дороги, нагромоздил на них непроходимые завалы и на время отрезал этот

район от цивилизации. Двигаясь вдоль русла, нам приходилось то и дело переходить с одного берега реки на другой, а часть пути вообще пройти по воде. На наше счастье, речка здесь была мелкой и свободно проходимой. Мы шли в воде, не разуваясь. В итоге расстояние, которое в нормальных условиях можно было пройти часов за пять, нам пришлось преодолевать два дня и при максимальной нагрузке. К тому же у нас закончились продукты.

Но всё на свете кончается. Наконец мы вышли к какому-то посёлку, откуда на попутной машине можно было добраться до «большой земли». Нас довезли до Сталинири (ныне Цхинвал), откуда на автобусе мы доехали до Гори. Там, посетив дом-музей И. В. Сталина, мы завершили своё путешествие.

ТАЛЛИН

В начале августа того же года нас отправили на военные сборы в столицу Эстонии Таллин. Мы попали в химдивизион, находившийся за чертой города на берегу залива. Дело в том, что наш выпуск по военной специальности определили в «химисты», назначение которых в военное время проводить радиационную разведку на местности, дегазацию при применении противником отравляющих веществ, дезактивацию военного снаряжения и людей после атомной бомбардировки и выполнение других подобного рода богоугодных дел, прежде чем самим отправиться к праотцам. Ибо это и есть конечный итог деятельности «химиста» в настоящей войне с применением ядерного оружия.

«Повезло» с военной специальностью только нашему выпуску. Для остальных «судомехов» старше и моложе нас, насколько мне известно, военная специальность более или менее соответствовала вузовской. Это БЧ-5 – силовые и энергетические установки корабля. Но как бы то ни было, на военной кафедре нас обучали по указанному «химическому» профилю.

Наш дивизион собирались расформировывать, и это обстоятельство в большой мере отражалось на отношении к нам воинского начальства. Нас не мучили учениями, и после утреннего

построения большую часть времени мы были предоставлены сами себе. А командовать нами было поручено некоему «старлею», который, не вполне осознавая свои обязанности, пустил дело на самотёк и особенно нам не докучал, за что по окончании сборов получил от нас заслуженные две бутылки «Столичной». Впрочем, однажды на пару дней нас вывозили на местность для участия в учениях после имитации применения тактического ядерного оружия. Подробности не имеют значения. Главная цель таких учений – приучить солдат и офицеров наступающей армии к войне с применением ядерного оружия, то есть в условиях высокой радиации. Неважно, что, как ни предохраняйся, всё равно каждый получит свою дозу, которая, скорее всего, сведёт его в могилу – если не сразу, то постепенно. Важно выполнить приказ сидящих в укрытиях генералов по захвату чужой территории. А солдат рассуждать не должен – это всего лишь «пушечное мясо».

Нас сносно кормили, почти не утруждали занятиями, и большую часть времени мы были предоставлены сами себе: играли в волейбол, в шахматы и кто во что горазд. Один раз дали пострелять из пистолета по мишеням, и это – увлекательное занятие. Но в увольнение не пускали. Экскурсию в город Таллин для нас организовали лишь однажды. Мы посетили некоторые исторические места и архитектурные памятники. Однако местные магазины, а также бары, ресторанчики и другие подобные им памятники и музеи нашим сопровождающим начальством были проигнорированы. И нам даже не позволили вкусить чего-либо из национальной кухни этого вежливого прибалтийского народа – эстонцев. Словом, наши ожидания остались невостреванными.

За это на обратном пути в дивизион, сидя в кузове грузовика, мы горланили песни сомнительного свойства, причём роль запевалы, как хористу со стажем, была поручена мне. Например, объявляется по заявкам слушателей старинная студенческая песня «про бананы». Миша запевает, а хор подхватывает:

Эге-ге-гей, Сюзанна,
Наша жизнь полна химер,
Целый день стоит бананом
Наш выдавший виды... «сквер»,
Эге-ге-гей, Сюзанна,
Мы выходим из игры,
Скоро лопнут от натуги
Наши ветхие штаны.

Машину заносило на поворотах, и добропорядочные эстонцы шархались в стороны от шоссе.

В последние две недели перед окончанием сборов нам наконец придумали занятие: отремонтировать какой-то сарай. До обеда мы работали, а после отлынивали от работы, лёжа в шинелях прямо на земле, благо было тепло и сухо. Однажды вместо этого я с «судостроителем» Марком Вайнбергом забрался на чердак этого сарая, и мы устроили между собой шахматный турнир из одной партии. У него был первый разряд по шахматам, у меня же не было никакого, но играл я в силу третьего, максимум – второго разряда. Правда, в десятом классе я стал чемпионом школы по шахматам и в качестве приза выиграл шахматы. Но это была всего-навсего сельская школа. Для выравнивания шансов Марк сказал, что будет играть со мной вслепую, отвернувшись от доски, а я ему зачитывал свои ходы и переставлял на доске фигуры. Он так продержался до сорокового хода, после чего просмотрел позицию, потерял пешку и в итоге проиграл.

Этот Вайнберг обладал «умным еврейским лицом»: высокий выпуклый лоб, обрамлённый чёрными кудрями; внимательные серые глаза щурились из-за очков. Был он высок ростом – на полголовы выше меня. И его лицо не вводило в заблуждение: он действительно был умён, находчив и изобретателен. Ни один студенческий капустник, конкурсный вечер судфака не прошёл без его участия. После окончания института я встретил его лишь однажды: с какой-то молодой дамой, возможно, женой, он посе-

тил наш завод и конструкторский отдел: в частности, наше бюро прочности.

Он работал в КБ Миля начальником отдела прочности. Когда в девяностые годы в стране разразился экономический кризис и прежнее руководство КБ, не справившись с проблемами, ушло в отставку, коллектив избрал его на должность главного конструктора. Пребывая в этой должности, он приложил все силы, чтобы вытащить КБ и производство вертолётов из состояния коллапса и сохранить кадры. Но его сил хватило лишь на два года. Не дожив до шестидесяти, он умер от инфаркта. Утром рокового дня у него случился сердечный приступ; вместе с женой на машине скорой помощи его повезли в больницу, где он и скончался – буквально на ступеньках отделения больницы. Мы – бывшие студенты судфака – приезжали из Коломны на похороны Марка. Хоронили с воинскими почестями, и в небе над кладбищем барражировал вертолёт с его портретом.

Как-то дня за два до окончания сборов я внезапно почувствовал боль в левой ноге, скорее неврологического характера. Она распространялась от щиколотки до ягодицы и носила характер происходящих время от времени прострелов. Я тут же вспомнил, что полтора месяца назад был укушен в эту ногу собакой – злобной тварью, когда на спуске с перевала в осетинском селе в нашу честь устроили застолье. Это была соседская собака, которая подловила меня после омовения у ручья. И, естественно, я вспомнил про болезнь «бешенство», о которой ещё школьником читал в книге «Клиника внутренних болезней» из материнской медицинской библиотеки. Болезнь эта смертельная. Во всей истории медицины, насколько я запомнил, было описано лишь два случая, когда пациент выжил. И даже эти случаи ставились под сомнение.

Течение болезни таково. Продромальный период, длящийся несколько дней до манифестации основного синдрома болезни, начинается с тянущих болей по ходу нерва от места укуса. К этому присоединяется подавленное, тревожное настроение

пациента, часто бессонница, и далее – повышенное слюноотделение. Основной синдром бешенства, или водобоязни, заключается в неспособности больного из-за спазмов мышц гортани проглотить какую-либо жидкость и даже собственную слюну, которую он из-за этого вынужден постоянно сплёвывать. Далее присоединяются судороги, возникающие при малейшем раздражении и даже при дуновении ветра. Иногда у больных бывают приступы буйства. Но чаще всего они вполне адекватны, а дети – даже ласковы. Затем наступает непродолжительный период стихания симптомов болезни, появляется надежда на выздоровление. Но вслед за тем начинается стадия параличей, и больной погибает от остановки дыхания и паралича сердца. Вскрытие являет картину энцефалита и отёка мозга.

Эта болезнь весьма распространена в природе, ею страдают многие теплокровные животные и даже – насколько мне известно – летучие мыши. Звери перестают бояться людей и становятся агрессивны. Они могут наброситься на любого встречного и покусать его. Ужасную картину являет собой бешеная собака: мутный взгляд, сиплый лай, пена изо рта и немотивированная агрессивность, которые могут привести в трепет любого встречного. И как же трудно от неё увернуться! Укушенный бешеным животным человек становится носителем вируса. Он распространяется по ходу нерва от места укуса до головного мозга, в котором размножается, вызывая эту страшную болезнь. Уже за неделю до её начала в слюне больного появляется вирус. А инкубационный период от момента заражения до начала болезни, в зависимости от места проникновения инфекции, может длиться от десяти дней до нескольких месяцев, иногда до года.

Единственным спасением после укуса бешеным животным является специфическая вакцина, представляющая собой взвесь ослабленного вируса бешенства. Вакцину в течение продолжительного времени – до сорока уколов – вводят в подкожную клетчатку живота один раз в сутки. При этом у пациента вырабатывается иммунитет на этот вирус до того момента, когда он

проникнет в головной мозг. Выработанные иммунной системой антитела подавят вирус бешенства.

Как могла заразиться эта собака? – очень просто: от контакта с любым бешеным животным, с которым она ранее могла встретиться. Ещё не появились явные признаки болезни, но она уже стала опасна для окружающих.

Все эти знания сконцентрировались в моём мозгу, и я первым делом отправился к дивизионному фельдшеру изложить свои обстоятельства. Он внимательно выслушал меня и сказал, что у него есть антирабическая вакцина и он предлагает начать делать уколы. На самом деле эти уколы – мёртвому припарка, так как уже поздно. Если вирус настолько распространился в моём организме, что начались продромальные явления, то вакцина не поможет, ибо уже не остаётся времени для выработки иммунитета. Но бездействие хуже всякого, даже бесполезного, действия. В дивизионе мне успели сделать два укола вакциной. Третий мне сделали по прибытии в Ленинград на железнодорожном вокзале. А в Ленинграде я был приглашён в гости к Толе Колотиллову – отказаться было неудобно. Я у них выпил чаю и, не мешкая, поехал на Московский вокзал, купил билет на вечерний поезд в Москву.

Я всё время прислушивался к своим болевым ощущениям, не теряя смутной надежды на то, что всё это – плод моей неуёмной фантазии и начального медицинского образования, будь оно неладно. Но прострелы в левой ноге периодически возобновлялись, хотя не сказать, чтобы усиливались. В вагоне я лёг на верхнюю полку и пытался заснуть. Но стоило мне забыться минут на пять, как перед глазами вспыхивал огонь – как будто бы кто-то чиркнул спичкой, – и я просыпался. Были и короткие кошмарные сновидения, и я опять просыпался. Наконец, я стал ощущать повышенное слюноотделение, хотя спазмов, как при бешенстве, ещё не было.

Итак, я опять влип в историю, но теперь уже, по-видимому, в последний раз. Было ли мне жаль себя? – нисколько. Просто было досадно, что я закончу свои дни так бездарно, да ещё

напугаю окружающих. Под окружающими, конечно же, я понимал мою многострадальную – в том числе и из-за моих вечных приключений – мать. Она это не переживёт. Помню ещё, что мне представлялось, как на нашей институтской доске объявлений появится моя фотография, под ней короткий некролог. И как подойдут к доске две студентки какого-то факультета и одна из них скажет подруге:

– Да это же Миша Корабельников! А я его знала: он пел в нашем хоре. Очень жаль, интересный был парень. Как ему не повезло!

Впрочем, я не очень-то рассчитывал на чьё-либо сожаление по поводу моей кончины, и что кого-то это может опечалить. Бесконечно далёкими мне теперь виделась и та девушка в вагоне поезда на Кавказ, с которой могло что-то завязаться, но по моей вине не завязалось, да и весь этот поход в горы. Был только я и надвигающаяся на меня смертельная болезнь.

Домой я прибыл где-то к обеду. Едва взглянув на меня, мать потребовала выложить всё начистоту: что случилось? Она безошибочно угадывала все мои настроения. Мне пришлось ей во всём признаться, и я почувствовал облегчение – теперь часть моей беды она взяла на себя. Мать тут же позвонила в райздравотдел в Раменское, и вот мы уже едем туда на автобусе. Там меня приняли и после беглого врачебного осмотра позвонили в МОНИКИ. Получив из клинического института директиву: «Приезжайте немедленно», – мы тут же с матерью едем в Москву. В МОНИКИ в какой-то лаборатории меня осматривали две средних лет женщины, проверяли неврологический статус. Мне налили ванну воды и велели вымыться, а затем тут же голого осмотрели. И одна из этих женщин сказала: «Мальчик здоров», – но другая что-то шепнула ей на ухо.

В итоге было принято решение ввести мне антирабический гамма-глобулин. У них в институте была опытная партия этой сыворотки, ещё не опробованная на пациентах. Её назначение – затормозить развитие болезни, пока в организме больного не выработается естественный иммунитет. В моём случае

это поздновато, но можно попробовать. Уже поздно вечером мне ввели в ягодицу пол-литра этой сыворотки, и ночь я провёл, лежа на животе. Утром, поскольку я ещё не сбесился, нам было предложено ехать домой и, если что случится, звонить им немедленно. Кроме того, необходимо дать запрос этим осетинам по поводу здоровья соседской собаки. Мать посылает им такую телеграмму и через день получает ответ: «Собака здорова». Мать шлёт им ещё одну телеграмму с выражением глубокой признательности и о том, что теперь она – их друг.

Вскоре после этого выздоровел и я. Что же произошло на самом деле? Отлынивая от работы в химдивизионе и лёжа в шинели на земле, я застудил седалищный нерв – именно на ногу, укушенной собакой. А так как с неврологией подобного рода я ещё знаком не был, то вообразил себе, что её причиной может быть бешенство. А что же ещё? Причиной кошмарных сновидений и слюнотечения, появившихся у меня ночью на поезде в Москву, мог быть и реальный вирус бешенства, хоть и ослабленный, ранее троекратно введённый мне с вакциной. Ошибся я и в том, что ни одна девушка обо мне не опечалится. Мать рассказала, что какая-то незнакомая мне медсестричка в Речицкой больнице, каким-то образом узнав о моих проблемах, очень за меня переживала и приставала к матери с вопросами о моём здоровье.

г. Москва

РЯДОМ С ВОЙНОЙ

Моей сестре Зое. Воспоминание из далёкого прошлого о тяжкой дороге из Сибири в Коломну.

Вот уже и третья глубокая осень вошла в свои права, а война с фашистами продолжается, гибнут люди, много слёз и горя.

У нас в Коломне тоже хмуро, но заводы работают день и ночь. Люди трудятся много, помогая фронту победить врага. Несколько дней назад приехал Сергей, Зоин муж, с Дальнего Востока. Он тяжело болен, получил направление в московский госпиталь.

Сергей очень переживает за свою семью, которая сейчас живёт в Сибири, куда семью с детьми эвакуировали на время войны. Сергей хлопочет о получении разрешения на переезд его семьи в Московскую область.

Сегодня он вернулся из Москвы довольный успехом. Наконец-то ему удалось добиться разрешения от высшего военного начальства. Но он опять в заботе – отправлять такие документы по почте опасно, да и Зое с двумя детьми и вещами в дороге будет очень тяжело. Танечке только третий год, а Аркаше пятый. Выбора нет, Сергей просит меня поехать, и я соглашаюсь.

На следующий день, зная, что в Томске есть инструментальный завод, упрашиваю своё начальство на заводе направить меня в командировку в Сибирь для срочной пересылки нужного нашему заводу инструмента. Меня поняли и пошли навстречу, командировку я оформила.

Мысли мои сразу получили другое направление – Сибирь холодная, дело идёт к зиме, что надеть на себя? На голову? На ноги?.. Выбор мал, а времени на размышление ещё меньше. Но дома родители решили сами, во что мне одеться, и я согласилась.

Наташа, ей шёл седьмой год, молча смотрела, как я складываю необходимые вещи в маленький чемоданчик, а в сумку (через плечо) – гостинцы для детей от всех родственников.

В общем молчании посидели на дороге, а в испуганных глазах один вопрос: какая холодная даль и как всё будет?

На Казанском вокзале у поезда Москва – Новосибирск мы с Серёжей попрощались, пожелав друг другу удачи. Он отправился в госпиталь, а я в Сибирь.

В Новосибирск поезд прибыл 4 ноября. Трудно было разглядеть огромное здание вокзала с платформой вечером, но ещё в поезде попутчики говорили, что этот вокзал построили перед самой войной и он считается самым большим и лучшим вокзалом в нашей стране. Когда вместе с массой людей я вошла в зал ожидания, мне стало страшно. Огромный зал был переполнен народом. Трудно было понять сразу, что происходит, почему человек так хлопотливо и беспокойно ищет и устраивает себе место на полу, будто он собирается здесь долго жить. Разглядев внимательнее людей и обстановку, которая царила в зале, я поняла, что люди не готовы были к такой беде. Вынужденная пересадка в Новосибирске собрала на вокзале огромную массу людей, и теперь транзитные пассажиры с детьми, семьями неделями живут на грязном полу вокзала, ожидая посадки (порой, не дождавшись, умирали от голода и болезней).

Пробежала глазами по стенам здания, и мне попала на глаза вывеска «Гостиница». Пробиралась с трудом между спящими, сидящими с грустными страдающими лицами, разных возрастов. Добравшись до очереди, узнала, что первый у двери стоит уже неделю – мест нет. Мужчина, за которым я стояла, взглянув на меня, спросил, есть ли у меня родители (мне было тогда 27 лет) и кто они, если позволили мне такое путешествие.

Ночь я простояла в очереди, довольная тем, что лежащих рядом не было и можно было походить туда-сюда. Утром я отправилась искать контору, указанную в командировке, где я должна была отметить день приезда и другие формальности для отъезда в Томск. Контору я нашла, но отметить и оформить документы не удалось, зато посчастливилось там пообедать, чему я была очень рада. Начальство прибыло после обеда, документы я оформила и поспешила обратно на вокзал.

Вечерело быстро. Беспokoилась за дальнейшую дорогу, спешила к пригородным поездам. Мороз крепчал, на улицах людей было мало, ноги замёрзли, а автобуса всё не было. Но вдруг прекрасное зрелище заставило меня вскрикнуть от восторга. Я подняла глаза и увидела на фоне ярко-синего неба красивые изогнутые ветви. Это было высоченное дерево, которое раскинуло свою красивую крону, казалось, у самого неба. Ветви были покрыты пышным снегом и инеем, и всё было озарено розовыми лучами заходящего солнца, сверкало и переливалось. Люди, стоявшие на остановке, смотрели в мою сторону молча, наверное, я выглядела глуповато.

Вскоре подошёл автобус, прибыли на вокзал. Ног своих я не чувствовала, а когда стали отходить, слёзы пришлось и вытирать, и глотать. Но плакать долго не пришлось. По радио объявили, что на местные поезда пассажирам нужно проходить через тоннель. До отправления поездов оставался один час, а у меня нет билета на Тогучин и касса закрыта. Народ двинулся, и я решила пойти за ним. Это был широкий тоннель, освещённый редкими фонарями, у стен которого стояли, сидели на вещах и даже лежали люди. Смотреть на них было грустно, да и у меня состояние было очень тревожное: смогу ли я сесть в поезд?

Вот тут случилось первое чудо. Я шла ближе к правой стене тоннеля, там было светлее. Вдруг, своим глазам не веря, я увидела знакомое лицо в группе молодых парней. Я обрадовалась, улыбнулась молодому человеку и пошла в его сторону. Он понял, что я улыбаюсь именно ему, и отошёл от ребят. Он, конечно, думал, что я ошиблась, приняла его за своего знакомого. Я сказала о причине моей радости: что он очень похож на моего брата Сашу, который сейчас на фронте. Мы разговорились, и я поведала ему о своей беде: нет билета, а ехать нужно обязательно, и именно сегодня. Я не уложусь в командировочные сроки, а главное – мне надо найти деревню Мокрушино.

Парень был удивлён моему рискованному путешествию и, успокаивая, сказал, что он и его товарищи помогут мне доехать до Тогучина. Их поезд там останавливается, а они едут

дальше. Он отдаст мне свой билет, а друзья при посадке ему передадут.

Посадка началась, я прошла в вагон. Товарищ сумел передать моему новому знакомому билет. Пока мы ехали, ночью опять была проверка билетов, в вагоне было темно и тесно, поэтому передать билет было ещё проще. Около четырёх часов утра мы приехали в Тогучин. С большой благодарностью я попрощалась с хорошими ребятами, а мой спаситель крикнул мне: «Прощай, сестра! Дай Бог тебе найти деревню Мокрушино. Рад был встрече с тобой!» Мне было грустно оставаться одной, но оказалось, что с поезда сошли ещё три женщины и один мужчина. На мой вопрос, как мне добраться до деревни Мокрушино, никто не мог ответить, даже начальник вокзала не знал о ней. Она была где-то в глубине тайги. Накануне в степи была сильная пурга, и теперь степь сияла белизной.

Женщины пошли в свои деревни и посоветовали мне идти вместе с ними, уверяя, что в других направлениях деревень вообще нет. Я пошла вместе с ними. Пройдя около пятнадцати километров вместе, женщины стали прощаться и разошлись в разные стороны, а мне показали узенькую полосочку тайги на горизонте. В этом крае очень мало деревень, и они слишком далеко друг от друга.

Утро было удивительно тихое, небо чистое, и солнышко собиралось показаться на горизонте. Степь была совершенно гладкая, и моим глазам не удалось увидеть ни единого дерева и приметного бугорка – ничего, кроме тракта – сбоку, в семидесяти метрах от меня. В царское время – а может быть, и сейчас – по таким трактам перегоняли каторжников. Вдоль всего тракта нечасто стояли столбы, как ориентиры, чтобы не сбиться с пути во время пурги. Дорога вела в тайгу. Прощаясь, женщины предупредили меня, что тайга суровая, а сейчас ещё много дезертиров и голодного зверя.

Осталась я одна в этом белом безмолвии. То иду, то бегу на восток по целине, укорачивая путь, навстречу восходящему солнцу. Оно взошло, яркое, доброе, и сразу я обратилась к нему

с мольбой, как к единственному другу: «Не оставляй меня в степи!» Просила не уходить с неба, пока я не дойду до тайги.

Наступил полдень, полоса тайги стала казаться шире, и стала видна впадина, куда опускалась тайга с двух сторон. Я подумала, что, возможно, там река, а где река, там и люди. Дай Бог! Увлечённая целью, я смотрела только вперёд на тайгу, как на тайну, лелея надежду найти людей, – и не заметила, как ко мне с левой стороны приблизился большой зверь. Я испугалась, но не закричала, а замерла на месте. Молча сняла с плеча свой груз и поставила перед собой, искоса наблюдая за зверем. Он был в пяти-шести метрах от меня и пристально смотрел. Мелькнула мысль, что никто и никогда не узнает, где я погибла. Зоя не знает, что я к ней еду, а родные не знают, каким путём я добираюсь к ней. Так мы молча стояли, смотря друг на друга.

Зверь повернулся ко мне боком и направился в тайгу – тут я и увидела, что это была лиса с пушистым хвостом. Как же я обрадовалась! – и одновременно подумала, что в тайге звери могут быть и пострашнее. Потом опять стала умолять солнышко, чтобы оно не покидало меня, пока я не добреду до тайги.

Вечерело, Солнце посылало последние угасающие лучи, а тайга своим грозным шумом известила, что она рядом. Для себя я решила: в тайгу не входить до утра, ношу не снимать с плеча, с ней будет теплее. Было очень страшно. Но тут случилось второе чудо. В нескольких шагах от меня из тайги выскочила девочка лет десяти. Увидев меня, она испугалась и кинулась обратно в тайгу. Позже я узнала, что она приняла меня за старика из снега. Сначала я оторопела, но потом стала звать её: «Девочка, не бойся, я просто тётя!» – кричала я. Она, остерегаясь, вернулась.

Я спросила про деревню Мокрушино и вдруг услышала, что девочка живёт как раз в этой деревне – здесь, за этой рекой, и она уже замёрзла. Я стояла и плакала от счастья. А когда крикнула ей, что ищу свою сестру Зою и её детей Аркашу и Таню, на бегу девочка крикнула, что она их няня, а Зоя сейчас пошла к сапожнику, ботинки подбивать, ведь завтра праздник 7 ноября и в сельсовете будет праздничный вечер.

Я сняла с плеча ношу, поставила на снег и стала двигать её ногами как могла по следам девочки вниз к реке. Река была неширокая, замёрзшая, а у проруби брали воду три женщины. Когда мои вещи поползли вниз к реке, женщины помогли мне спуститься и подняться на другой берег. Они решили отвести меня в сельсовет.

Здание сельсовета было не так давно построено, имело вид служебной конторы городского типа, а вот лестница с широким крыльцом выглядела как-то особенно весело. Всё было чисто вымыто, как и широкие скамейки на крыльце, на котором сидели весёлые девушки и щёлкали орехи. Я никак не могла подняться на крыльцо, ноги были как деревянные, девушки увидели это и помогли мне. Удивлённые моим видом, они примолкли и открыли дверь. Светлая большая комната для проведения колхозных собраний тоже была чисто вымыта и по-праздничному убрана. Высокая печь, встроенная в стену, топилась из другой комнаты, а в эту, большую, выходила задняя её стена, тёплая, покрашенная белой известью. К этой стене меня и усадили.

Сильно болели ноги. Хотелось закрыть глаза, а потом открыть и убедиться, что всё это не сон. В это время я услышала голос Зои. Она, видимо, бежала и кричала: «Этого не может быть! Моя сестра не может приехать!» Открылась дверь. Вбежала Зоя, посмотрела на меня и горько заплакала: «Это не моя сестра, зачем меня обманули...» Я поспешила её успокоить, говорила: «Зоя, Зоя, это я, Лида, твоя сестра». Тогда мы обнялись и разрыдались, уже от радости. Конечно, меня трудно было узнать с таким тёмным лицом, сильно похудевшую и измученную.

Зоя поспешила скорее отвести меня домой, мне тоже не терпелось увидеть Аркашу и Танечку, но встать на ноги я не могла. Мои бедные ноги распухли так, что пришлось разрезать шубенки, чтобы их освободить, но даже из разрезанных мы их вытащили с большим трудом. Стопы ног были стёрты в кровь. Мы думали, как добраться до Зоино дома, а помог нам старенький бухгалтер. Он отыскал где-то старые валенки со срезанным

верхом. И мы с грехом пополам, держась за заборы, добрались до дома.

Хозяйка дома, где жила Зоя с детьми, была молодой доброй женщиной. Ожидая нас, она уже затопила баню. Сил у меня совсем не осталось, так что Зое пришлось меня мыть, да и хозяйке досталось. Мыли меня каким-то щёлоком, который никак не смывался, уж очень мылкий. Было удивительное явление – баня с моим приходом наполнилась плотным белым туманом и он оставался там до нашего ухода. Мы решили, что исходит он от меня. Сибиряки из таких дворовых бань обычно бегут босыми – так сказала хозяйка, а я как могла повисла на плечах двух добрых женщин, которым пришлось нести меня через двор и положить на Зоину кровать. Для меня наступило счастливое блаженство, о чём я даже и мечтать не могла в этот день ранним утром.

Наконец-то мы собрались все вместе. Аркаша и Танечка рассматривали меня, такую ещё не совсем сухую после мытья, худую, страшноватую – тётю Лиду. Я же с большим интересом рассматривала детей. Аркаша хорошо подрос, я его видела раньше совсем маленького, а теперь на меня смотрел очень симпатичный мальчик с серьёзным, ожидающим чего-то очень важного, взглядом. Танечка – такая тоненькая, худенькая, невысокая, ротик маленький-маленький, носик кнопочкой, а глазки как у японочки – всё как у куколки.

Вопросам и рассказам не было конца. Зоя кормила нас, а чай пили с коломенскими гостинцами. Обсуждали главную задачу: как вернуться домой. Аркаша не отходил от меня и всё повторял: «Хочу к папе» и «Когда поедем?». В то время Аркаше было около четырёх лет, а Тане шёл третий годик. Эта ночь была для всех очень беспокойной. Спали валетиком, было тепло и уютно.

Утром встали с праздничным настроением – 7 ноября. Зоя сказала, что я должна обязательно пойти с ней на праздник в сельсовет, как московский гость. Когда мы добрались до сельсовета, открыли дверь, стало ясно, что мы немножко задержали начало. На чисто вымытых столах уже лежала заку-

ска, да на самом деле такую закуску в виде телячьей ножки или огромного куска грудинки и не положишь на тарелки. В разных больших чарках налита ароматная медовуха, и прямо на столе лежали свежее испечённые хлебушки, булочки. После короткого поздравительного выступления председателя колхоза и тоста все повеселели от медовухи и принялись за закуску. Я видела, как один дядечка взял телячью ножку двумя руками и ловко разломил её на две части о свою коленку. Пили, конечно, все, и закусывали тоже. Мне удалось избежать большой чарки медовухи – наверное, пожалели гостя. Но, как правило, праздники эти у них всегда заканчиваются серьёзными драками на улице – чтобы было что вспомнить, так они считают. Поэтому мы постарались уйти пораньше. Хотелось ещё о многом поговорить и отдохнуть дома.

Зоя уже сказала, что нахожусь в командировке и должна как можно скорее поехать на завод в Томск. Что поделывать, иначе я вовсе не смогла бы приехать за ними. В военное время дисциплина для всех работающих очень строгая.

Зоя начала собирать меня в дорогу. Главной проблемой была обувь. Разрезанные шубенки совсем негодны, и я надела Зоины сапоги. Они были на размер меньше, но другого ничего не было. Зоя договорилась, что из деревни меня захватит попутный транспорт до Новосибирска, а когда я буду возвращаться после Томска в деревню, он же меня захватит обратно, и дала мне адрес, где я могу его найти. На четвёртый день моей жизни в деревне я уже садилась в телегу до Новосибирска. До Томска билет я купила быстро и уже вечером садилась в поезд.

Моей соседкой оказалась молодая интересная женщина. Она тоже ехала в Томск. Мы разговорились, она стала расспрашивать, что за нужда заставила меня ехать в Сибирь. Когда выслушала, примолкла, не решаясь мне что-то сказать. Утром сказала – и это было страшное известие, – из Томска обратно в Новосибирск поездов нет. Я страшно расстроилась, она старалась меня успокоить. Предложила мне вместе с ней зайти к начальнику вокзала. Они знакомы – и, может быть, что-то получится.

Дверь кабинета была закрыта, из-за неё доносился громкий голос, бранящий начальника и власти. Скоро дверь открылась, и оттуда выбежал мужчина лет сорока, проклиная всех на свете. Моя знакомая вошла в кабинет и довольно долго там пробыла. Затем она пригласила меня зайти.

Начальником вокзала была женщина в военной форме, со строгим лицом. Она внимательно посмотрела на меня и быстро с нами попрощалась. Я была в большой тревоге, спутница старалась меня успокоить, но не очень твёрдо: может быть, что-то и получится. Условие было таково: как только я сделаю все свои дела на заводе, каждую ночь я должна приходиться на платформу вокзала после двенадцати часов и быть там не менее двух часов. В такие часы иногда проходят санитарные поезда в Новосибирск. Она питала надежду посадить в такой поезд меня.

Моя добрая попутчица предложила приютить меня на ночлег к одной бабушке, домик которой был недалеко от вокзала. Жила бабушка с маленькой сироткой. Я должна была, если она позволит у неё ночевать, поделиться своей рабочей хлебной карточкой. Я очень обрадовалась, а моя благодетельница заторопилась по своим делам. От всего сердца я благодарил её за доброе участие и помощь в моих бедах и ещё раз убедилась, что в мире много добрых людей.

Теперь мне нужно было торопиться в город и искать завод, приступать к командировочным делам и как можно скорее выполнить задание. Дорогу в сторону города мне показали, и скоро я очутилась в небольшой кедровой роще. Сама роща не очень большая, а вот кедры были огромные. Хотя в детстве орехи мы грызли часто, но деревья я видела впервые. Роща закончилась, и я вдруг оказалась на большой высоте, а город – внизу и будто в тумане. Только потом я узнала, что город стоит на нескольких холмах.

На завод я шла пешком. Смотреть на достопримечательности было некогда. Я торопилась покончить с делами на заводе, а мысли об обратной дороге не давали покоя. Люди встречались

очень редко, город казался скучным, хотя не так далеко от дороги я увидела университет и гостиницу.

В первый день на заводе я пробыла долго, устала, да и ноги меня очень беспокоили. Мороз крепчал, и я решила устроиться в гостинице. Мне не повезло: мест не было. Уставшая, голодная и огорчённая, я свалилась в кресло в вестибюле, идти было некуда, и ноги меня не слушались. В это время открылась дверь и вошёл ещё один гость – мужчина лет пятидесяти. Он тоже был озадачен отказом. Видимо, заметив моё состояние, он подошёл и тихо сказал:

– Не переживайте, я здесь уже был и найду место и себе, и вам, – и совсем тихо добавил: – Следите, как только дежурная куда-нибудь уйдёт, вставайте и идите за мной, в служебном помещении есть артистическая уборная, где стоит чёрный диван, и вы прекрасно на нём устроитесь, а за декорацией найдёте умывальник.

Я действительно хорошо выспалась. Утром в буфете выпила чашку горячего сладкого чая и пошла на завод. По дороге я думала о добрых людях, которые помогали мне в трудные моменты, и немного потеплело на душе.

За два дня на заводе мне удалось подобрать нужный инструмент, а на третий день он был упакован и отправлен на железную дорогу. Это была большая удача. К бабушке я попала к вечеру на второй день. Она меня уже ждала. Видно, моя добрая знакомая уже здесь побывала. Теперь я имела ночлег, чашку чая и маленький кусочек хлеба.

С неделю я ходила по платформе безрезультатно. И вот настала ночь, когда поезд под парами подходил к вокзалу. Я шла по платформе и вдруг за спиной услышала женский голос:

– Подойдите ко второму вагону, постучите и скажите: «Откройте дверь по приказу начальника вокзала».

Поезд встал, я сделала всё как велел голос, однако дверь не открылась, а изнутри послышалась брань мужика. Но я тут же услышала тот же голос, и теперь он уже звучал грозно. Дверь открылась, и я вошла в вагон.

Проводника в вагоне не было, и раненых тоже не было. Вагон был оборудован специально для тяжелораненых, в нём было тепло и сильно пахло лекарствами. На глаза мне попалась маленькая багажная полочка над последним окном вагона, почти у выхода. Долго не раздумывая, я забралась на эту полочку, под голову положила свой маленький чемоданчик, подобрала под себя подол пальто и сразу же уснула, свернувшись в калачик.

Не знаю, сколько времени я проспала, но проснулась в ужасе от стонов раненых и жуткого запаха. И сразу же накатило страх: если кто меня увидит, что мне тогда делать? Я осторожно спустилась и сразу же услышала стоны с просьбой: дайте пить. Я поспешила подать воды тому, кто просил, не зная, правильно ли я делаю. Медсестёр в вагоне не было, и я очень боялась их появления. Меня трясло от страха, от запаха крови и лекарств тошнило. Страшно изуродованные, но живые люди, просящие помощи, а медиков нет. Становилось жутко.

Слава Богу, за окнами стало светлеть. Приближалось утро. Чистейший белый снег помогал рассвету. Скоро стало видно постройки, – судя по ним, город приближался. Каждую минуту могли войти санитары готовить раненых к пересадке. Поезд замедлил ход и встал. Это был Новосибирск. Поезд остановился далеко от вокзала – видимо, так было нужно. Я быстро открыла дверь и спустилась на землю. Почти бегом заспешила по тоннелю, на этот раз он показался ещё страшнее. Когда я открыла тяжёлую дверь и зал ожидания остался за ней, я почувствовала себя на свободе, сама себе не веря...

Теперь нужно было по данному мне адресу найти человека, с которым поеду в деревню Мокрушино, где давно меня ждут. Дом я нашла, но человека в этот день не было. А на следующий день мы с ним уже ехали в деревню. По дороге он мне рассказал, как переживает сестра такую долгую задержку, и другие женщины в деревне, – и строят разные догадки. Хорошо, что всё закончилось благополучно. И опять надо сказать спасибо добрым людям, что помогли.

Увидев меня, Зоя сильно обрадовалась. Собрались мы быстро, вещей было не очень много. Дали нам лошадёнку и малолетнего извозчика. Они стояли друг друга – обессиленные, явно не ели дня два, а тут ещё дорога, такая длинная и с грузом, да ещё зима. На возу было двое детей, два чемодана и тюк с постелью. Всю дорогу мы опасались, что лошадь вдруг встанет или, хуже того, ляжет прямо на дорогу.

Когда мы отъехали от деревни совсем немного, Зоя мне сказала, чтобы я не удивлялась тому, что увижу. Справа от дороги располагался земляной холмик, совсем небольшой. На холмике с правой стороны – небольшое отверстие, в которое вставлено стёклышко. Через него на нас тарацились два детских глаза. Зоя пояснила, что этот ребёнок обречён смотреть только на эту дорогу. Так решили его родители, так жили и его предки. Менять он жизнь свою не собирался, дети в школах не учились, люди жили в землянках, так проще. Ленивая, тёмная, безрадостная жизнь их устраивала, а о детях не думали. Слава Богу, подумала я, что бывает лето и тогда дети уже наверняка выползают на солнышко. Очень неприятный осадок остался в душе от увиденного кусочка прошлого.

Долго мы плелись со своим возом, но наконец добрались до Тогучина. На станции мы смогли оформить билеты до Москвы с пересадкой в Новосибирске только на завтрашний день, на сегодня билетов уже не было. У меня заканчивалась командировка, и я обязана была её немедленно продлить в новосибирской конторе. Для этого я должна выехать туда сегодня, но Зое завтра будет очень трудно при посадке с детьми и вещами. По закону военного времени я уже считалась дезертиром трудового фронта. Меня могут снять с поезда и отправить на работу куда угодно. Зоя расстроена, но я не могу поступить иначе и уезжаю.

На другой день я встречаю их поезд в Новосибирске. У меня теперь есть законный документ и хлебная карточка сохранилась. В зале ожидания, с которым уже дважды была знакома, мы должны были найти себе место, где расположиться, а потом

быстрее искать нужную кассу и прокомпостировать билеты. Мы думали, что нас не могут долго задерживать с пересадкой, поскольку у Зои есть разрешение высшего военного командования. Но на самом деле всё обстояло иначе, не это было главным... Там работали настоящие дельцы, имея связи с кассами, с выгодой обеспечивая состоятельных пассажиров билетами. Были и другие дельцы, которые овладели обстановкой и обманывали доверчивых людей. Многие готовы были отдать последнее, лишь бы спасти детей и выбраться из этого безнадёжного людского загона. Зоя отдавала всё, что могла, потом мы сильно жалели.

Большие страдания приблизились к нам вплотную. Новосибирский вокзал был пересадочным центром, его нельзя было миновать пассажирским поездам разных направлений. Люди на вокзале представляли собой многонациональное сборище несчастных. Нам удалось найти и устроить детям место для сна, дежурили днём и ночью по очереди, оберегая их от грязи, воров и заразы. Страшно было уснуть, вору так и сновали, а вещи могли вырвать прямо из рук. Люди умирали от голода, грязи и болезни. У задней стены запасного выхода вокзала мёртвых складывали, как дрова. На морозе они быстро замерзали, а ночью их сжигали.

Каждое утро мы с Зоей по очереди ходили с детьми умываться, причёсываться и всё остальное. Иногда утром я выходила в город, чтобы полученный по карточке хлеб поменять на горячую кашу для детей у какой-нибудь хозяйки из ближайших домов. Также каждое утро нужно было ходить в кассовый зал с множеством окошек, где у каждой кассы стояла огромная очередь. Но, как правило, больше двух-трёх окошек не открывалось, и работали они по два-три часа. Народ возмущался, силы и здоровье у голодных людей уходили, а мысли о безнадёжности приводили всех в отчаяние.

В одно такое утро я пошла в кассовый зал, как всегда. Увидела опять спины людей, ожидающих открытия касс, и мне вдруг показалось, будто людская стена раздвинулась и оттуда мне

навстречу вышел и идёт мой дорогой, мой добрый папа. Я вскрикнула: папа, папа! Протянула к нему руки и упала, потеряв сознание.

Не знаю, как долго продолжалось это моё состояние, но когда я очнулась, услышала разговор людей. Люди предлагали проводить меня до нашего места в зале. Качаясь, я нашла своих сама. Зоя сразу поняла, что что-то случилось. Я ей сказала, что видела папу, и рассказала, как это было. Она сильно за меня перепугалась и предложила мне отдохнуть. Но это было только начало наших бед.

Вот уже неделю, другую сидим на этом вокзале. Мы почти ничего не едим, привыкли к голоду и, кажется, уже не хотим есть. В одно такое утро, когда нужно было идти с детьми умываться, я хотела встать, но ноги не слушались меня, они распухли и не двигались. Мы обе с Зоей заболели в это утро одной болезнью – дистрофией. Затем заболели Таня и Аркаша. Терпению пришёл конец. Зоя решилась на отчаянный шаг. Она взяла все документы, билеты, собрала последние силы, взяла больных детей на руки и пошла к начальнику вокзала. Потом рассказывала: вошла в кабинет, положила на стол больных детей и грозно сказала, что если он сейчас не даст разрешение на срочное компостирование билетов, а дети её сегодня ночью умрут, то она вот этими руками его задушит, ей всё равно. Начальник, видимо, испугался её вида и дал разрешение.

Зоя заспешила в указанную кассу, кассир отметила компостером все билеты, но когда увидела, что прокомпостировала и мой билет, стала возражать, – однако было поздно. Зоя зажала их в кулаке и поспешно ушла. Так она совершила героический поступок и мы были спасены от гибели.

Той же ночью мы садились в поезд Новосибирск – Свердловск, где должна была состояться последняя пересадка на поезд до Москвы. Мы наняли носильщика, так как нести чемоданы не могли. Он обещал посадить нас в вагон ещё до объявления о посадке. Провёл нас окольной дорогой и, действительно, посадил в вагон и быстро ушёл.

Наше купе было последним от входа. В вагоне было тепло и темно, и всем захотелось спать, но нужно было поудобнее разложить вещи. Зоя взглянула на верхнюю полку и вскрикнула с отчаянием. Чемодана в полосатом чехле не было. Носильщик оказался вором. В этом чемодане были все документы и самое необходимое. Зоя заплакала, а в это время на платформе зажгли огни и объявили о посадке. В вагоне тоже стало светло. Я кинулась к выходу и увидела: вдалеке мелькнул полосатый чехол чемодана. Я побежала, крича: «Вор, вор, держите его, он украл чемодан!» Первым пассажиром, входившим в вагон, был офицер. Он схватил «носильщика» и выбросил его из вагона. Я же подхватила чемодан и теперь уже еле-еле поволокла его вдоль прохода к нашему купе. Зоя горько плакала, а когда увидела чемодан, не поверила своим глазам. Радость наша была так велика, что мы обе заплакали. Можно было считать себя счастливыми и теперь спокойно уснуть.

Свердловск замело снегом так, что мы решили с детьми из вокзала в город не выходить. Билеты закомпостировали сразу до Москвы, а поезд только вечером. Около вокзала был магазинчик. Я пошла получить по карточке хлеб. К моему удивлению и радости, там продавали белый хлеб. Я его купила для детей, как гостинец. Но этот гостинец всех огорчил. Танечка и Аркаша не захотели его есть. Они никогда не видели белого хлеба, а поменять его уже было нельзя.

Когда вечером сели в поезд, настроение у всех сразу поднялось. Трудно было поверить, что наши беды уже позади и скоро мы увидим родной дом. И наконец наступил день, когда мы приехали в Москву. Вечерело, когда мы выгрузились из вагона на платформу. Вдруг небо озарил огромный яркий световой шар и рассыпался на множество огней в виде ярких цветных звёздочек, потом ещё и ещё, много-много раз. Аркаша и Танечка радовались чудесному зрелищу. Я им сказала, что это салют и это значит, что наши войска освободили ещё один город от фашистов. А мы с Зоей подумали, что это салют и нам с приездом, за то, что мы выдержали такие жуткие испытания и остались живы. Какое

было чудесное совпадение – именно в те минуты, когда мы вышли на платформу...

Теперь нам осталось доехать только до Коломны и от вокзала до дома пройти по снежным дорожкам до Колёсной улицы, до родного дома, где, наверное, потеряли всякую надежду нас увидеть. В Голутвине мы решили, что Зоя возьмёт детей и пойдёт потихонечку к дому, а я останусь с вещами у вокзала и буду ждать папу с санками. Зоя ушла, стало слышно, как стучит от волнения моё сердце. Не верилось, что мы уже дома, душили слёзы. Ночь была тихая, морозец градусов десять. Свет не зажигали, но от свежего белого снега было светло. Сквозь ночную тишину я услышала лёгкий скрип санок о снег и очень быстрые шаги. Папа спешит, подумала я. Это был он, и слёзы радости вырвались наружу. Я увидела наконец моего заботливого папу. Он действительно бежал, и на глазах у него были слёзы. Мы крепко обнялись с ним, плача от радости. Уложив вещи и привязав их к санкам, поспешили домой. Всю дорогу молчали, глотая слёзы. Дома все были на ногах, и радости не было конца. Дочка Наташа проснулась, встала, подошла ко мне и спросила:

– Мама, ты больше никуда не уедешь?

– Нет, нет, дочка, теперь никуда никогда не поеду! – ответила я, радуясь, что дома и Наташа рядом.

Зоя потом мне рассказала... Когда они подошли к дому, она постучала в дверь, скоро папа открыл и замер от радости, увидев её с детьми, потом стал всматриваться дальше с тревогой в глазах, боясь спросить, где же я, Лидушка, – всё было ясно. Зоя поспешила его успокоить, сказала, что Лидушка осталась с вещами у вокзала и ждёт его с санками. Он успокоился, проводил их в комнаты, а сам – во двор за санками и на вокзал.

Волнения всех закончились.

г. Коломна, Московская область

ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ЖИЗНЬ...

Этюд

*На нашем жизненном пути
только две заданные точки –
рождение и смерть –
дорогу, по которой идти,
выбираем мы сами.*

Луиза Хей

Жизнь прожить – не поле перейти. Да и поле тоже разным бывает. Минное, например. Шаг сделаешь – и глубокая воронка вместо высокой жизни. Знать надо, куда наступить, а всё остальное – случай. Судьба.

Или же целина непаханая. Заблудиться, конечно, не получится, но куда пойдёшь, если до самого горизонта поле бескрайнее. Хорошо, если карта местности с собой. Или навигатор. Ещё лучше – поле засеянное, только-только зеленыя взошли, а ты по ним сапогами. Всё равно что живому на грудь наступить...

Или мы не думаем об этом? Знай шагаем в ритме: жизнь-прожить-не-по-ле-пе-рей-ти...

Наше жизненное поле куда сложнее: тут тебе и воронки сплетен да зависти, разъезженные колеи злобы и целина незнаемая, а ещё люди, что с тобой рядом, кого ты ценишь за опыт или звание, перед кем тянешься в струнку, стремясь угадать и угодить, или мимо кого пройдёшь, не удостоив взглядом. Или те, кого ты любишь (если действительно умеешь любить) просто потому, что они есть, они дороги тебе или память о них. И ты помнишь об этом всегда, даже не отдавая себе отчёта; помнишь интуитивно, немотивированно, потому что ты их продолжение или начало, и без них ты – кукушка бесприютная.

Поле... оно бывает ромашково-васильковое. Идёшь тропинкой, что до тебя кто-то бережно проложил, и дышишь глубоко,

ровно. И вдруг из-под ног вспорхнёт пташка малая: гнёздышко у неё там, среди плотно сросшихся стеблей, а ты и не заметил, наслаждаясь красотой летнего блистательного утра, так похожего на тебя.

Или пшеничное поле: колосья что молодцы, один к одному. А ты стоишь у края этой взволнованной дыханием ветра стихии, стоишь и боишься слово вымолвить перед величием жизни хлебов, что будут кормить тебя. Да разве только тебя?

Или снежное поле, пустынное, холодное, неприступное. А где-то далеко-далеко, словно на другом краю земли, огонёк мерцает: видно, ждут кого-то... Так и жизнь твоя: огромное поле со сменной настроений и времён года. Поле дикое или словно пёстрый ковёр, где так уютно и радостно. Всё зависит от того, что посеял ты – семена добра или злобы. Кому помог и кого приветил...

Сейчас, когда бо льшая часть жизненного поля уже пройдена – благополучно или нет, судить не берусь, но некий опыт всё же обретен и помогает «не наступать на грабли», хотя, впрочем, многое повторяется и выводы напрашиваются сами собой. А профессия невольно накладывает дух менторства. И велик соблазн сослаться на высказывание Великих... Пожалуй, ни к чему. Безусловно, мой опыт не универсален, не панацея. Но бьётся в уголке души робкая надежда: а вдруг пригодится детям или внукам... И столько по-прежнему мыслей и столько идей, что вдруг кольнёт сердце: не успею... а граница поля уже совсем рядом, и назад не повернуть, и не начать сначала. А надо ли?

Надо пройти своё собственное поле, сначала возделав его, знать как себя. Никто, кроме тебя, его не вспашет, никто не уничтожит жестокие мины. Никто... Вот только урожай собирать не тебе. Но пусть будет он славным – поэтому вперёд. И пусть торопливо плывут над тобой облака, пусть сечёт дождь, но надо идти. Надо успеть встретить рассвет над полем...

Моё поле... я шла по нему с отцом. Он держал меня за руку, и было так спокойно, так непонятно радостно. Ромашки щекотали руки; васильки и цикорий, казалось, оторвали лоскутки неба и дарили шёлковые улыбки...

Ещё помню огромное поле, зелёно-жёлтое, манящее. Это поле из сна. Тогда я почти не спала: муж был тяжело болен, прооперирован, дети оставались одни, и тревожные мысли лишали сна. Но, видимо, организм нашёл возможность отдохнуть... Сон был из «быстрых», однако живой аромат того поля помню до сих пор: он противоречил всем больничным запахам, которыми пропиталась не только одежда, но кожа и даже мысли – ничто не спасало... А над полем высоко в кресле-облаке сидел старик в длинной рубахе, освещённый неистово золотым светом, и протягивал ко мне сухие длинные руки. Говорил медленно, глуховато: «Всё будет хорошо». Я проснулась в слезах, но то были тихие слёзы радости...

Поле встреч и расставаний. Огромный аэропорт между Жизнью и Смертью. За прозрачной стеной – те, кто ушёл, оставив нам свои надежды, свои страсти и страдания, свои печали и радости, свой несобранный урожай – своё поле Вечности. И нельзя поливать его слезами – просто надо помнить: жизнь прожить – не поле перейти. А поле бывает разным...

❖❖❖ Екатерина Ксенофонтова ❖❖❖

*г. Коломна, Московская область
16 лет, творческое объединение «Пегасик»*

* * *

*Героев я не ищу — в каждом из нас похоронено
по крайней мере тысяча персонажей.*

Владимир Высоцкий

Сложно быть идеалом для каждого —
Всех восхищать или всех удивлять.
Только нет почему-то желания
Самому что-то выполнить и кем-то стать.

Все хотят от чужого умения
Для себя лишь удачу поймать.
Только нет никакого стремления
Самому горделиво цель жизни понять.

Почему нет желанья исправить
Все ошибки свои, никого не виня?
Почему так легко для забавы
Вдруг обидеть, неправду сказать?

В нашем мире, к маскам привычном,
Очень сложно собою быть.
Проще быть ко всему безразличным
И, как все, по течению плыть.

Трудно тем, кто страдает и любит,
Кто к себе справедлив и другим.
Кто поможет, подскажет, рассудит —
Чтобы против течения плыть.

г. Коломна, Московская область

НАШ ВАСЬ И ПЁС СОСЕДЕЙ

Последние недели лета радуют прекрасной погодой. Солнечные, ясные дни. На упавших сливах полсотни бабочек, столько же кружатся вокруг. Потрясающее зрелище! Бабочки разные, все красивые, необычные для наших мест. Наш кот, разомлев от жары, беспечно лежит на дорожке, на бабочек внимания не обращает. Жарко. Медленно тянутся минуты. Спокойно и хорошо.

Пёсик на нашем участке появился внезапно! Просто пролетел с безумной скоростью по дорожке пушистый клубок размером с кошку, ворвался в самую гущу бабочек и поднял всю стаю разноцветными лепестками над деревьями. Крутнулся на месте раз, другой, кинулся обратно, перескочив через нашего кота, нелепо улетел в кусты смородины.

Щенок! Пушистый вислоухий щенок! Шерстяной комок счастья! Неудержимого счастья!

Выскочил из кустов, закружил вокруг кота! Наш Вась не мог глаза в кучу собрать! Вокруг него виляя, облизывая языком, тыкаясь носом и виляя хвостом, шустрый собачий сын! Кот обернуться не успел, а щенок ему на спину прыгнул, повернулся Вась, а щенок ему уже хвост жуёт. Обалдев от такой наглости, одним прыжком сиганул кот мне на руки. Собакен сразу забарабанил лапами по коленям. Запрыгал на месте, часто дыша, глядя в глаза преданным взглядом. Коту это не понравилось, но, увидев небольшие размеры щенка и оценив его возможности, потянулся вниз, спрыгнул на землю.

Подлетевший щенок получил от кота увесистую оплеуху, помотал головой, отступил на шаг и залился звонким, громким лаем. Не переставая лаять, налетел на обидчика, боднув его в грудь головой. В мгновение отскочил, завертелся и побежал по саду, звеня, как колокольчик, распугивая бабочек, сминая цветы. Не умолкая, ринулся опять на кота, и эта громкая психи-

ческая атака удалась. Вася полез на дерево, но с веток свесился его хвост и щенок на скаку впился в этот хвост зубами! Острыми, как иголки, зубами! Заливистый лай умолк, но теперь затрубил кот!

Выпучив глаза и широко открыв рот, орал он громче, чем в марте! Ещё бы: его хвост грыз, дёргал и тряс непоседливый псин. И кот орал. А вокруг летали и кружились бабочки! Прекрасный вид! Ужасные звуки!

А щенок неистовствовал, играя с подвернувшейся пушистой «верёвкой». Радостно дёргая, грызя, упираясь! Весело и энергично!

Растащили! Кот с рук больше не слезал. Собакен продолжал крутиться и вертеться, но хоть лаять перестал, и на том спасибо.

И откуда взялся в нашем саду этот «энерджайзер»? У соседей таких игрушечных собак нет, и не было никогда. Дома наши сторожат настоящие псы, которые зря не брешут. И чей ты?

Щенок не стоял на месте, крутился, вертелся, преданно глядел в глаза. Вот непоседа!

– Ну, пошли хозяев искать!

Щенок кивнул и побежал к калитке, как будто всегда знал, где она и куда идти надо. Пошли с ним по деревне. В доме напротив дядя Володя с братом окно в доме вставляли. Увидев нас, спросили, что за чудо впереди меня бежит. Щенок рванулся к ним. Но металлические прутья ворот не пропустили его. Передние лапы проскочили, потом застрял.

– Не пройдёт! – сказал дядя Володя. – Толстоват!

Но пёсик сдал назад, присел на дорожке у ворот и облегчился! После чего просто проскользнул между прутьев и носом в колени дяди Володе.

– А он хитёр! И чей такой?

– Сейчас узнаем!

Пошли дальше. Вернее, пошёл я, а этот пушистый ураган полетел, шныряя от одного двора до другого. Из-за угла вышла девушка, пёс увидел или учуял, рванув к ней, взвился

в невероятном кульбите, приземлился ей на грудь и зачистил языком ей по щекам, ушам и носу.

- Ваш?
- Мой! Симба! Нашёлся!
- Ну и хорошо!

Возвращаюсь. Погладил кота, налил ему молока. Но, только Вась сунул нос в миску, рыжая пушистая торпеда вылетела из-под ног, перевернула миску, опрокинула кота! Собака! Опять взвились над дорожкой бабочки! Опять орал благим матом Вась, опять острые иголки зубов расчёсывали всклокоченную шерсть его хвоста. Да что же это такое?

Поймать это животное оказалось непросто! Удержать – вообще невозможно! Ну как уgomонить?

- Симба! Ко мне! Сидеть!

И – чудо! Пёсик присел у ноги, преданно глядя в глаза. Только хвост гулял сам по себе.

- Молодец! Сиди смирно! Дай лапу!

Протянул обе. Ну спасибо! Налил в миску молочка. И тут сверху на него спикировал кот! Крик, визг, писк, миска взлетела выше забора, Вась чуть пониже, залиvistый лай на всю улицу! Обалдеть! Пришлось применить силу. И вот стою, держу в каждой руке за шкурку два орущих шерстяных мешочка, полных когтей, иголок, клыков и упругих мускул. Потрясающе!

Вась успокоился первым. Висит понуро, только глаза горят зелёными углями. Посадил его на забор. Всё нормально. А в другой руке, словно пропеллер, крутится шерстяной мотор!

- Симба! Фу! Ё-к-л-м-н! Смирно!

Не помогает. И кладу я пса в мешок. Отдаю этот «бешеный» мешок хозяйке. Всё! Тишина и порядок. Вась долго смотрел вслед девушке с трепещущим мешком. Он и сейчас туда смотрит, я не знаю почему.

г. Краснодар

ГРАНАТА

Бухнув тяжёлую сумку под вешалку и скинув туфли, Марина босиком потопала в комнату. Мимоходом поправила растрёпанные рыжие кудри, подушечками пальцев ощупала тёмные круги под глазами. Н-да! То ещё зрелище. Прихватив со стола пульт от телевизора и оглядев покрывшуюся пылью мебель, вздохнула и тяжело плюхнулась в кресло перевести дух. Всё же прав доктор, рано ей ещё такие нагрузки. И почему она решила, что две остановки от больницы до дома она осилит пешком? В животе противно заурчало. Пришлось вставать и шлёпать к холодильнику. Но там, как и следовало ожидать, ничего путного не было. Пара банок консервированной фасоли, полпачки сливочного масла, которое теперь только в выпечку годится, банка аджики, кусочек высушенного сыра и ведёрко с маринованными огурцами.

– Не густо! – закрывая холодильник, пробурчала Марина. – А в больнице сейчас обед!

Мысли о низкокалорийном диетическом, но всё же горячем питании вынудили девушку снова влезть в туфли и отправиться в ближайший магазин за продуктами. За углом недавно открылась частная пекарня, и запах сдобы и не полезной, по мнению докторов, выпечки теперь каждый день наполнял ароматами уютный дворик многоэтажки. В пекарне всегда можно было полакомиться горячими осетинскими пирогами и прочей вкусной выпечкой, кусочком на месте или взять на вынос целиком.

«Надо будет обязательно взять домой пирог с мясом и сыром. А лучше два. Два пирога и парочку хачапури», – думала девушка, спускаясь по лестнице. Замечтавшись о сытном, но весьма калорийном обеде, у входной двери она налетела на неожиданно вынырнувшую из кладовки фигуру.

– Ты, Маринка, куда запропастилась? Две недели тебя не видала, – схватила её за руку соседка баба Клава.

Старушка каждый день после обеда возилась на придомовой территории или в палисадниках. Выражаясь её словами, она «несла», «создавала», «облагораживала», «озеленяла», «придавала», «окультуривала» и что-то там ещё... За это была единогласно избрана на собрании жильцов Председателем домового комитета. И теперь «выбивала», «увещевала», «воевала», «внедряла», «выясняла», «пробивала», «продавливала», «контролировала» и далее по списку... А ещё она всё про всех знала и очень любила читать лекции на разные щекотливые темы.

– Здравствуйте, баба Клава, – поздоровалась Марина.

От старушки вкусно пахло борщом.

«Вот же любопытная! Всё ей знать надобно. Сама-то уже пообедала, а мне что? С голоду подыхай?» – замелькали в голове неприветливые мысли.

– Да в больнице я была. Прихватило спину на работе. Пришлось лечь, прокапаться.

– Ну да, ну да! – кряхтя, причитала старушка, перетаскивая из подъездной кладовки садовый инвентарь поближе к цветнику. – Здоровье смолоду беречь надобно. Кто ж тебя такую больную замуж возьмёт.

От неминуемой лекции о здоровом образе жизни, которой соседка регулярно доставала буквально всех жильцов дома, спас телефонный звонок.

– Да. Хорошо. Я завтра утром обязательно заеду. Кого спросить? Сейчас, минуточку, я блокнот достану, запишу. Следователь Иванченко Игорь Викторович. Завтра в 11:30. Да, обязательно буду. До свидания.

– Ой, милая! Что это тебя к следователю вызывают? Случилось чего?

Баба Клава мёртвой хваткой вцепилась в руку Марины.

«И вот попробуй не ответить. Завтра весь дом будет обо мне неизвестно что болтать. Всем растреплет!» – недовольно подумала Марина и уселась на лавочку.

– Да знаете, баба Клава, случай у нас в больнице произошёл. Положили к нам в палату женщину. Она сразу предупре-

дила, что сильно храпит, и раздавала всем беруши. Ночи, как вы понимаете, мы ждали с ужасом. А тут к другой соседке приехал сын со своим мальчиком лет пяти. Фруктов привёз, сок. А её, ну как назло, давление мучило. Целый день качало, кидало из стороны в сторону. Соседка всё боялась, что в очередной раз голова закружится и полетит она на пол, «как осенний листочек с деревца». Вот в одно из таких «предполётных состояний» навалилась она на шкафчик и оторвала дверцу. И, чтобы её не ругали, попросила сына починить. Тот сбегал в машину, принёс инструменты в странном таком футляре: то ли шар, то ли яйцо. Я не поняла. Мне у окулиста капли какие-то закапали, сказали, зрение только к утру восстановится. Взял, значит, он отвёртку, какую надо было, и принялся за работу. Я на смартфоне «читалку» включила, лежу в одно ухо через наушники книгу слушаю. Ещё одна соседка задремала. Душно в палате, жарко.

Вышла я в просторный холл. Там хорошо, двери в торцах коридора на балконы открыты, сквозняком продувает, прохлада. Думаю, посижу тут, пока проветривают. И вдруг слышу, медсестра дежурная кричит:

– Стой! Не шевелись! Только не отпускай... Мужики, кто в армии служил, руки пацану зажмите, я сейчас охрану вызову.

На эти душераздирающие вопли выползли больные из ближайших палат, человек пять-шесть. Не больше. В тех палатах в основном тяжёлые лежат. Так что ходячих не много.

Другое дело – палата напротив поста. Мужская. Четырёхместная. Она у нас особая, в ней обычно военные лежат. Вот и в этот раз там «отдыхали» дед-ветеран, «афганец» и два «чеченца». Тот, что моложе, своих соседей «дедами» называл. Вот из этой палаты и вывалился двухметровый бугай с плечами как трёхстворчатый шифоньер и наколкой на плече «ВДВ». Схватил пацана в охапку, зажал между колен, чтобы не дёргался, руки сдавил. Сестра уже что-то в трубку орёт, у неё истерика. Пацан с перепугу или от боли, а скорее от всего и сразу, заревел. Его громкий пронзительный плач услышал папаша.

Выскочил он из нашей палаты и с кулаками да криками «А ну, отпусти ребёнка, сволочь!» кинулся на десантника. В этот момент из военной палаты вывалились ещё два «шкафа» и с громогласным «Стоять!» и «Убери руки, придурок!» кинулись на папашу. Началась драка. Один щуплый папаша против двух громил, конечно, не воин. На полу с выкрученными руками и распластанной физиономией он оказался практически сразу.

Правда, когда один из защитников его оседлал, то хватку слегка ослабил. В этот момент появились четыре охранника с победным «Сапёры уже едут!» и дежурный врач с криками: «Что за цирк вы тут устроили, завтра же всех на выписку!»

Пацан орёт от боли и страха, папаша тоже пытается что-то мычать про то, что кто-то что-то не так понял и всё не так, как кажется. Как ни странно, но самыми невозмутимыми оказались охранники. Всех успокоили. Задышающегося папашу извлекли из-под верзилы и с требованием: «Говори, сволочь, а то, когда полиция приедет, поздно будет», – прижали к стене. Хрипя и давясь словами, кое-как папаша объяснил, что это набор инструментов, просто футляр у него в форме гранаты-«лимонки». Кто-то из стоящих у стеночки «зрителей» вставил свои пять копеек: мол, видел такой набор в продаже. Китайцы тыщами клепают. Теперь оставалось уговорить десантника отпустить мальчишку. И вот тут возникла проблема. Охранники решили никого к этой миссии не допускать. Но их ждала неудача. Как они ни пытались поговорить с парнем, ничего не выходило. Он только мычал что-то нечленораздельное и всё крепче сжимал пацана, отчего тот кричал ещё громче. Переглянувшись, «деды» отстранили охранников. Присев перед парнем на корточки, они что-то тихо ему говорили. Слышно было лишь то, как они называли его по имени. «Денис». Через несколько минут этих странных переговоров один из парней встал и начал шарить глазами по полу. Оказывается, Денис всё это время говорил про чеку. Мол, граната с сорванной чекой. Стали искать. Нашли. Вояки быстро оценили подделку.

Каким-то непонятным стороннему обывателю способом им удалось уговорить Дениса успокоиться, и ребёнок был освобождён. Медсестру откачали, дежурного доктора напоили успокоительным, синяки и ссадины обработали. И тут приехали сапёры. Сначала ругались. Потом ржали. Долго. А потом решили «десантуру» крайним сделать. Пришлось всем отделением за него заступаться.

Реакция-то у парня отменная. А то, что игрушку от настоящей гранаты отличить не смог, так в том его вины нет. Он после ранения на один глаз совсем слепой, а вторым только три верхних строчки видит. Так что мы его отстояли: и перед сапёрами, и перед приехавшей практически следом полицией. В итоге решили, что действовал парень правильно. Седьмой этаж четырнадцатизэтажного больничного корпуса. Самый центр отделения. А если бы граната была настоящая? А если бы рвануло? До ночи полицейские сидели, писали. А когда уезжали, сказали, что некоторых ещё раз вызовут: тех, кто в самой гуще событий был и всё видел.

А в субботу к «десантуре» друзья приходили. Так палатные «деды» наперебой стали рассказывать, какой у них друг герой. А гости помрачнели, лица почернели, голоса задрожали.

– Мы, – говорят, – живы только благодаря ему. Он калекой стал, а у нас ни царапины. До последнего вздоха помнить будем, что мы, родители наши, жёны, дети – всем ему обязаны.

Притихли «деды». Каждый свою думку думал. Каждому было что вспомнить. Степанычу – как под Ржевом десятилетним сыном полка с молоденькой медсестрой Зойкой раненых с поля боя таскал. Ильичу – как на Саланге их духи трое суток давили, не позволяя головы поднять. Не подавили. Многие тогда полегли. Но отстояла перевал десантура. Серёге – пацанов своих, головы сложивших под Гудермесом. Впятером с одного двора призвались. Он один вернулся. Да и Денису с друзьями было что вспомнить.

Так и сидели они молча, каждый думая о своём, пока на обед не позвали.

– Вот так я в этот раз, баба Клава, в больнице «отдохнула». И, кстати, не так уж сильно соседка наша храпела. Зря беспокоились, – закончила свой рассказ Марина и, вздохнув, как будто это не неделю назад, а только что произошло, встала и побрела в магазин за продуктами.

– Да! Не оскудела земля русская героями! Значит, правильно молодёжь воспитывали. По-нашему! – пробурчала баба Клава и, подхватив тяпку, полезла под балкон в палисадник, цветы пропалывать.

г. Коломна, Московская область

МНЕ БЫ В ЮНОСТЬ...

Шумным городом душу изранив,
Жизнь тащу, закусив удила.
Мне бы в юность...
Да в русскую баню,
Чтобы с паром духмяным была.

А ещё бы ворваться с разгону
В бой кулачный село на село.
И под вечер, давясь самогоном,
Обсуждать: где кому повезло...

Ночью сдатьсь объятиям жарким,
Смять с девчонкой траву на лугах.
И в напарниках с месяцем ярким
От отца её скрыться в бегах...

А потом с рассветающим небом,
Искупавшись в холодной реке,
Влезть в окошко домой
И без хлеба
Захлебнуться в парном молоке.

г. Рудный, Казахстан

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Вспоминаю родительский дом –
Сколько в нём пережито потерь.
А теперь этот домик под слом
Пустит тот, кто живёт там теперь.

Этот дом помнит мать и отца,
Что покоятся с миром давно,
И печалям моим нет конца,
В мир распахнуто настезь окно.

Есть свой дом, но так тянет назад,
Где прошло моё детство в мечтах,
Где детьми разжигали костёр
И картошку пекли на углях.

И, у печки собравшись семьёй,
Под трескучие звуки угля
Вслух читали мы книги с тобой,
Мама, милая мама моя!

Был цветами усажен весь двор –
Куст жасмина, пиона и роз.
Ароматом пронизан декор,
Опьянял нежный запах мимоз.

Шлю проклятья жестокой судьбе,
Сожалея, что пройден этап,
Когда можно вернуться к тебе –
Дом родной и запущенный сад.

Тихо голову в скорби склоняя,
На коленях стою пред тобой.
Грустно слёзы на землю роняя,
Дом родной – я в долгу пред тобой!

МЕЛАНХОЛИЯ

Как грешна этой жизни ложь,
Где любовь продают за грош,

Где цена ей всегда одна –
За ценою честь не видна.

Им души иметь не дано,
Что плохое снимать кино.

В них всё дешёво, напоказ,
От земли не поднимешь глаз.

Маски сброшены, и, поверь,
Их душа не звенит от потерь.

Им судьба поставила мат.
Напросились. Кто виноват?

СУХАРЬ В КРЕДИТ

Мне жизнь выдала в кредит:
Сухарь, глоток воды – еда,
Что в корне жизнь обнулит,
И упадёт с глаз пелена.

Ведь столько пройдено дорог,
А ты наивен, как кретин.
Нужды своей пройти порог
Не каждый сможет пилигрим.

Начать с нуля – какой пассаж,
Когда ты главного лишён.
И вот уже пошёл мандраж,
А Бог в ответ: как ты смешон!

P. S.
В ком божьей искры есть запал,
Тот в этой жизни не пропал.
А ты стоишь, чего-то ждёшь,
Ни в чём себя ты не найдёшь.

28.08.2019

***

Женщина-печаль, женщина-разлука
Научилась жить без тебя, впрок наука.
Спасибо за то, что было и прошло,
Что вернуться в прошлое не дано.
Много вод утекло. Жизнь без огня!
Где ты? Как живёшь? Помнишь ли меня?

2017

г. Коломна, Московская область

РАССКАЗ МАЛЬЧИШКИ, ПОБЫВАВШЕГО В ОККУПАЦИИ

В 1941 году я окончил первый класс, мне исполнилось 9 лет. Читать я научился рано. В 1938 году я читал в газетах про войну в Испании, знал, что фашисты бомбят города, убивают людей. Поэтому я не удивился, когда немцы стали бомбить наш город, когда увидел потом дела немецких фашистов, захвативших наш город Карачев, под Брянском 6 октября 1941 года.

После войны я прочёл строки поэта-фронтовика А. Твардовского:

*Вам не случалось быть при том,
Когда в ваш дом родной
Входил, гремя своим ружьём,
Солдат земли иной?*

Мне случилось быть при этом, видеть эту беду. И я согласен с поэтом, который сказал: «...И Бог не приведи!»

После того как в городе смолкла стрельба, у нашего дома (по улице Карла Маркса, 24) остановилась немецкая автомашина. Из кузова выпрыгнули, распахнули дверь и с гоготом, не спросясь, вошли в дом десятка полтора немцев в чёрных мундирах. В малой половине дома был я с бабушкой Ларисой и дядей Ваней – инвалидом. За три дня до этого моя мама – военврач Красной Армии – выехала со своим госпиталем № 1155 на восток.

Большая половина дома была пустой. Эсэсовцы ввалились туда, и тут же в коридор на пол полетели сорванные со стен рамки с фотографиями наших родных, портреты Пушкина и Толстого, Ленина и Сталина. Сапоги фашистов ходили по этим портретам, от которых остались клочья.

Немцы затопили печку. Дрова были в сарае, а дома была отцовская библиотека русской литературы. Они топили печку книгами Пушкина, Некрасова, Лермонтова... Чтобы книги лучше горели, их сначала рвали. Так начался первый «визит» гитлеровских солдат в наш дом.

Вечером недалеко от дома загорелась немецкая автомашина, после чего два эсэсовца вытащили дядю Ваню из постели и потащили за ноги по полу в коридор и на улицу. Бабушка кинулась к нему. Её ударили в спину, втолкнули в дверь, закрыв щеколду. Мы два дня просидели закрытыми. Когда немцы уехали, соседка отперла дверь. Бабушка десять лет не знала ничего о судьбе её сына. Она умерла в 1956 году, после того как останки дяди Вани были найдены во рву на окраине города вместе с телами других людей, расстрелянных фашистами в тот день.

Сестра отца – тётя Валя увела меня из города в дальнее село – Водоцкое Городище (Шаблыкинский район Орловской области). Там немцы появились позже, в конце октября 1941 г., и я ещё раз увидел, как оккупанты «входят в дом».

Два солдата в зелёных шинелях распахнули дверь нашей хаты с криком: «Матка! Млеко!» Хозяйка тётя Маша поставила на стол кувшин с молоком и две кружки. Немцы потребовали ещё одну кружку (Noch ein!) и заставили хозяйку выпить молока. После этого сами выпили весь кувшин, вышли во двор и пошли в сарай. Там стояла корова. Верёвка у немцев была запасена. Её намотали на рога и повели корову к воротам. Тётя Маша выбежала из дома, закричала: «У меня четверо детей! Чем буду их кормить? Не отдам!» – и обняла корову за шею. Корова остановилась. Один из немцев сбросил с плеча винтовку, перехватил её, размахнулся и ударил тётю Машу прикладом в спину. Руки её разжались, она упала на снег... Корову увели.

Это была «плата» за кувшин молока? За корову? Оккупанты отобрали в деревне и увезли десятка два коров. Тётя Маша долго болела. Через месяц у жителей не осталось ни одной коровы. К лету – ни одной овцы, свиньи, курицы.

После Курской битвы летом 1943 года гитлеровцы отступали и сжигали все деревни и города, угоняли жителей на запад, чтобы оставить за собой выжженную и безлюдную местность. Они не заходили в дома, просто жгли хаты. Женщины нашей деревни, схватив детей и ведя стариков, сами бросились в овраг за деревней, увидев, что загорелось соседнее село Герасимово, что зажигательные пули с немецких мотоциклов поджигают соломенные крыши домов. Из оврага нас выгнали автоматными очередями поверх голов, гнали до города Новгород-Северский, а потом в товарных вагонах привезли в Белоруссию, в «лагерь перемещённых лиц» под городом Бешенковичи, за колючую проволоку. После двух голодных дней в лагере караульный немец выпустил нас с тётёй Валею за два её золотых обручальных кольца, которые у неё, по счастью, оказались. Нас приютили, не дали умереть с голоду добрые белорусские женщины деревни Гальки. В хате жили человек двадцать беженцев. Женщины и дети. Был один мужчина, дядя Даня, лет шестидесяти. Приходившие зимой по ночам партизаны звали его с собой, но он откладывал это «до тепла».

Там я ещё раз увидел, как входят в наш дом фашистские солдаты. Весной 1944 года они утром оцепили деревню и сгоняли всех на площадь. Два немца с автоматами вошли в хату и с криками «Шнель!» (быстро!) стали выгонять всех нас наружу. Дядя Даня хотел притвориться больным, говорил: «Ихь кранк» (я болен), — но его подняли автоматной очередью над головой. Посыпались щепки, упала икона с божницы. Дядя Даня выбежал, одеваясь на ходу. На площади гитлеровцы под женский плач и крики отобрали из толпы 25 подростков и пожилых мужчин (в том числе дядю Даню) и увезли их на двух автомашинах. После освобождения изо всех увезённых вернулся только один паренёк. Их заставили рыть окопы вокруг города Витебска, который Гитлер объявил немецкой крепостью. Когда работы были закончены, людей повели куда-то без лопат. Паренёк понял, что ведут расстреливать, кинулся в кусты и сумел убежать. Остальных расстреляли...

А. Твардовский написал правду:

*И сапоги не вытирали,
Входя в любой, на выбор, дом.
В дому, не спрашивая, брали.
Платили пулей и кнутом.*

А вот как захватчики сами встречали людей. Однажды я, одиннадцатилетний, побирался и вошёл по ошибке в хату, где оказались немцы. Я только переступил порог, как один из солдат вскочил из-за стола, схватил лопату. Я повернулся, чтобы убежать, но получил сильный удар в спину и упал. От второго удара меня спасла белорусская женщина – хозяйка. Она схватилась за эту лопату, не дала немцу размахнуться второй раз. Я вскочил и убежал. Спина долго болела.

Я уверен, что, когда наши солдаты освобождали от гитлеровцев землю самой Германии, ни один немецкий мальчишка не получил от наших солдат ни одного шлепка. Ведь наши солдаты – не звери.

Это было зимой на 1944 год. А в июне этого года два моих товарища-ровесника попались на глаза отступавшим фашистским солдатам и были застрелены из автоматов. У немцев был приказ: при отступлении убивать всех наших мальчиков старше 14 лет...

Немецко-фашистские захватчики принесли смерть более чем 26 миллионам жителей нашей страны – отцам, матерям нынешних пенсионеров, прадедам сегодняшних детей.

Этого нельзя забыть. Жить, учиться, трудиться надо так, чтобы наша страна была сильной, чтобы ни один вражеский солдат не мог войти в наш дом.

Н.К. Никольский – в то время Коля Никольский. 21.09.2019

P. S.

При отступлении после битвы на Курской дуге немцы полностью сожгли и взорвали город Карачев. От населения осталась одна пятая часть...

Только отпор современным претендентам на господство над Россией и миром спасёт человечество.

г. Тольятти, Самарская область

ЗНАЛ БЫ, ГДЕ УПАСТЬ...

До ухода на пенсию Екатерине Дмитриевне оставался ровно год. Половину своего трудового стажа она работала в заводском отделе кадров. За это время удалось продвинуться по карьерной лестнице один раз: из инспекторов по кадрам перешла в старшие. Однако вокруг неё сидели инженеры по подготовке кадров.

Рано, сразу же после школы, выскочила замуж за одноклассника, родился сын, и стало, разумеется, не до поступления в вуз. Все её школьные подруги в институты поступили, отложив замужество до лучших времён. Через пять лет одна из подруг, окончив вуз, увела у неё мужа. Вышла замуж повторно, отдав сына Романа в деревню на воспитание бабушке. Последняя из-за преклонного возраста не оправдала оказанного ей доверия, плохо смотрела за внуком. В итоге тот, купаясь с ребятами в речке, утонул. Вскоре у неё от второго брака родилась дочь. Назвали Надеждой.

– Вся надежда у меня на Надежду, – говорила соседям мама.

Шли годы. Надя выросла. Когда ей исполнилось семь лет, умер отец, едва успев проводить дочь в первый класс. Скончался от инфаркта прямо на работе. Выйти замуж в третий раз Екатерина не пыталась. Так и жили вдвоём с дочкой. В школе та училась, не выделяясь среди одноклассниц, а после сдачи выпускных экзаменов два года безуспешно пыталась поступить в вуз. Его название роли не играло, цель: во что бы то ни стало поступить. Так велела мать. После последнего провала на вступительных экзаменах дочь провела ночь в гостинице с одним из абитуриентов. По понятной причине вышла за него замуж. Муж оказался сиротой, жил в общежитии, в институт тоже не поступил. Жили у мамы Нади. Бабушка обожала внука Васю.

Беда к Екатерине пришла, откуда она её не ждала: когда Васе исполнилось десять лет, в автомобильной катастрофе погибли его родители. Воспитывала внука одна.

Прошло семь лет. Коллеги её знали, что через год тот станет совершеннолетним и что она планировала уйти на пенсию, чтобы его не призвали в армию. О прелестях жизни на пенсии могла рассказывать долго. Однако, как показали последующие события, причиной ухода на пенсию оказалось не только нежелание внука служить. У Екатерины Ермаковой нашёлся и другой, секретный, план действий перед уходом на пенсию.

Поздравив её с 54-м днём рождения, женщины-коллеги (мужчины интересовались только работой) стали замечать, что их сослуживица, обычно не сильно разговорчивая, стала приглашать к себе для сверки личных данных работников-пенсионеров. Но только мужчин. Любимой поговоркой её при этих беседах была: «Вы живёте один, и некому разукрасить ваши одинокие вечера». Одни на эти слова реагировали с улыбкой, а другие стали приглашать любопытного инспектора к себе домой на «чашку чая».

Быстро летели дни, недели, месяцы, а к старшему инспектору по кадрам продолжали приходиться ничего не подозревавшие работающие мужчины-пенсионеры. Не могли же они знать, что она, сверяя по карточке установленной формы их личные данные, преследовала совсем другую цель, а не выполняла требование своевременно вносить в карточки работников изменения. Добивалась своей цели весьма осторожно: в кабинете лишних вопросов не задавала, только по пунктам анкеты. Тем не менее со стороны казалось немного подозрительным, когда Ермакова пункт «Семейное положение» уточняла вопросом: «Вообще никогда женаты не были?» Это обстоятельство никак не должно интересовать кадровиков. Из-за простого любопытства, не понимая, что происходит у них на глазах, коллеги стали считать, сколько раз Екатерина ходила на «чаепития». Оказалось, четыре. Ждали пятого, но его не последовало. На этом все успокоились после шестимесячной суеты.

Спустя полгода Екатерина Дмитриевна уволилась с работы в связи с уходом на пенсию, как и обещала. Юбилей с коллегами

отмечать не стала, сославшись на свою бедность и внука, которого надо кормить и одевать.

Прошло ещё полгода. К начальнику отдела кадров зашёл мастер Иванов с заявлением на увольнение. Подписав его, он сообщил: «Мужа-то вашей Ермаковой мы похоронили недавно».

– Какого мужа? Она жила одна с внуком, – ответил кадровик.

– Ивана Сергеевича Беднова, моего рабочего, уволившегося полгода назад на пенсию. За два месяца до смерти я встретил его в супермаркете.

– Ничего не понимаю, объясните мне, при чём тут наша бывшая инспектор Ермакова?

– Ещё как при том. В моей бригаде работало четыре пенсионера. Сначала она пригласила для сверки данных Давыдова, а он, в свою очередь, – её домой на чашку чая. Где сделал предложение выйти за него замуж. Затем последовали Константинов и Самсонов, делавшие также предложения. Надо ей отдать должное, она умела влюблять в себя мужчин. К их разочарованию, она больше им на глаза не показывалась. Показалась только четвёртому, Беднову.

«Чаепития» у него дома повторялись регулярно. Работая в одной бригаде, утаить друг от друга секреты трудно. Принимая у себя повторно вашу женщину, Беднов уже знал, почему она отказала в предложениях выйти замуж членам его бригады. Ему никто этого не говорил, но тот факт, что у одного имелась только одна квартира, у второго – квартира и машина, у третьего – квартира, машина, гараж и ничего больше, а Беднов имел всё перечисленное плюс дачу и сберкнижку, – говорил сам за себя. Все четверо оказались разведёнными на тот момент. Только Беднов не имел ни детей, ни близких родственников.

– Кажется, я понимаю, – прервал мастера начальник отдела кадров. – Брак по расчёту?

– Он самый. Иван Сергеевич разгадал намерения новоявленной «невесты» и решил просто на старости лет поразвлечься немножко, сразу же отказав ей в предложении оформить брак официально. В этом и состояла его роковая ошибка: следовало

с ней просто распрощаться в один прекрасный день. Этого он не сделал. Мне при встрече жаловался, что Екатерина каждый день, угощая его коньячком, напоминает о браке. А ведь когда он работал в моей бригаде, у него случилось прямо на работе несколько гипертонических кризов, увозили на скорой. Через неделю у меня намечалось празднование дня рождения, и я ему сказал: «Приходи, поговорим». Не пришёл.

Как я потом узнал, у него за день до этого случился инсульт, его парализовало. Через неделю он умер в больнице. Хоронили бригадой. Зная, что он одинок, стали искать его дальних родственников, так как нотариус подтвердила отсутствие какого-либо завещания. Нотариус сказала не всю правду: наследник объявился.

– Ермакова? – занервничал руководитель кадров.

– Она. Мы обратились в прокуратуру. Там состава мошенничества не нашли. Вдова показала официальное свидетельство о браке. Со слов работников ЗАГСа, Беднов сам, будучи частично парализованным, по телефону пригласил их к себе домой для регистрации брака. Он надеялся, что Ермакова в качестве жены за ним будет ухаживать более добросовестно, чем сожительница. Но ошибся. Умер от второго инсульта, как установило вскрытие. Доказать, что причиной первого инсульта явился коньяк, мы не смогли. Его «жена», скорей всего, покупала в разных магазинах и далеко от дома.

– А что же она?

– Как и положено по Гражданскому кодексу, оформляет себе наследство в качестве законной супруги покойного Беднова. Наследство большое. Обидно, конечно: копил человек, копил богатство всю жизнь, а воспользуются им теперь другие. На днях объявился какой-то дальний родственник покойного, но уехал ни с чем.

– Ну и дела, – встав из-за стола, задумчиво произнёс кадровик, – правильно в народе говорят: «Знал бы, где упасть, соломки подстелил бы».

ЧУЖОЙ РЕБЁНОК

Рейсовый автобус остановился на окраине села. Вышли из него двое: молодая женщина с ребёнком на руках и бабушка лет семидесяти.

– Ой, миленькая, на улице холодно, а вы, как я вижу, без дождя мокрые, – обратилась бабушка к женщине. – Сколько ребёнку-то месяцев?

– Шесть.

– С таким маленьким – и к нам в село, беда какая случилась?

– Болеет он, а в нашем селе в аптеке такого лекарства нет. Врач сказал, оно есть в вашей аптеке.

– Всё понятно. Но аптека отсюда далековато. Зайди-ка в тот дом, попроси разрешения просушить пелёнки.

– В тот дом не пойду.

На окраине села указанный дом стоял одиноко уже несколько лет. До войны здесь шумела улица, стояло много домов, но к середине 1960-х годов остался всего один.

– Не хочешь, тогда пошли ко мне, мой дом чуть подальше отсюда, – сжалилась чужая бабушка.

Вскоре они зашли во двор дома, где проживала попутчица. В доме их встретила внучка. Бабушка попросила её:

– Леночка, согрей нам чайку, а то мы тут замёрзли.

Через некоторое время пелёнки сушились у печки, а бабушка с гостьей пили чай.

– Тебя-то как звать? – спросила хозяйка.

– Вера я.

– Скажи-ка мне, Верочка, почему ты не захотела зайти в тот дом?

– Вы добрый человек, и вам я, пожалуй, расскажу. Хотя рассказывать об этом мне очень тяжело.

...Инна и Антон Журавлёвы жили до войны в большом селе. Деревянный дом построили, как казалось, «на века». Жили в достатке. Воспитывали дочь. Обещали свозить её на отдых в Крым,

если та окончит очередной класс с одними пятёрками. Дочь выполнила требование родителей и мысленно представляла себя на берегу Чёрного моря. А вот родители своего обещания не выполнили. По уважительной причине: началась война.

Антон ушёл на фронт в первые же дни объявления мобилизации. Предлагал жене с дочерью уехать за Урал к его родителям, но Инна отказалась: слишком большая была уверенность в советских людях накануне войны в том, что если она начнётся, то воевать будем на территории противника. Она осталась. Когда поняла, что война надолго и надо уезжать, — немцы вошли в село.

Антон, будучи трактористом, попал в танковый батальон механиком-водителем. Воевал храбро. Но однажды во время жестокого боя его танк подбили, а экипаж в полном составе оказался в плену. Пытался из лагеря бежать, но немецкие овчарки не предоставили ему такой возможности. В лагере для военнопленных находился до самого конца войны. После неё прошёл проверку соответствующих органов. Ему повезло: многих из лагерей немецких отправляли напрямую в лагеря советские, но его отпустили домой. Доказательством невинности, видимо, послужили многочисленные шрамы на теле от укусов собак. Если пытался бежать, значит, не предатель.

Домой фронтовик добирался долго. Но вскоре вдали он увидел свой дом, построенный своими руками. Он стоял на окраине села первым. На улице сохранились целыми только несколько домов. Тогда, глядя на свой дом, Антон не знал, почему именно его дом пощадила война. Он с радостью открыл калитку и вошёл во двор. На земле сидела и играла девочка лет четырёх. Он подумал: «Соседская», — и хотел уже пройти мимо, но что-то его остановило.

- Тебя как звать, девочка?
- Вера.
- А ты чья?
- Мамина.
- А мама где?
- Вот моя мама.

В это время на пороге дома показалась Инна. Поначалу жена не узнала мужа. Лагерь давал о себе знать. Но потом подбежала, обняла, поцеловала.

– Постой, постой, – оттолкнул Антон жену. – Это кто?

– Дочь.

– Это я уже понял. Кто отец?

Расплакавшись, жена рассказала, что эта дочь, по сути, спасла во время оккупации её и их дочь, которую они обещали вместе свозить в Крым. До освобождения села советскими войсками в её доме жил немецкий офицер. А рядом в сохранившихся домах жили немецкие солдаты. Ради своей дочери, которая, выбрав из дома, подбежала в слезах к своему отцу, Антон простил жену. Но с одним условием: этого «чужого ребёнка» в их семье ему не надо.

Инна отнесла Веру к своей сестре, у которой муж пропал без вести. Когда же через год «пропавший» муж вернулся, сестра ребёнка вернула обратно. Тогда Инна отнесла дочь в соседнее село и отдала бездетной семье, объяснив причину своего поступка. Новая мама всё делала, чтобы Вера росла как родная дочь и ни в чём не нуждалась. Настоящая же, наоборот, делала всё, чтобы дочь её забыла. Она работала продавцом в магазине. Каждый раз, когда Вера со своей новой мамой заходили в него, продавец делала вид, что их она не знает. Однажды то ли случайно, то ли умышленно, чтобы больше не заходили, обсчитала на приличную по тем временам сумму.

Когда Вере исполнилось шестнадцать лет, у первой мамы случилась беда: они с мужем потеряли единственную дочь. Простудилась зимой, получила воспаление лёгких, и врачи не смогли её спасти. По совету мужа Инна направилась в соседнее село за брать дочь обратно.

– Верочка, я же твоя мама, пошли со мной, – с порога попросила Инна.

– Тётя, уходи, вот моя мама, – последовал ответ.

После того как мужа парализовало и приковало к постели, а Инна одна не справлялась с уходом за инвалидом, она повтор-

но направилась за дочерью в село и снова получила категорический отказ. Это явилось её наказанием за то, что она однажды превратила своего родного ребёнка в чужого...

Когда Вера закончила свой рассказ, бабушка Марина сказала:

– А ты знаешь, Вера, твоя... ну, короче, Инна Журавлёва нынче живёт одна, мужа схоронила, сама сильно болеет. Ходит по селу и всем рассказывает, что злые люди украли у неё дочь. Может, всё-таки зайдёшь к ней, простишь её?

– Никогда! Если я это сделаю, я предам ту женщину, которая меня вырастила и выучила. И которая меня сейчас дожидается дома в натоленном доме как родную дочь.

– Муж-то где твой, Вера? Почему он не поехал за лекарством?

– В армию забрали, когда ещё мой ребёнок не родился.

Уезжая из села, Вера задержалась перед остановкой у дома своей настоящей матери. Но сердце ей подсказало: заходить к ней в дом не надо. Она прошла мимо. Кто виноват в этой драматической истории – понятно: война.

СУДЬБА-ЗЛОДЕЙКА

Ехал я как-то по делам с одного конца города в другой на трамвае. Это то же самое, что едешь на поезде. Единственное отличие – нет полки, на которую можно забраться и поспать сколько душе угодно. На одной из остановок ко мне подсел мой знакомый Денис Силуянов. В руках он держал раскрытую книгу, видимо, читал на остановке, дожидаясь трамвая.

– Жуков, привет, – обратился он ко мне.

– Привет, Денис, а ты что читаешь?

– Да вот.

«Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет, но душа моя полна ещё до сих пор жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда вообразу себе, что приеду со временем опять на их прежнее, ныне

опустелое жилище и увижу кучу развалившихся хат, заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик, – и ничего более. Грустно! мне заранее грустно!..» – прочитал я знакомые с детства знаменитые строчки из «Старосветских помещиков» Николая Гоголя.

Спрятав книгу, Денис обратился ко мне:

– Сколько раз перечитываю эту историю, Макар, а всё удивляюсь, как изменились люди за прошедшие десятилетия, которые уж трудно и сосчитать. Гоголь жил в первой половине девятнадцатого века, мы с тобой живём в начале двадцать первого. Но даже во второй половине «благополучного» двадцатого века я не встречал, чтобы старики наши жили так же счастливо.

– Нет, Денис, ты не совсем прав, – перебил я попутчика, – не знаю про нынешний век, но в прошлом веке таких стариков мне встречать довелось. Как и Николаю Васильевичу, мне часто приходилось бывать у них. Их дом стоял на окраине села, и, куда бы я ни ехал, проехать мимо не мог. А познакомились случайно.

...Проехав уже село Красноармейское, мне пришлось остановиться: на моём «Москвиче» передние колёса стали, как юный барабанщик, упорно стучать диском по асфальту. Надвигался вечер, постепенно темнело вокруг. Что произошло, я тогда не знал. В то время бескамерных шин на отечественных автомобилях не было, иначе я, накачивая их, смог бы доехать до города, где мне пришли бы на помощь. Развернув автомобиль, я покатил его обратно к селу, которое только что проехал. Подкатил к ближайшему дому, одиноко стоящему на окраине некогда большого села. Сторожевой пёс моментально залаял, объясняя на своём собачьем языке хозяину о появлении на «горизонте» чужака. Через минуту входная дверь домика открылась и на пороге появился сам хозяин. На вид лет шестьдесят: голова покрыта сединой. Не очень высокого роста, он с больной ногой медленно направился к калитке.

– Кто тут под вечер беспокоит моего Шурика? – улыбаясь, спросил хозяин.

– Мил человек, беда у меня неожиданно случилась, – отвечал я, – передние колёса сразу же за вашим селом отказались меня везти дальше.

Услышав это, старик разразился смехом, на который, не выдержав, вышла из дома его жена. «Смотри, Акулина, опять шутики ребятишек, я же говорил: пороть их надо каждый вечер перед сном», – уже более-менее серьёзно произнёс старик.

Я, честно говоря, сделал глаза удивлёнными и не мог понять, за что сельских ребятишек надо пороть, да ещё и перед сном. Однако разгадка наступила быстро: по вечерам от нечего делать ребятишки развлекаются, подбрасывая на дорогу едва заметные дощечки с гвоздиками.

– Загоняй свой автомобиль во двор, снимай колёса, будем клеить камеры, – предложил добродушный хозяин. – Я тебе помогу.

– Помощник с тебя не ахти какой, – решила вмешаться в наш разговор Акулина.

– Ты, старуха, так не говори, – повернувшись ко мне, отвечал «помощник». – Я в армии водителем служил. А в колхозе сколько километров исколесил? Кто считал?

Никто из нас ему не возразил.

Справившись с колёсами в сарае, мы вошли в дом, где нас ждал прекрасный ужин.

– Спасибо вам за всё, дорогие мои хозяева, век вас не забуду, – обратился я к старикам. – А я, пожалуй, поеду дальше.

– Поедешь, – заулыбался Афанасий, – если твой автомобиль, как конь, перепрыгнет мои ворота. Их-то я уже закрыл наглухо на ночь. Ночевать будешь у нас. Я вижу, ты, Макар, хороший человек. Отпустить тебя на ночь глядя не могу. Уж прости. В соседнем селе имеются такие же ребята-шутники. Что тогда делать будешь?

Я остался до утра в чужом доме среди незнакомых мне людей. И никогда об этом не жалел...

– Что же это за необыкновенные старики, что ты, Макар, ни разу не пожалел о случайной встрече с ними? – спросил меня Денис.

– Необыкновенные своей вначале счастливой, а в конце печальной судьбой.

Поженились Евстигнеевы по любви. Афанасий старше Акулины на пять лет. Жили по соседству на одной сельской улице. Познакомились весьма интересно. Афанасий, ученик четвёртого класса, пришёл из школы, как обычно, сразу же после обеденного времени. Сделал уроки, погулял немножко с ребятами, а когда под вечер заявился домой, мама попросила сходить в детский садик и забрать шестилетнего братика. Услышав это, соседка, тётя Даша, попросила Афанасия забрать оттуда заодно и её дочку Акулину. Что тот и сделал.

– Мама, а можно я сегодня снова схожу в садик за братиком? – спрашивал на следующий день маму сын.

Получив разрешение, Афанасий заодно забрал и соседку Акулину, чему её мама, сильно занятая в хозяйстве, несказанно обрадовалась. Она воспитывала дочь одна. Так мальчишка по доброй воле стал «нянькой» для двух воспитанников детского садика. Его мама догадывалась, что произошло это не из-за младшего сына, которого старший ежедневно забирал из садика. Но вида не подавала. «Дети есть дети», – рассуждала она. Хотя не могла предвидеть, что её сын не забудет шестилетнюю красавицу Акулину. Он не забыл.

Афанасий в школе, вступив в комсомол, не любил выполнять комсомольские задания. Но одно он выполнял с огромным удовольствием. Если остальные комсомольцы его класса спустя рукава занимались с подшефными пионерами и в своих закреплённых классах появлялись как ясное солнышко после грозы, то Денис вывел класс, в котором училась Акулина, по пионерским показателям на первое место не только в своей родной школе, но и по району.

Когда Дениса провожали в армию, то на проводах его тринадцатилетняя Акулина присутствовала не как будущая невеста,

чего очень хотел бы призывник, а просто как хорошая соседка по дому. Но соседка, по всей видимости, хотела того же, и потом, прежде чем выучить уроки, она писала «детское», по словам мамы, письмо в армию своему соседу Евстигнееву. Мама писем не читала, их содержания не знала.

Через три года (служили тогда три года) шестнадцатилетняя Акулина должна была встречать сержанта Евстигнеева как невеста. Невеста в шестнадцать лет? Однако Афанасий на то и являлся старшим, чтобы найти выход из положения. Он его нашёл: Акулина встретила из армии через пять лет двадцатитрёхлетнего прапорщика. Он после срочной службы, чтобы выиграть время, поступил на сверхсрочную на два года. Встречала его, понятно, уже восемнадцатилетняя невеста. Через три месяца они поженились.

Оба поступили в местный колхоз, не захотев выезжать из родного села. Муж работал водителем, а Акулина – дояркой. Коллеги-водители удивлялись, как это Евстигнеев умудрялся быть лучшим водителем в хозяйстве, выполнять своевременно и качественно все задания бригадира и одновременно доставлять жену на ферму и с фермы по три раза в день. Тогда доярок на работу на автобусах не развозили, они туда и обратно топали своими ножками. Если те же коллеги Афанасия, как и доярки, брали путёвки на отдых на юг для себя, то Евстигнеевы ездили только вместе. Ни на свадьбы, ни на дни рождения они по одному не ходили, только вместе. Жили очень дружно. Акулина не могла по просьбе соседей вспомнить хоть одно утро, чтобы, просыпаясь, муж её не поцеловал, как, впрочем, и вечером, перед сном.

Когда родилась дочь, муж освободил жену от других обязанностей по дому, возложив на неё одну главную: заниматься воспитанием ребёнка. К тому времени не стало ни мамы Акулины, ни мамы Афанасия. Подруги Акулины, половина из которых разведённые, завидовали пусть и не чёрной, но всё же завистью, наблюдая, как муж подруги лихо справляется и с мытьём посуды, и со стиркой, и с субботней уборкой в доме, с животными, имеющимися на семейном колхозном дворе, и с огородом, и с садом.

А ведь никто его не освобождал и от работы водителем в колхозе. Правда, наверное, благодаря такой профессии он всё и успевал. Пешком бы этого он не сделал чисто физически, при всём желании. После рождения сына Афанасий чуть ли не носил жену на руках, жалея её ещё больше.

Со временем дети выросли, покинули родительское гнёздышко, появились внуки. Всё было прекрасно в семье Евстигнеевых. Дети с внуками дедушку с бабушкой навещали очень часто. Заезжал я к ним и в последующие годы, и они меня встречали как самого дорого гостя.

– Одним словом, – прервал мой рассказ Денис, – семья являлась советской образцово-показательной.

– Да, пока руководили Советы, – отвечал я. – С распадом Советского Союза судьба-злодейка начала играть с ними постепенно злую шутку. Да разве только с ними?

С годами я стал по работе ездить меньше и бывать у знакомых супругов, соответственно, тоже меньше. Но каждый мой приезд оставлял в моей душе какую-то несказанную грусть. Остановившись в очередной раз у ворот их дома, я увидел сидящих на крыльце моих старых знакомых. Чёрные волосы на головах сменила седина, на голове Акулины повязан чёрный траурный платок. Стало понятно: у них случилось какое-то горе. Когда Афанасий открыл мне калитку и я зашёл, его жена кинулась ко мне со слезами, приговаривая при этом: «Ой, Макар, какое у нас горе, ой, какое у нас горе, какое горе...» Оказалось, неделю назад они похоронили своего зятя. В подробности я вникать не стал, но понял одно: его – бизнесмена – расстреляли на глазах тестя из-за невозврата долга. Дочь осталась одна с детьми.

Через год, заехав по пути к ним, я снова узнал печальную новость: умерла их дочь. Сама ли, или помогли те, кто убрал её мужа, установить не удалось. Вскоре супруги потеряли и сына. Нет, он не умер, но находился в местах лишения свободы. Доказать, что взятку не брал, что ему её подсунули недоброжелатели, не смог. Служил он в милиции старшим участковым инспектором.

Судьба-злодейка на этом не успокоилась. В автомобильной катастрофе погибли сноха и её дочь. Не выдержав очередного удара судьбы, ночью в своей постели умер хозяин дома. Когда Акулина утром проснулась и стала, как обычно, будить мужа, Афанасий признаков жизни не подавал. Через полгода не стало и её. О смерти дедушки и бабушки я узнал от их внука. Он меня повёл на кладбище и показал две свежие могилы. Я молча поклонился, поблагодарил внука и уехал с грустью на душе.

В последующие годы, проезжая мимо дома Евстигнеевых, я включал сигнал, как дань памяти хорошим людям, случайно встретившимся на моём жизненном пути. Услышав его, мне махали ручками дети – правнуки моих дорогих стариков. Жизнь продолжалась.

СУДЬБА ЯНЫ

В понедельник 22 июля 1957 года в больнице села Марьяновка родилась девочка. С самого появления на свет мама стала её звать Яной. Однако медперсонал заметил, что мама Даша чем-то расстроена.

– А как мне не расстраиваться, до 23 июля не смогла дотянуть, – отвечала она всем. – Да и понедельник, говорят, «день тяжёлый».

Как оказалось, виной всему был гороскоп новорождённой: по 22 июля в силе оставался Рак. Мама являлась очень верующим человеком, постоянно ходила в церковь, много читала научно-популярной литературы. Книгу с гороскопами по дням рождений читала много раз. Кое-что в ней настораживало. В первую очередь то, что знак зодиака Рак по названию совпадал с названием страшной болезни. Хотя родиться под этим знаком ещё ничего не значило. Главный врач больницы сразу же напрочь отверг какую-либо связь между указанной болезнью и соответствующим знаком Зодиака. В символах Раков «сердце» её устраивало, но не устраивали сам «рак» и «краб». Как и то, что на них сильное влияние оказывает Луна.

Маму из больницы забирала бабушка, папа Яны продолжал отмечать её появление на свет. Он даже не смог сходить в сельсовет за свидетельством о рождении дочери. За ним ходила бабушка Василиса. Получив его, она внимательно ещё раз прочитала, чтобы избежать ошибок: «Трифонова Яна Степановна... мать – Трифонова Дарья Валерьевна... отец – Родионов Степан Ефимович». Ошибка исключалась: папа с мамой жили в незарегистрированном браке. Регистрировать его мама обещала, когда папа бросит пить. Однако сделать это тот не мог по уважительной причине: виной оказалась война. Отец Яны попал в её пекло за два года до окончания. Однако смог привыкнуть не только к ужасам фронтовой жизни, но и к тем «ста граммам» для храбрости, что выдавали солдатам на фронте. Привыкнуть привык, а отвыкнуть так и не смог до самой своей смерти.

Девочка росла эмоциональным и чувствительным ребёнком. Такую необходимую ей в младенческом возрасте любовь со стороны членов семьи Яна получала только от мамы Даши и бабушки Василисы. Этого явно не хватало, и она со временем, год от года, всё больше уходила в себя. Сталкиваясь впервые в жизни с какой-либо проблемой, она отступала и, словно рак, пятилась назад. Хотя о том, что она родилась под этим знаком, до школы и в первые школьные годы, разумеется, понятия не имела. Об этом знала только её мама, но дочери не говорила. Чего она боялась, то и случилось: дочь стала расти по правилам своего знака.

В отличие от своих сверстников Яна росла молчаливой и таинственной девочкой. Не зная ласк отца, она тянулась к соседским мальчишкам старшего возраста. Однажды, когда ей исполнилось пять лет, Яна пришла вечером домой с улицы испачканной, её одежда пахла дымом от сигарет. Мама не стала её ругать, как и не стала спрашивать о том, где она и с кем гуляла. Только через неделю рассказала маме о проблеме с дымом, скрывать больше не стала.

Оказалось, что соседские подростки по вечерам ходят гулять в созревшую на полях, что начинаются сразу за огородами

сельчан, кукурузу. Их «гуляние» состоит в том, что они там, скрываясь от родителей, курят папиросы. Любопытная Яна проследила их путь и пошла в тот вечер следом. Просила её тоже научить курить. Учить, конечно, подростки не стали, боясь отца её, который часто в пьяном виде гонял их по улице, но дымом от папирос обкурили всю с ног до головы. После душевного разговора с мамой Яна не просила больше научить её курить. Никогда.

Соседские ребята зря боялись, папа Стёпа воспитанием дочери не занимался. Перед её поступлением в школу неожиданно бросил пить. Мама сдержала своё слово, и в первый класс Яна пошла уже как Родионова. Но вскоре злоупотреблять спиртными напитками отец начал снова. Загадку эту мама разгадала позже: он очень хотел, чтобы дочь пошла в школу с его фамилией. Боясь травмировать психику дочери, мама не стала возвращать Яне свою фамилию. Так и продолжала она учиться в школе с папиной фамилией.

Училась в школе она хорошо. Очень любила читать в свободное время книжки и решать математические задачи. Мама оставалась всегда довольна: дочь не находилась в списках ни среди отстающих, ни среди очень успевающих учениц. Вела себя на уроках и на переменах спокойно, тихо. Иногда учителя даже интересовались, глядя на неё: «В классе ли находится Яна?» – что не могло не сказаться на ней самой, молчаливо переносящей в своей душе все насмешки одноклассников. Часто из-за этого впадала в уныние. Особенно своими «шутками» доставал её одноклассник Тимофей. Ему бы не в школе учиться, а в цирковом училище, но его родители «по ошибке» отдали сына в обычную сельскую школу, где он стал, по сути, для всех одноклассников «клоуном». Если другие одноклассники за его «шутки» давали ему по шее, то Яна связываться с ним не хотела, терпела до самого окончания школы.

Как, впрочем, все эти школьные годы терпела она унижения и оскорбления и от одноклассницы Татьяны. Последняя жила по соседству. Ещё до первого класса показала себя до такой степени «разбойником с большой дороги», что мама Яны не пускала

дочь с ней в первый класс. Мама опасалась, и не без основания, что соседка, по возрасту на год старшая и по характеру – прямая противоположность, будет из-за своей злобы на белый свет издеваться над её дочерью. Только малочисленность класса в тот год и давление со стороны директора школы и РОНО заставили маму отдать Яну в школу. О чём она потом не раз сожалела, но сделать уже ничего не могла. Не оставлять же из-за сверхнаглой соседки-одноклассницы свою дочь в классе на второй год?

Самым обидным Яна считала то, что в соседнем ряду сидела за партой её первая любовь – Игнат Молчанов, но защитить он её не мог, да и вряд ли захотел бы: любовь оказалась безответной. Ответной она станет только на выпускном балу по окончании десятого класса. Да и то ненадолго.

В школьные годы Яна считала себя романтиком, мечтала об идеальной любви. Ещё с шестого класса заметила, сравнив всех своих одноклассников, что её идеалу любимого соответствует Игнат. Когда она дома вечером под настольной лампой читала в старших классах книжки про любовь, то Игнат Молчанов неожиданно «появлялся» без спроса на страницах прочитанных ею книг: и как Ромео, и как Дубровский, и как Андрей Болконский.

Что случилось с её «Ромео» на выпускном вечере, она не знала, но он подошёл к ней первым и танцевал только с ней. Продолжали дружить и поступив оба в разные техникумы, находящиеся в разных городах. Встречались в родном селе на каникулах. Сколько прошло встреч и поцелуев за эти четыре года, Яна не считала. Она была уверена, что первая её любовь навсегда. Так её учили прочитанные книжки. Но, как известно, между мечтами и реальностью иногда пролегает такая пропасть, что не каждый из неё может выбраться. Если бы она тогда знала, какой удар от разочарования в своём Игнате ей придётся испытать чуть позже, то на уроках в школе более внимательно смотрела бы по сторонам, выбирая для своего идеала другого одноклассника, сидевшего сзади через две парты. Увы, любовь слепа.

Размолвка с Игнатом – а по-русски говоря, предательство с его стороны – случилась неожиданно. На проводах Игната и его однокурсников в армию устроили танцы. Однокурсник Филипп пригласил Яну на танец. Игната рядом не оказалось. Когда следующим танцем объявили «белый танец», она, как обычно, подошла к своему любимому. То, что произошло потом, долго не могла восстановить в своей памяти.

Игнат, приревновав её к Филиппу, отказался с ней танцевать. Его пригласила на танец какая-то неизвестная девушка. По окончании танцев Яна подошла к Игнату, надеясь, что он её проводит домой: село погрузилось к этому времени во тьму. На вопрос Яны, почему он с ней так поступил, последовал молниеносный ответ: «Муж с женой расходятся, а мы кто с тобой?» Однако обиженная девушка в тот вечер одна домой в темноте не пошла, её пошёл провожать давно отслуживший в армии житель соседнего села Денис Воробьёв.

Из армии Игнат писал «извинительные» письма, но «поезд ушёл»: назло ему Яна вышла замуж за Дениса. Письма приходить перестали. Сожалела ли потом она, что рассталась с Игнатом? Нет. Сожалела ли она, что так необдуманно и быстро вышла замуж за нелюбимого Дениса? Да. Эти «Нет» и «Да» будут её преследовать всю семейную жизнь.

Яна словно по мановению волшебной палочки вновь окунулась в атмосферу того, что пережила в детстве. С небольшой лишь разницей: отец выпивал и до её рождения, муж же стал этим заниматься после рождения дочери. Рождение сына с разницей в пять лет как раз и связано с тем, что он временно пить прекратил. Но после его рождения всё стало на круги своя. Её дети, как и она сама когда-то, росли без отцовской ласки. Это при живом отце. Но Яна сделала невозможное: дети не только успешно окончили школу, но и получили высшее образование.

Совершила она ещё один незаметный подвиг: несмотря на нездоровую обстановку в семье по вине мужа, сумела, имея на руках двух несовершеннолетних детей, поступить в университет на заочное отделение и стать педагогом, обучая детей

в школе. Только тогда, когда дети стали взрослыми, обзавелись своими семьями, Яна подала на развод. Все эти годы жила только ради детей. Их брак давно уже превратился в простые штампы в паспортах.

Настоящую любовь она испытала, уже будучи на пенсии. Её, спустя десятилетия, разыскал тот одноклассник, что сидел в классе сзади, через две парты. Но эта любовь была уже запоздалой.

Я – НЕГРАМОТНЫЙ

Под Новый 1953 год рядовой пограничного отряда на советско-польской границе Лаврентий Бойко получил звание ефрейтора. За его спиной оставался год службы. Зарекомендовал себя пограничник с лучшей стороны: дисциплинирован, исполнительен, на его личном счету числилось несколько задержаний нарушителей государственной границы.

Через несколько дней его пригласил к себе начальник отряда:

– Поздравляю тебя, Лаврентий Павлович, с повышением в звании. Надеюсь, оно не последнее. Но при одном условии: что ты окажешь маленькую услугу вот этому товарищу.

Пограничник ничего не ответил, а только повернул голову назад. Там в роскошном кресле сидел с папкой в руках «товарищ» в форме пограничника с погонами майора. «Чего они от меня хотят?» – пронеслось в голове ефрейтора.

Когда хозяин кабинета вышел, незнакомец предложил пригласённому присесть рядом и попросил:

– То, о чём мы сейчас с вами будем разговаривать, должно остаться между нами. Вы меня поняли?

– А если ребята спросят, зачем меня сюда вызывали, что им отвечать?

– По поводу краткосрочного отпуска, например.

– Понял, товарищ майор, я вас внимательно слушаю.

Закурив сигарету, офицер достал лист бумаги и приготовился в него что-то записывать:

– Ваши фамилия, имя, отчество?

– Бойко Лаврентий Павлович.

– С таким именем и отчеством, Лаврентий, вам сам Бог велел нам помогать. Теперь ближе к делу.

Далее сотрудник госбезопасности нарисовал перед мысленным взором пограничника картину современного мира. Война-то окончилась победой Советского Союза, но враги, как внешние, так и внутренние, не успокоились. Ведут подрывную работу. Особенно опасны «враги народа» внутри государства. 1937 год, с его слов, хорошенько их «почистил», но появились новые. Большую опасность представляют для Страны Советов скрытые враги внутри компартии, армии и флота.

– Вам, товарищ ефрейтор, оказана высокая честь охранять священные рубежи нашей Родины, для этого она вам и вручила оружие, – продолжал майор. – Я ознакомился с вашим послужным списком. Вы смелый человек, неоднократно смотревший смерти в глаза. Поэтому не зря у вас на груди блещут две медали. Не сомневаюсь, прибавится со временем к ним и орден. А то и не один.

Бойко внимательно слушал восхваление в свой адрес, но никак не мог понять, к чему бы всё это? Как вдруг рассказчик открыто ответил на его вопрос:

– Одним словом, Лаврентий Павлович, предлагаем вам быть нашим секретным осведомителем.

У пограничника чуть было не вырвалось: «То есть стукачом?» – но он вовремя опомнился, прекрасно осознавая, кто перед ним находится. Решил прикинуться дурачком:

– А что я должен буду делать?

– Вот это уже хорошо, что вы этим интересуетесь.

Немного помолчав, майор продолжил:

– Как вам сказать? Всего предусмотреть нельзя, конечно. Но... Вы ведь на границе служите. Вдруг случайно услышите, что кто-то из ваших сослуживцев собирается махнуть на ту сторону. С собранной заранее информацией. Мы об этом должны знать. Или... кто-то в курилке отправит нехорошее слово в адрес

товарища Сталина. Это слово мы должны перехватить. Может, кто-то продолжает преклоняться перед Троцким, Бухариным и другими злейшими врагами Советской власти, которые в своё время понесли заслуженное наказание. Ну как, согласны? Берите вот бумагу, ручку и пишите автобиографию. Потом заполните вот эту анкету о сотрудничестве с нами.

Сначала Бойко написал автобиографию, которую чекист никак прочесть не мог.

– Вы что тут написали, ефрейтор? Я ничего понять не могу. Вас что, в школе не научили правильно, без ошибок писать тексты?

– Так точно, товарищ майор, этому помешала война. Я – неграмотный. Из-за этого меня и в комсомол не приняли. Я им тоже не смог написать свою автобиографию. Я, разумеется, осуждаю, например, троцкистов, но различить в человеке, кто он – троцкист, меньшевик, большевик, – не смогу. Уж простите меня, безграмотного.

– Да, ваша безграмотность усложняет дело. Но грамотность не нужна, когда вы слышите, к примеру, как кто-то рядом тихонько ругает самого товарища Сталина, всю Советскую власть. Как вы поступите в этом случае?

– Морду обидчику Иосифа Виссарионовича набью. Мало будет – добавлю.

После этих слов Лаврентия суровость с лица майора стала сходить, он заулыбался:

– Жаль, товарищ ефрейтор, что вы неграмотный человек, вы бы нам подошли на все сто процентов. Поверьте моему опыту, не каждый станет бить в морду за товарища Сталина или за Советскую власть. Вы, я вижу, преданный делу Ленина – Сталина человек. Продолжайте им оставаться и впредь. Можете быть свободны.

На следующий день ефрейтор-пограничник Бойко отбыл в краткосрочный отпуск к себе на малую родину. Тем самым доказав любопытным сослуживцам, что его вызывали в отряд по данному вопросу. Хотя ни окружавшие его пограничники,

ни он сам не знали, что на имя командования пограничного отряда накануне пришло письмо от мамы Лаврентия, в котором сообщалось о тяжёлой неизлечимой болезни его отца – бывшего бойца Первой Конной Армии. В письме мама убедительно просила командование отпустить на время сына домой попрощаться с родителем. Не будь письма, возможно, никто и не предлагал бы тому быть секретным осведомителем, а в просторечии – СТУКАЧОМ. Однако всё обошлось: смекалка и находчивость, выручавшие всегда Бойко-младшего, пришли на помощь и на этот раз. Помогло и то, что он и письма домой писал точно такие же, как автобиографию. С многочисленными ошибками. Иначе его номер у майора не прошёл бы. Выучиться грамоте ему, рождённому в одном из украинских сёл, попавших в годы войны в немецкую оккупацию, не пришлось. Читать крупными печатными буквами он ещё более-менее мог правильно. Но писать... никак не получалось. Когда ему односельчане говорили: «Учись дальше, Лаврентий», – отвечал: «А зачем? Время упущено. Трактор в поле меня и так слушается. Учиться необходимо в своё время в школьном возрасте».

Когда спустя годы дети спрашивали его: «А тот майор тогда кого-нибудь завербовал в стукачи из числа пограничников?» – отвечал однозначно: «Не знаю». И дети не обижались, они понимали, что страх у отца с того времени так и не улетучился. Он же, переживший и сталинскую, и хрущёвскую, и брежневскую эпохи, заговорил в полный голос только в годы Перестройки. Именно тогда уже внуки узнали о том вызове дедушки зимой 1953 года к майору госбезопасности. Узнали и то, что не всем удалось выкрутиться из той нехорошей ситуации, как их дедушке Лаврентию. С его слов, хотя осведомители те и считались «секретными», но порой с головой себя выдавали своими действиями, провоцируя антисталинские высказывания, но сами выходя сухими из воды – по понятной причине. До поры до времени.

Что касается Лаврентия Бойко, то он до самой своей смерти в начале двадцать первого века гордился тем, что не стал стукачом и не испортил биографий своим детям и внукам. Ведь, как

говорится, «всё тайное со временем становится явным». Лучше жить с чистой совестью, знать, что ты никогда не писал доносы, не предавал друга, сослуживца или просто человека, по неосторожности сказавших что-то лишнее. В любой ситуации прежде всего надо оставаться Человеком с большой буквы.

ЭМИГРАНТЫ

С началом Перестройки исчез негласный запрет на эмиграцию граждан СССР. Официально его как такового, разумеется, не существовало, но желающим выехать на постоянное место жительства за пределы Советского Союза чинились такие препятствия, которые, по сути, и являлись запретом. Больше всего ехали в Германию. Покидали Родину не только немцы по национальности, но и их вторые половинки, у которых деды и отцы в своё время въезжали в эту европейскую страну на танках Т-34.

В отдел кадров завода обратилась слесарь механосборочных работ Старостина Любовь Ивановна. Поздоровавшись, она молча положила на стол заявление.

– «Прошу уволить меня с работы в связи с выездом на постоянное место жительства в Германию», – прочитал кадровик. – Какое отношение твоя фамилия имеет к Германии?

– О какой фамилии речь, Анатолий Ефимович?

– Старостиной.

– Она в прошлом, уже месяц я Нойманн. Вышла замуж.

– Новый человек, значит?

– Не поняла...

– Немецкий язык я в школе изучал, да и в институте – немножко. Так, Любовь Ивановна, твоя новая фамилия с немецкого переводится.

Накануне кадровик Чернов получил от директора секретное поручение: любыми методами задерживать увольнение работников, решивших сбежать за границу. Дело вовсе не в политике. Тот ею не интересовался. У него горел план из Министерства, и, чтобы не вылететь с руководящего кресла, он как-то должен

был его выполнять. Работать становилось некому. Рабочие разбегались, как говорил герой одного известного фильма, «на все четыре стороны». Некоторые уехали на Север по вахте за длинным рублём, некоторые ушли в создававшиеся кооперативы, а основная масса желающих уволиться рабочих указывали в своих заявлениях одну и ту же причину: «выезд за рубеж». Ехали не только в Германию, но и в Израиль, и в другие страны.

Положив заявление Нойманн в стол, Чернов приступил к проведению профилактической беседы. Долго и упорно объяснял, что не патриотично, родившись в СССР, уезжать жить к каким-то немцам, которых его дед – рядовой стрелкового батальона – во время войны гнал от Волги до самого Берлина. Однако нажим на патриотические чувства результатов не дал. Пришлось перейти к плачевной ситуации на заводе. Планы большие, а станочников и слесарей не хватает. Не ему же, кадровику, становиться вместо Старостиной-Нойманн на конвейер? Последнее высказывание вызвало на лице работницы улыбку.

– А почему бы и нет, Анатолий Ефимович? – спокойно задала вопрос она. – Вы же моего нынешнего мужа, инженера-технолога, посылали в прошлом году на месяц на конвейер.

– Прости, Любовь Ивановна, ситуация требовала. Но скажи ему, пусть возвращается обратно на завод. Я даю гарантию, что туда он больше не попадёт.

– Смейтесь? Он уже вторую неделю чемоданы пакует и меня торопит.

Кадровик замолчал. Просто не знал, как себя вести. Он хорошо помнил, как в прошлом году к нему на приём по личным вопросам приходил ведущий инженер-технолог Михаил Нойманн с жалобой на начальника отдела, направлявшего его согласно приказа директора на месяц на конвейер. Как помнил и то, что он же ему в грубой форме отказал: «Приказ надо выполнять. Мы не на базаре». Потом он поинтересовался:

– И что вы там с мужем делать будете? Здесь ты – слесарь квалифицированный, он – дипломированный инженер, а там кем будете?

– У мужа там родители. Уезжаем по программе Германии на соединение семей. Правда, они сейчас безработные, но денежные пособия получают такие, что я их у вас на заводе и за год не получу. Жить можно припеваючи.

– А сами-то где собираетесь работать, или хотите жить припеваючи, не работая?

– Я уже присмотрела место уборщицы в супермаркете, а муж – там же грузчиком.

После этих слов кадровик рассмеялся так сильно, что в кабинет зашли удивлённые некоторые сотрудники. Поняв, в чём дело, они минуту смеялись сами, а потом вернулись к себе на рабочее место.

– Анатолий Ефимович, что вы тут цирк устраиваете? – спросила возмущённая Нойманн. – Подписывайте заявление, и я пойду оформлять увольнение.

На том и расстались. Чернов ещё долго сидел и думал: а как бы он поступил на их месте? Однако ничего придумать не смог. И пошёл на обед в столовую.

Вернувшись обратно, увидел в коридоре токаря шестого ряда Таненбаума Льва Давидовича с какой-то бумагой в руках. Что это, он, конечно, догадался.

«Не в Израиль ли собрался?» – подумал про себя Чернов.

Опасения кадровика подтвердились, когда тот поведал свою невесёлую историю.

Жила-была семья Таненбаумов, жена работала в торговле продавцом, муж на заводе – токарем. Через три месяца глава семьи собирался отметить свой 60-летний юбилей. Дочь тридцати лет к этому времени успела сменить двух мужей, оставшись одна с несовершеннолетним сыном. Жила с родителями. Недавно познакомилась с парнем двадцати пяти лет, который неожиданно для неё уехал с родителями в Израиль. Но переписка продолжалась. Дочь начала проводить семейную кампанию по переезду за границу. Мать у неё по рождению русская. А поэтому «добрые люди» из числа разведённых подруг посоветовали ей «обработать» отца, которому посольство

Израиля даст зелёный свет, не моргнув глазом. И дочь обратку начала.

Со слов самого Льва Давидовича, о переезде на родину предков он никогда не мечтал, его вполне устраивала безбедная жизнь в Советском Союзе. О его жене и говорить нечего. Однако дочь Нона сделала всё по-умному. Непонятно, правда, каким образом, но она «перетащила» мать на свою сторону. Оставался отец. Устоять против двух близких ему людей глава семьи не мог. Не дожидаясь юбилея, тот дал согласие на переезд в Израиль.

– Печальная история, Лев Давидович, мне тебя жалко, – признался кадровик. – Но ты нас не забывай, пиши письма. Особенно в том случае, если тебе там не понравится.

Когда увольняемый вышел из кабинета, в него зашла секретарь:

– Анатолий Ефимович, вы не забыли? Наш отдел сегодня по графику дежурит в ДНД, – улыбаясь произнесла она. – Может, меня освободите сегодня? – жених из армии приезжает...

– Разумеется, Даша, иди встречай. Не забудь только меня позвать на свадьбу.

Вечером, в 19 часов, в общественном пункте охраны порядка дружинники собрались на дежурство и ждали участкового инспектора, который должен провести с ними инструктаж. Пришлось ждать лишних пятнадцать минут. Появившийся старший лейтенант милиции Мельников начал с извинения:

– Прошу прощения за задержку. Сегодня у меня последний день работы. Готовился к отъезду.

– Счастливо, лейтенант, отдохнуть в отпуске. Едете с женой и детьми? – раздался чей-то голос.

– С женой и детьми... только в бессрочный отпуск. Уезжаем на постоянное место жительства в Германию. Жена у меня прибалтийская немка. Вот и решила поехать, когда это стало возможным, жить к своим родителям, перебравшимся в Германию. Я русский, но что мне делать? Их трое, а я – один. Три – ноль в их пользу. Не знаю, может, и пожалею со временем, но сейчас у меня просто другого выхода нет. Надо ехать.

Проинструктировав дружинников, участковый ушёл, а последние сидели и задумались.

– И куда они всё едут? – нарушил молчание командир ДНД отдела Чернов.

Никто ему не ответил.

Прошло полгода. Чернов, подписав у директора документы, пошёл с ними в канцелярию. Передав их заведующей канцелярией и уходя, услышал:

– Анатолий Ефимович, не забудь забрать почту. Там тебе три письма. Извини только меня, добрый человек, внук у меня марки собирает. Пришлось мне их «конфисковать», они же иностранные. Вот обрадуется.

Возвратившись в свой кабинет, кадровик открыл первый попавшийся конверт.

«Добрый день, Анатолий Ефимович, пишу, как ты и просил при нашем расставании, – сообщал Таненбаум. – Мне действительно здесь не нравится, но я, поддавшись на уговоры жены и дочери, сам выбрал свою судьбу. Винить некого. Что будет, то будет...»

Не дочитав до конца, он раскрыл второй конверт. Письмо пришло от Нойманн. В нём содержалось всего несколько строк: «"Всё хорошо, прекрасная маркиза". Приезжайте, Анатолий Ефимович, к нам в гости, баварским пивом угощу». Прочитав, Чернов заулыбался и подумал: «Любовь Ивановна – человек с юмором. Не потеряла его и вдали от Родины. Надо же...»

Положив письма в стол, он услышал из соседнего кабинета:

– Анатолий Ефимович, напоминаю, вы сегодня снова идёте на дежурство ДНД. Но на этот раз без меня. Сами понимаете, мне нельзя.

Инструктаж дружинников проводил молоденький лейтенант милиции, сменивший Мельникова. О происшествиях в микрорайоне дружинники слушали так себе, но с удовольствием послушали о судьбе бывшего участкового-эмигранта. В местную полицию его не взяли. И не обещали. На хорошую работу тоже

не пригласили. В настоящее время он работает на бензоколонке. Разнорабочим.

– Едут, едут, как будто за манной небесной, а что в итоге? «Бери больше, кидай дальше», – прокомментировала информацию участкового пожилая женщина-дружинник.

Никто спорить с ней не стал.

ТУРИСТЫ

В воскресный июльский день 1990 года на пляже у Чёрного моря, как говорят, яблоку негде упасть. Июль – пора летних отпусков. В этот южный город съехались (на поездах, автобусах и личных автомобилях) и слетелись (понятно, на самолётах «Аэрофлота») со многих уголков необъятного Советского Союза много организованных и неорганизованных отдыхающих. Имя которым – туристы. Однако не у всех туристов одинакова цель – путешествие.

Руководитель группы из одного сибирского городка Минаева на этот раз осталась довольна туристами. Прилетели, поселились в частном секторе (из-за нехватки мест в гостиницах города), никто не возмутился, хотя на две недели лишались всех удобств, которые имели дома в своих квартирах. Неудобства компенсировались тем, что до пляжа рукой подать. Одна из предыдущих групп так измотала её претензиями по проживанию, что пришлось потом две пропустить.

Марианна Васильевна давно жила на пенсии, но продолжала работать в туристической фирме своего города. До этого работала в местной библиотеке. Когда стала работающей пенсионеркой, умер муж, детей не имели. Сидеть одной в квартире – в четырёх стенах, как она выражалась, скучно. По поступлении в туристическую фирму больше скучать не пришлось. Дома стала проводить только свой очередной отпуск. Остальное время сопровождала группы в поездках по стране. Работа нравилась. Ещё бы: ехать отдыхать бесплатно и за это получать ещё и заработную плату. «Не жизнь, а малина».

Одессу Минаева любила, ни одного ЧП ранее у неё в группах не было. Если, разумеется, не считать возмущение некоторых неудобствами по проживанию. Но, как говорил герой одного известного советского фильма: «Не было, так будет». Неприятности начались уже на следующий день, когда утром в кафе не пришли две туристки, которым исполнилось по восемнадцать лет.

Римма Сорокина и Галя Лобанова поехали искать себе женихов на юг к морю. Он манил их не только морскими волнами и палящим солнцем: мечтали остаться в этом городе, а не проживать всю жизнь при сибирских лютых морозах. В первый же день две подружки, купаясь в море, названном почему-то Чёрным, а затем загорая на морском песочке, мечтали встретить там свою судьбу. Таких желающих на пляже в воскресный день загорало много, и их просто никто не заметил.

После ужина они долго с разрешения хозяйки частного дома смотрели телевизор. Когда семидесятилетняя старушка, страдающая от бессонницы, пришла и отправила их спать, девушки в свою комнату не пошли, сказав при этом, что на улице будут дышать свежим морским воздухом. Надышавшись им, они не могли ничего лучше придумать, как пойти при луне купаться в море, никого не предупредив. В том числе и поселившуюся в соседнем доме старшую группу.

На пляже стояла ночная тишина. Стесняться некого, и они, полностью раздевшись, пошли играть с морскими волнами. Наигравшись и вернувшись на песок, своей одежды не обнаружили. Кто её забрал, установить не удалось. Возвращаться пришлось без одежды. В это время мимо пляжа проезжал милицейский экипаж. В котором они и оказались. Без документов и одежды. За кого их милиционеры приняли, легко догадаться. Отпустили только к обеду следующего дня, когда Минаева принесла им другую одежду, паспорта и заплатила за них штраф.

Через несколько дней туристы поехали группой в соседний город. Как ни инструктировала провинившихся туристок старшая, вечером при возвращении обратно их в автобусе не оказалось. Места пустовали, как пустовали ещё два места в конце

салона. Водитель ждал ещё полчаса, больше не мог: у каждого своя работа. Тем более что водитель отвечает за безопасность пассажиров только в пути при движении, а за то, сколько их находится в салоне, – старший группы. В данном случае Минаева. Если бы не оказалось только двух девушек, то она, возможно, осталась бы их дожидаться, а возможно, и нет. Они же проинструктированы о правилах поведения в группе. Но поскольку не оказалось и двух молодых людей в возрасте лет двадцати, то она дала команду водителю:

– Едем, ждать больше не будем. Если я начну бегать за каждым туристом или туристкой, то меня, сами понимаете, надолго не хватит.

Автобус тронулся, но через пару улиц остановился.

– Вроде как ваши машут? – сказал водитель и открыл переднюю дверь. В неё заскочили два парня из группы. Без девушек, что привело в растерянность Минаеву: «А где Римма и Галина?»

– Понятия не имеем. Мы с другими девушками познакомились, провожали их домой и маленько задержались, просим нас простить. Но сразу предупреждаем, домой с группой не вернёмся, отпуска у нас ещё не заканчиваются, мы заскочим к нашим новым знакомым и проведём с ними время.

Что касается девушек, то в группе они так и не появились. Милиция оказалась бессильной помочь старшей группы. Только через несколько лет их следы обнаружатся в Турции, но будут они уже не Римма и Галина. Что искали, то и нашли, только далеко за пределами родного города, где родились и выросли. Как они туда попали, осталось загадкой. Возможно, переплыли Чёрное море. Чего ради любви не сделаешь?

Неделя отдыха пролетела быстро, оставалась в запасе ещё одна. Сорокапятилетняя Ульяна, отправляясь на юг отдохнуть, не собиралась изменять мужу, с которым прожила в любви и согласии двадцать пять лет. Вместе с ним вырастили сына и дочь, успели понянчить внуков. Если верить популярной песне, то в сорок пять она притягивала к себе на пляже лиц мужского пола как магнитом. Неделю отбивалась от них как могла. Однако золотой

песок, красивые морские волны и южное ласковое солнышко над головой сделали своё не очень доброе дело.

Ульяна не умела плавать, но случайно оказалась там, где ноги морского дна уже не доставали. Стала тонуть. От испуга не могла кричать. К счастью, рядом оказался мужчина лет пятидесяти, который, поняв, в чём дело, вытащил её на берег. Ярослав Степанович (так он представился) считался местным жителем. Женщина, придя в себя, поблагодарила спасителя. Тот же предложил в знак благодарности поужинать с ним вечером в ресторане у моря. После некоторых раздумий она согласилась.

«Подумаешь, поужинать в ресторане, – мелькнула мысль в её голове, – что тут такого? Да и откуда муж узнает?»

Ресторан отмечал свой юбилей. Присутствовали и фотокорреспонденты газет. Устроили танцевальный конкурс. Победителем стала пара Ярослав и Ульяна – в своей возрастной категории. Сразу же их стали фотографировать: корреспонденты хлеб зря не едят. По окончании юбилейных мероприятий и не дожидаясь закрытия ресторана наши знакомые пошли гулять по ночному городу, освещённому огнями ночных фонарей. Ярослав проводил свою подругу прямо к дому, где она проживала на время туристической поездки. На прощание он её крепко поцеловал, сделал предложение выйти за него замуж, поскольку с женой они разбежались пять лет назад. Ульяна же от поцелуя не отказалась (виной тому выпитый в ресторане коньяк), но предложение отклонила:

– Меня дома муж дожидается.

Ярослав возражать не стал, они расставались друзьями. Как оказалось, не надолго.

Утром, по пути на работу, Ярослав купил в киоске свежие утренние газеты. Развернув одну из них прямо в троллейбусе, увидел... себя и Ульяну. Фотограф запечатлел их радостными победителями конкурса в момент поцелуя. Отработав смену, он повёз газету Ульяне.

Поблагодарив Ярослава за газету, она тем не менее сообщила, что взять её с собой не может.

– А если увидит муж, что тогда?

– Ладно, я заберу газету обратно, – ответил её знакомый, вышел на улицу и скрылся за поворотом.

Здесь, за поворотом, его догнала женщина, показавшаяся ему знакомой. Она сидела в комнате и присутствовала при его беседе с Ульяной.

Алина Бударина проживала с Ульяной в одном доме, была таковой же туристкой, как и она сама.

– Дайте мне, пожалуйста, эту газету, – попросила женщина.

– Зачем?

– На память.

Ярослав молча отдал ей газету и пошёл дальше.

Когда группа вернулась в родной город, Ульяну пришёл встречать муж.

– Как отдохнула, Ульяна, любовника там не завела? – улыбаясь, спросил супруг.

– Васенька, ты за кого меня принимаешь?

– Шучу, любимая.

Оказавшись в квартире, она пошла в душ, сказав при этом: «Вася, открой мою сумку и посмотри на фото нашей группы на фоне волн Чёрного моря». Муж так и сделал, но, доставая фотографии со дна спортивной сумки, обнаружил под ними газету. Достал и её, подумав, что в газете, вероятно, что-то есть интересное. И не ошибся. Посмотрев фотографии и не переставая любоваться своей милой супругой на них, Василий развернул газету и замер. В это время жена возвратилась из душа.

– И как я выгляжу на фото, Васенька? – ни о чём не подозревая, спросила Ульяна.

– Сейчас узнаешь.

Встав с кресла, он подошёл к жене и стал бить газетой её по лицу. Последняя закричала так, что сбежались соседи. Увидев фото в газете, они, сочувствуя соседу, тихонько разошлись по своим квартирам. В тот же день Василий подал в суд исковое заявление о расторжении брака в связи с изменой жены. Через положенное время суд брак их расторг.

Только после того как бывший муж Ульяны стал жить в гражданском браке с Будариной, она поняла, каким образом та злополучная газета попала в её сумку, а потом и мужу в руки. Но доказать ничего не смогла. Для Василия главным обвиняющим жену в измене документом являлась фотография в газете. От того поцелуя неизвестно с кем на фото Ульяна отвертеться не смогла. И не раз сожалела, что пошла на поводу на работе у своего председателя профсоюзного комитета и выкупила горящую путёвку на юг. Путёвка и на самом деле оказалась «горящей», ибо в её «огне» сгорела благополучная семейная жизнь.

г. Коломна, Московская область
10 класс, творческое объединение «Пегасик»

ДО СТАНЦИИ СЧАСТЬЕ...

*И вновь отправляю я поезд по миру.
Я рук не ломаю, навзрыд не кричу.
И мне не навяжут чужих пассажиров —
Сажая в свой поезд кого захочу...*

В. Высоцкий

Каждый день со станций дальнего следования отправляются поезда, спешащие доставить пассажиров к месту назначения. У каждого свой маршрут. Неожиданно тихо зазвучало «Катится, катится голубой вагон...»

Вот и мне представилась такая возможность. В купе потихоньку улеглась суета, участники путешествия разложили чемоданы и сумки, и в окно заглянул солнечный луч, провожая нас. Поезд становился нашим домом, а купе — квартирой, и предстояло подружиться с соседями, вчера ещё абсолютно незнакомыми людьми разного возраста, рода занятий.

Огромный дом на колёсах. Он везёт нас по жизненному пути от станции к станции. И человек выходит на своей остановке, где поджидают испытания. Счастье или горе несут они?

У каждого свои причины отправиться в дальний путь. В дороге быстро знакомятся, можно, не называя имени, поведать о себе и своих тревогах, получить важный совет или оказаться в роли неожиданного помощника...

Девушка-студентка едет домой к родителям в родной Дагестан на каникулы. Её удивительные рассказы о горном крае, где она выросла, о маме и братьях, о будущей профессии юриста и о том, как научиться помогать людям по совести и по закону, решая бесконечные жизненные проблемы, вдохновляют каждого из нас. И незаметно сближают. Напротив девушки на краешке нижней полки сидит, словно спрятавшись в раковину, завернувшись в плед, неулыбчивый мужчина. Он молчит, прячет глаза

и словно чего-то боится. Но вот и он хриплым от долгого молчания голосом бросает пассажирам несколько отрывистых фраз. И как будто ему протягивают руки навстречу, задавая вопросы, чтоб не так мрачно было у него на душе. Его предала любимая женщина, и теперь он, оставив всё, едет в другой город, чтобы начать жизнь заново. Можно ли это, если каждый наш день – продолжение прежних связей, дел, слов? Как заставить поезд жизни перейти на другие рельсы?

Этот поезд – временный дом, хрупкое спасение от боли и страданий, надежда. «Оттаивая» за разговором и горячим чаем, мужчина так хочет поверить в то, что здесь его никто не предаст...

Близкие люди, оказавшиеся в разных купе. Почему же никто не хочет поменяться местами? Даже полку предлагают нижнюю. Диалог длится под стук колёс, иногда голоса становятся громче, и мне кажется, колёса тоже сердятся на людей, не желающих понять друг друга.

Бледная женщина, которая часто выходит курить в тамбур. Наверное, у неё тоже темно на душе. А невидимая надежда тихо идёт по вагону, заглядывает осторожно в купе, читает по лицам и глазам...

Поезд преодолевает свои подъёмы и спуски. Долгий интересный путь. Путь жизни. Солнце то скрывается за мелькающим вдали лесом, то вновь обгоняет, будто прокладывает дорогу. А поезд торопится доставить каждого к единственной остановке, название которой Счастье.

г. Коломна, Московская область

МОЕЙ БАБУШКЕ

Я не видела деда.
    Меня не было вовсе на свете,
когда пуля сразила его на излёте.
Он погиб в 43-м.
    Такой молодой на портрете...
Воевал он в пехоте,
    да, в самой обычной пехоте.
А вдове – тридцать два,
    а девчонкам – двенадцать, пятнадцать.
Что же делать теперь?
    Надо как-то с детьми выживать.
Всё на рынок снесла
    то, что в доме сумело остаться,
да и было немного,
    и нечего больше продать.
Были хлебные карточки –
    самая главная ценность,
но украли и их
    в равнодушной, голодной толпе.
Может, петлю на шею
    и кануть в прохладную вечность?
Только детские руки удержали её на земле.
А потом – вдовий век.
    Хоть ещё молода и красива,
замуж вновь не пошла.
    Так и быть ей до срока одной.
И осталось лишь фото,
    где все молоды, счастливы, живы,
и ещё не накрыло их жизни
    той,
        Великой,
        войной.

*г. Коломна, Московская область
10 класс, творческое объединение «Пегасик»*

Я ОБЕЩАЮ РАССКАЗАТЬ СВОИМ ДЕТЯМ...

Я обещаю рассказать своим детям
О войне, что началась в сорок первом...
Я обещаю рассказать своим детям
О слёзах народных – горе безмерном.

Расскажу им о Ленинградской блокаде,
О фашистах, не имеющих сердца,
О дымных восходах, кроваво-косматых,
И о смерти хладной в глазах недетских.

Расскажу о страданиях материнских,
О лишённых радости днях сиротских.
И о голоде...

Вечном страхе за близких.
Неизвестности... Жив? Когда вернётся?

Расскажу о бойцах на Дороге жизни...
А слова живые сердце отыщет...
Разговор будет долгим, горьким и чистым –
О любви, войну победившей!

**Светлана
Черникова-Чернокожих**

п. Газопровод, Липецкая область

ДОМ ДЕТСТВА

Дом детства... Дверь в нём нараспашку,
Скрипящие ступени, пол прогнил,
Висит на стуле в клеточку рубашка...
Её мой папа много лет носил...

Его всегда я по походке узнавала,
Едва-едва увижу силуэт,
И со всех ног срывалась и бежала,
Светло он улыбался мне в ответ...

В его руке тонула моя ручка,
Я рядом с ним, высоким, – лилипут.
Кулёк конфет он приносил с полочки,
А радости – как будто целый пуд...

Дом детства... Дверь в нём нараспашку,
Но папа уж не встретит никогда...
И надо спрятать бы его рубашку,
Да без неё наш дом – как сирота...

УЮТНО ТИКАЮТ ЧАСЫ

Уютно тикают часы,
И чайник засвистел на кухне,
Да тени длинные усы
Щекочут пятки рыжей кукле –
От смеха задрожали букли...

А цепкие, как клещи, руки
(У тени пальцы узловаты)

Попрятали в углы все звуки,
И только чайник виновато,
Свой звук прервав витиеватый,

Пустил из носика парок
И, до краёв наполнив чашку,
Угревшись, задремал, замолк...
И солнышка лучи отважно
Проникли в уголочек каждый!

ГРУСТЬ

- Ты послушай, как лес тихо плачет о лете...
- То не лес... То душа моя слёзы роняет... и грустит, и болит о любви...
- Слушай, слушай... Дятел так барабанит тревожно по стволу одинокой и старой сосны...
- То не дятел, не дятел... Это сердце моё всё зовёт и зовёт, хоть давно уж не слышит ответа...
- Ты послушай, как ветер кудри белых берёзок ерошит...
- Нет... Не ветер... То вздох мой счастливый, что любовь в моей жизни была...

ВЕЧЕР НА ДАЧЕ

Подбирается осень неслышно,
Словно крадучись, словно тайком...
Зажелтели уж листья у вишни,
Паутина повисла платком...

Меньше всё урожая на грядках,
Он перекочевал в закрома...
По привычке или для порядка
Мы спешим к палисаднику мальв,

Гладиолусов, астр, георгинов,
К гамаку, одинокому креслу,
К неказистому дому в осинах,
К милой даче – любимому месту...

Ввечеру попью чай в беседке,
Зябко кутаясь в тёплые пледы,
Сожалея, что будут уж редки
Задушевные наши беседы...

СЧАСТЛИВЫЙ ВЕСЕННИЙ СОН

В счастливом сне смотрела молча на весну –
Не стоя во дворе, а глядя из окошка...
На подоконнике фиалки, как в плену,
Цвели... Из ящика тоскливо и сторожко

Через стекло они взирали на простор,
Что расстилался радостно и смело...
И был он бурым, а ручьи во весь опор
К реке бежали меж проплешин белых –

То снега мокрого белели островки...
А рама – ветхая... С «заплатками» на стёклах...
Напор молодой весны сдержать ей не с руки,
И пробирался в щели воздух терпкий, тёплый,

И полнил комнату весенний аромат,
А в доме слышен был родных негромкий говор...
Проснулась, слушаю... А на меня глядят
Глаза из прошлого... И засыпаю снова...

БАБОЧКИ В ЖИВОТЕ

Снизка сушек, как монисто...
Самовар подставил шею,
Испускает свет лучистый...
Подстаканник руку греет...

Аромат струится кверху,
Облаком плывёт по кухне,
Бабушка несёт десерт нам –
На подносе горкой пухлой

Пирожки лежат с повидлом,
С творогом, ещё с капустой...
Аппетит у нас завидный,
И поднос уж скоро пуст... Но

У бабули есть в запасе
Ещё вкусная шарлотка...
Детство – это радость, счастье...
Даже «в животе щекотно»...

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ПАМЯТИ

Утром куча оладьев
С парным молоком...
И гонять без пригляда...
Бабушка далеко –
В поле тяпает свёклу,
Повязавшись платком
От палящего солнца...
Но к обеду вернётся...
На обед суп-лапша –
Горяча, хороша.
И какао в щербатой кружке,

И пампушки...
И до ужина свободна, как ветер,
И несёшься из дома ракетой
На лужок за ягодой спелой...
А потом толпой оголтелой,
Бесшабашной и смелой,
В пруд с разбега нырять...
А домой с аппетитом отменным,
Вся в царапинах непременно,
Чтоб поесть и, с желанием спать,
На кровать из соломы упасть...
И ещё минут пять хохотать,
Брата или сестру щекотать
И под бабушкино: «Вот я вас!» –
Моментально прищурить глаз
И с улыбкой в сон провалиться...
В детстве так безмятежно спится...

КРАЙ

Край – начало ли? Конец?
Буква первая? Венец?
Может, дом родимый он?
В праздник колокольный звон?

Иль дорога от крыльца?
Пусть не видно ей конца,
Но ведёт к другому краю,
Горизонт его скрывает...

Любопытен, интересен,
Оттого что неизвестен,
Этот, так влекущий, край...
Вырос. Дом родной, прощай...

Годы мчатся неустанно,
Но с годами, как ни странно,
Постаревший и усталый,
Рвёшься в край, что был началом.

Дом уже пустой и ветхий,
Из окна – сирени ветки,
Что пробилась через пол...
Ну, садись, коли пришёл,

На пенёк от старой груши,
Колокольный звон послушай...
Путь большой – из края в край,
Чтоб понять, что здесь был рай...

ЖИТЬ ОЖИДАНИЕМ

Война забрала – и нет солдата,
И обнищала, остыла хата,
И слёзы льёт старушка-мать...
Нет ничего...
Ни дать, ни взять...

И род его остановился,
Не полюбил он, не женился,
Не нарожал детишек кучу...
Не жди дождя,
Ушла коль туча...

Сыночка своё не устала ждать,
На каждый стук поспешает мать.
Годы уже не считая,
Она живёт –
Ожидая...

СТОЛЕТНИЙ ДОМ

Столетний деревянный дом,
Сто звуков поселилось в нём...
Преобладают скрип и треск,
Шуршаний два десятка есть...

Скрипит несмазанная дверь,
На окнах ставни, колыбель,
Рассохшийся неровный пол,
И шкаф, и стул, и круглый стол...

Трещат обои на стенáх,
Дрова в печи, опять же – шкаф,
Трещат сверчки за старой печкой,
Трещит, стреляя воском, свечка...

Шуршит газета на окошке,
Шуршит, играя, Мурка – кошка,
И мыши в подполе шуршат,
И мухи на окне жужжат...

Столетний деревянный дом,
Сто звуков поселилось в нём...
Сто первый – голос мой: «Привет!
Бабуля, кошка, дом в сто лет!»

ДЕДОВА ПИЛОТКА

Лето... Жарко, сухо, душно...
Бабушка на солнце сушит
Вещи все из сундука –
Моль не съела их пока...

Кофты старые и платья,
Скатерти, салфетки... Гляньте!
Это что там в узелке
В самом дальнем уголке?

Дедов китель и пилотка!
Замер и глядит Володька,
Отвести не может взгляд...
Он же будущий солдат!

Ах, примерить так охота
Дедов китель и пилотку...
И, пока сушились вещи,
Внук весь день кружился здесь же...

Бабушка, заметив это,
Позвала: «Володька, где ты?
На, примерь... Дед был бы рад...»
Внук надел. Кричит: «Отряд!

Смирно! На меня равняйся!»
Шаг чеканит... Раз-два-раз!
Целый вечер гарцевал,
Всем покоя не давал...

И уснул в пилотке внук...
Сделала потише звук,
Вовку бабушка раздела
И опять к экрану села –

Фильм любимый «Офицеры»
Просмотрела вечер целый...

СУДЬБА

Казалось бы – тебе никто не нужен,
Живёшь – назло как будто, вопреки
Законам, смыслу... Да ещё к тому же
Бездумно, бесшабашно... далеки

Те дни, когда была девчонка рядом,
Но ею вовсе ты не дорожил...
Уехала, сбежала безоглядно.
Нé провожал... И нé остановил...

Но всё ж ждала и плакала ночами...
Приехал с другом. А потом пропал...
Другой околдовал её речами,
Другой её женой своей назвал.

А ты бродил по жизни злой и пьяный.
Она же наблюдала со стены,
С портрета, – неусыпно, неустанно,
Глазами вашей давешней весны...

И вот однажды ты сменил прописку,
Ушёл из этой жизни в мир иной –
И потерял портрет сиянье, искру...
И женщина вдали шепнула: «Ой...»

СВЕТ ЗАЖЖЁННОЙ МАМОЮ ЛАМПАДКИ...

Шёл человек навстречу ветру, буре,
Казалось, что не ждут, что все уснули,
Но этот «А» сопротивлялся, спорил,
Упорно двигался он лесом, полем...

И знал, и верил, не терял надежды,
Что где-то «Б» бредёт, прикрывши вежды,

И встреча будет рано или поздно...
И кончилась метель... Открылись звёзды...

И завиднелся вдалеке посёлок,
И ветер стих, и огонёк весёлый
Затрепетал в окошке ближней хатки...
То свет зажжённой мамою лампадки...

ВО СНЕ, НЕ НАЯВУ, ЖИВЁТ...

Уже седой, есть дети, внуки,
Не стало год назад жены...
И он живёт концом разлуки,
Все мысли ей посвящены...

Он до сих пор – глаза закроет
И сразу перед ним она –
Лицо смешливое, родное,
И глаз зелёных глубина,

И локон – рыжий и игривый,
Своею жизнью будто жил,
Скакал пружинкой шаловливой
И вот уже кольцом лежит...

И открывать глаза так трудно,
Как снова потерять её...
Но заставляет себя – нужно
До ночи скинуть забытьё...

А ночью снова будет молод
И счастлив... Как он ночи ждёт!
День пробежать быстрее молит...
Во сне, не наяву, живёт...

г. Владимир

ИМЯ ЕЙ ВЕРА

Создано на основе рассказа Михайловой Веры Васильевны о своей жизни. Посвящается всем труженикам тыла.

Вера родилась девятнадцатого сентября тысяча девятьсот двадцать четвёртого года в селе Сарыево Вязниковского района Владимирской области. Однако в свидетельстве о рождении записали двадцатое сентября по ошибке секретаря. Так получилось, что день рождения девочка праздновала целых два дня.

Вера была старшей среди шести детей. На её плечи легла часть хозяйственных забот и воспитание братьев и сестёр. Приходилось помогать матери. Хотя Анна Афанасьевна и была домохозяйкой, но дел масса, одной не управиться. А дочь, пусть и маленькая, всё же подмога. Правда, ей ещё и в школе надо было учиться, уроки выполнять. Тут главное – грамотно распределить время, тогда всё успеешь.

Василий Фёдорович трудился на прядильной фабрике имени Карла Маркса. Пришлось поработать и заведующим столовой, и бухгалтером. Жила семья, как и многие в то время, в двухквартирном одноэтажном домике. Жили тяжело, бедно, но дружно, в любви и понимании. Конечно, приходилось себя в чём-то ограничивать, от чего-то отказываться, но иначе никак. Семья-то большая.

Заботясь о своих младших братьях и сёстрах, Вера училась их воспитывать, находить общий язык, понимать характеры. И никого не удивило, что она впоследствии выбрала профессию учителя и поступила в педагогическое училище. Ей пришлось покинуть отчий дом и отправиться в Вязники.

Неожиданно в размеренную жизнь миллионов людей пришло известие о Великой Отечественной войне. Стали приходиться повестки из военкоматов, призывали на фронт. Василий Фёдорович оказался в числе тех, кто ушёл и не вернулся. Он навечно остался лежать на полях сражений. Так не стало прежней семьи.

Вера на всю жизнь запомнила тот день, когда узнала о том, что началась война. В сорок первом году девушка перешла на последний курс педучилища. Утром подметали пол. Вдруг услышали шум, выглянули в окно. А там, у столба, где находился рупор радио, собрался народ. По радио в тот момент объявили печальное известие.

Студентов мобилизовали рыть окопы, убирать картофель. Здание педучилища заняли под госпиталь, а девушек распределили по школам города. Тех, кто постарше, взяли на фронт, а младших отправили на курсы санитарок и направили в госпиталь ухаживать за ранеными. До обеда они учились, затем шли в госпиталь, чтобы делать перевязки, разносить лекарства, кормить и поить раненых, писать письма их родным, мыть посуду, полы, выступать с номерами художественной самодеятельности. Каждый раз солдаты встречали их словами: «Сестрёнки пришли!» – и искренне им радовались.

За это время Вера с другими девушками видели большое количество смертей, разного рода ранений, крови, ужаса, страданий. Эта боль навсегда осталась с ними, в их памяти. Это действительно страшно, поскольку происходило в настоящей жизни, а не в книгах или кино. Эти картины нельзя забыть. Всё случившееся за время работы в госпитале отложило сильный отпечаток на характер студенток, заставив быстро повзростеть.

После того как муж отправился на фронт, Анна Афанасьевна пошла работать на фабрику. Шесть человек детей, их надо содержать. Да и кому теперь работать-то в тылу, как не женщинам, старикам да детям? Мужчин нет. Оставшимся дома ребятам приходилось обслуживать себя самим. Старшие учились, младших отводили в детский сад. Их матери сутками не выходили с фабрики. Еду им приносили к воротам.

Двадцать четвёртого июля тысяча девятьсот сорок второго года Вера окончила Вязниковское педучилище. С пятнадцатого августа её назначили учительницей во Внуковскую начальную школу.

Во Внуково из Владимира пришла пешком. В деревне никого нет. На дворе август, все в поле. Вечером же, после окончания работ на полях, все окна Вериной комнаты были облеплены любопытными лицами: «Учительница приехала! Какая-то девчонка».

Веру назначили заведующей школой, которая располагалась в частном доме. Два класса: первый-третий, второй-четвёртый. В классах по тридцать и более человек. Дети послушные, уважали старших, учителей. В то же время полураздетые, полуголодные... На работу приходили рано, чтобы успеть истопить печку. Ученики сразу к печке жались, чтобы согреться. Одежда ветхая, многие в лаптях, с тряпичными сумками. Коллектив собрался маленький, но дружный. Старались помочь друг другу, чем могли.

Как-то председатель колхоза попросил Веру поработать помощником бригадира, малограмотного старичка. Она не отказала. Стала с утра ходить к звонку, туда же подтягивались и женщины-работницы. Определяли, кто на какое поле идёт, что делает. Далее выполняла свои обязанности в школе. По окончании уроков брала в руки шагалку и отправлялась по полям измерять сделанную за день колхозницами работу. При этом аккуратно записывала все данные в журнал учёта. Бригадир давал список, кто и что делал. А вечером проверка тетрадей, составление планов, начисление трудодней колхозникам, записи в их трудовых книжках.

Соответственно, за такую работу и самой Вере платили один трудодень. Ей запомнилось, как за заработанные трудодни привезли на быке два мешка пшеницы, картошки, четверть льняного масла и большой кусок свинины. В то время все ходили полуголодные, получали паёк 4,5 килограмма муки, состоявшей наполовину из овсяных колючек. Один полученный мешок пшеницы пошёл на муку, а второй Вера продала на рынке, на вырученные деньги купила себе пальто.

Пока шли ожесточённые сражения за освобождение страны от немецких захватчиков, в людях жила вера в то, что Красная Армия обязательно победит. Как-то отправилась Вера вместе

с одной из учительниц в сельсовет в Новоалександрово. На встречу им верховой на лошади, молодой паренёк. Едет, рукой машет, кричит: «Девчонки, война кончилась, война кончилась!» Те аж побежали. У сельсовета народу уже собралось!.. Все радовались, слёзы, смех, объятия. Каждый по-своему воспринял известие. Это случилось девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года.

НО ВСЕГДА ОСТАЁТСЯ НАДЕЖДА

В августе тысяча девятьсот сорок пятого года Веру перевели в Новоалександровскую школу преподавать географию, историю и рисование в старших классах. Было тяжело, поскольку учителей не хватало, люди часто менялись. Но со временем всё утряслось, и она вернулась в начальные классы. В очередной раз повезло с коллективом.

Как и любой женщине, Вере хотелось семьи. Встретив подходящего, как ей казалось, человека, вышла замуж. Скоро случилось пополнение. Родилась дочь Надежда. К сожалению, через некоторое время счастье закончилось. С мужем пришлось расстаться, дочке тогда исполнилось три года. Но как ни грустно это было, а всё же радость осталась – подрастал замечательный ребёнок.

До сорока лет жила в чужих углах. Наконец дали «четвертинку» на Завражье – совхоз построил первый дом. Радости много – свой дом, да ещё и с огородиком. Самое настоящее счастье! Потом появилась и квартира с удобствами, но тот уголок всё же роднее и ближе, так как первый. Долго привыкали к новому жилью.

Трудная жизнь во время войны не могла не сказаться на здоровье Веры. Сильно мучило давление, часто приходилось лежать в больницах. Не доработав два года до пенсии, ушла на выслугу. Есть у неё награды, в числе которых медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», пять «победных» юбилейных медалей.

Дочка выросла. Выросли и ученики Веры Васильевны. Они превратились не только в бабушек и дедушек, но и в прабабушек и прадедушек. И каждый раз, встречая любимого преподавателя на улице, не скрывали своей радости. Несмотря на то, что школа осталась далеко позади, её по-прежнему высоко ценили и уважали.

Вере Васильевне удалось вырастить достойных людей из своих учеников. Воспитать не одно поколение. У неё большой жизненный опыт, поэтому к её пожеланиям стоит прислушаться. Желает она учиться, быть воспитанными, вырастить своих детей достойными гражданами России. А наши предки начнут нами гордиться, глядя на нас сверху и понимая, что погибали на войне не зря. Пока есть на свете вера и надежда, возможно всё.

*г. Коломна, Московская область
9 класс, творческое объединение «Пегасик»*

ПОТЕРЯННЫЙ ЖЕМЧУГ

С малых лет нас учат говорить правду, раскаяваясь в сказанном или сделанном не по совести. Однако не у каждого получается это, не все хотят или могут признать, что солгали. Такие люди придумывают себе оправдание и постоянно лгут всё больше и больше, считая, что поступают правильно, забывая о белоснежном и чистом жемчуге – правде. И эти лисы, надеясь, на то, что им поверят в самый тяжёлый момент, когда они вдруг скажут чистую правду, чтобы спасти себя, – напрасно считают так. Тот, кто привык лгать, сможет ли отличить ложь от правды? И окружающие поэтому не поверят обманщику.

Когда мы говорим правду, – на душе становится легче. Как жаль, что наш сегодняшний мир состоит из лжи. В любой непонятной ситуации, не стремясь разобраться, каждый либо произносит слово лжи, либо совершает бесчестный поступок. Так легче и быстрее можно избежать горьких вопросов, ненужных объяснений и тревог совести. И жемчуг потерян, им никто не пользуется. Находя его, люди опять легко утрачивают это богатство – и жемчуг падает в бездну. Жаль, что потом так трудно достать этот драгоценный камень правды!

С каждой новой ложью он уходит всё глубже и глубже... И оттого человек становится чёрствым и злым. Станут ли эти люди добрыми? Нет, никогда: их душа утратила смысл, опустела.

Представим, что с момента рождения наша чаша наполнена водой доверху, а на поверхности аккуратно лежит жемчуг, противореча всем законам физики. Лежит и не тонет, потому что он чист. Но с каждой даже маленькой ложью камень темнеет и, опускаясь вниз, тащит за собой воду, как в воронку. И если на поверхности стало пусто, если исчез жемчуг, то уже ни-че-го не сделаешь.

Стало быть, выход только один: говори правду, если не хочешь навсегда сесть на мель.

*г. Коломна, Московская область
12 лет, творческое объединение «Пегасик»*

СВОБОДА КРЫЛЬЯ РАСПРАВЛЯЕТ...

Свобода крылья расправляет,
О ней всегда душа мечтает.
Но, видя на Земле страданья,
Летит к основам мирозданья

Просить добра для человека,
Чтоб распри прекратить навеки,
Чтоб добрыми все люди стали,
Чтобы от Зла не погибали,

Чтоб все привычные пороки
Скорее уносили ноги.
У нас останутся тогда
Тепло, любовь и доброта.

И милосердье, состраданье,
Да и другим помочь желанье.
Ах, если бы об этом знали,
Добрей, конечно, люди стали.

Но из глубин Вселенной слышит:
– Пройдёт немало сотен лет,
Пороки сгинут, словно мыши,
И будет счастлив человек.

Но надо стать грозы сильнее,
Душевной ласки не жалея.
И будет счастлив человек
Из года в год.

За веком век.

Содержание

Н. Евстигнеева. <i>Здравствуйте, уважаемые читатели!</i>	3
Татьяна Белокурова	8
Виктория Древо	24
Наталья Евстигнеева	26
Ирина Китаина	33
Михаил Корабельников	39
Лидия Козлова	106
Марина Красавина	122
Екатерина Ксенофонтова	125
Евгений Куманяев	126
Милена Миллинткевич	129
Денис Минаев	135
Натали	136
Николай Никольский	139
Петр Панасейко	143
Екатерина Симонова	176
Галина Самусенко	178
Ксения Седова	179
Светлана Черникова-Чернокожих	180
Анна Шувалова	190
Анастасия Шандрова	195
Кристина Юматовас	196

Жизнь прожить – не поле перейти

Сборник произведений

Редколлегия:

*С.С. Антипов, И.Е. Витюк,
Д.В. Минаев, Н.В. Евстигнеева*

Составитель: *Н.В. Евстигнеева*

Дизайн обложки: *А.А. Минаева*

Корректор: *А.Е. Русских*

Компьютерная вёрстка: *Д.В. Минаев*

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Подписано в печать 16.12.2019

Формат 60x90/16. Бум. офс. 80 г/м².

Печать цифровая. Объём 12,375 усл. п/л.

Гарнитура AdonisC.

Тираж 350 экз. Заказ № 149988

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект,

д. 42, корпус 5.

Тел: 8 (495) 322 38 30

www.t8print.ru